

Издание посвящается
первому визиту в Белоруссию
Святейшего Патриарха
Московского и Всея Руси

КИРИЛЛА

МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
им. Святителя Кирилла Туровского
МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ
им. Вселенских Учителей и Святителей
Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста
МИНСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Г.Э. Щеглов

ПЕЧАЛЬНИК О БЛАГЕ НАРОДНОМ
Жизнь и литературные труды
Дмитрия Гавриловича Булгаковского

Минск
2009

УДК 271.22

ББК 86.37

Щ 33

*По благословению
Высокопреосвященнейшего Филарета,
Митрополита Минского и Слуцкого,
Патриаршего Экзарха всея Беларуси*

Рецензент **Сергей Львович Фирсов**, доктор исторических наук,
профессор С.-Петербургского государственного университета.

Щ 33 **Щеглов, Г. Э.**

Печальник о благе народном. Жизнь и литературные труды
Дмитрия Гавриловича Булгаковского / Г. Э. Щеглов. – Минск :
Белорусский Экзархат, 2009. – 272 с., ил.

ISBN XXX-XXX-XXXX-XX-X

Монография посвящена жизни и литературно-общественным трудам писателя
Дмитрия Гавриловича Булгаковского (1843 – после 1918), одного из замечательных
деятелей на ниве народного отрезвления и просвещения. Книга написана главным
образом на основе многочисленных архивных и опубликованных источников.

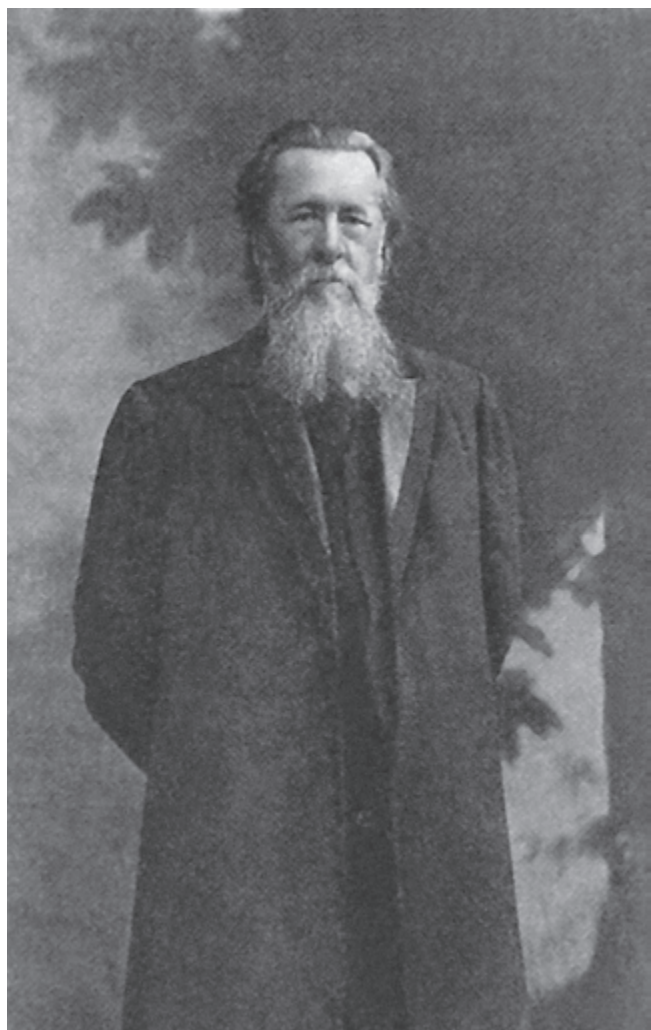
Для всех интересующихся историей литературы, просвещения и трезвого
движения в России второй половины XIX начала XX века, а также историей
Русской Православной Церкви.

УДК 271.22

ББК 86.37

ISBN XXX-XXX-XXXX-XX-X

© Щеглов Г. Э., 2009

D. Tyurashevskiy

Предисловие

*Обративший грешника от
ложного пути его спасет душу
от смерти и покроет множество
грехов (Иак. 5. 20).*

«Печальник о благе народном» – именно это определение наиболее подходит писателю Дмитрию Гавриловичу Булгаковскому (1843 – после 1918), неутомимому деятелю на ниве народного отрезвления и просвещения, жизни и литературным трудам которого посвящается настоящая книга.

История его жизни представляется достаточно сложной и неоднозначной. Уроженец Орловской губернии, Булгаковский волей судеб оказался в Белоруссии. Окончив здесь Минскую духовную семинарию (1869), он на протяжении многих лет нес пастырское служение в приходах Белоруссии сначала в Минской, а затем в Литовской епархии. Еще на семинарской скамье он начал свою литературную деятельность, которая впоследствии уже не ослабевала. Прослужив несколько десятилетий на различных приходах, Булгаковский перешел в полковые священники и вскоре за тем вышел в заштат, поселившись в качестве свободного священника в Петербурге, где посвятил свои силы уже исключительно литературной и общественной деятельности. Постепенно обозначилось главное дело его жизни и литературной работы – борьба с народным пьянством. Между тем сложные внутренние переживания привели его к отказу от священного сана, в котором он пробыл более 30 лет. Поступок этот не был результатом религиозного разочарования. Булгаковский решился на этот трудный шаг исключительно ради полноты реализации в том деле, которому посвящал свои главные силы – делу народного отрезвления. Находясь 12 лет за штатом, он бездействовал как священник, оставаясь длительное время без священнослужения, и в то же

время не мог вполне реализоваться ввиду своего статуса как деятель общественный. «Он хотел, – писал С.А. Венгеров, – не стесняя никого своею рясью, видеть воочию пьянственный омут во всех его видах всюду в низах и верхах общества». И действительно, Булгаковский до конца жизни остался энергичным борцом за народную трезвость и народное просвещение. Вместе с тем он всегда оставался глубоко религиозным человеком – верным членом Церкви.

«В числе энергичнейших борцов с пьянством, резко и разумно бичующих этот порок, должен быть особо отмечен о. Д.Г. Булгаковский. Оружие, каким он пользуется, это – книги и брошюры, обильно им выпускаемые...», – писал в 1902 году профессор С.-Петербургской духовной академии Александр Александрович Бронзов¹.

Он же несколько лет спустя писал: «Почтеннейший Д.Г. Булгаковский неутомимо трудится по части просвещения нашего темного люда, издавая книжку за книжкой. Особенно много сделано им для отучения народа от пьянств. Непрерывная борьба его с пьянством – несомненно, одна из лучших страниц в жизни трудолюбивого автора – страниц, какими каждый смело мог бы гордиться»².

Между тем литературная деятельность Д.Г. Булгаковского была весьма разнообразной. Его многочисленные труды можно разделить по своему содержанию на несколько групп: религиозно-нравственные, исторические, этнографические, агиографические, антиалкогольные, военные, беллетристику. Из них наиболее обширный список составляют, конечно же, книги и брошюры, направленные против пьянства.

Из наиболее крупных трудов писателя можно назвать: «Пинчуки. Этнографический сборник» (СПб., 1890), «Домик Петра Великого и его святыня в С.-Петербурге» (СПб., 1891), «Из загробного мира. Явления умерших от глубокой

¹ Бронзов А., профессор. Библиография. Борьба с пьянством // Русский Паломник. – 1902. – № 8. – С. 138.

² Бронзов А., профессор. Библиография. Брошюры Д. Булгаковского // Русский Паломник. – 1904. – № 14. – С. 246.

древности до наших дней» (СПб., 1894), «Иссык-Кульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии» (СПб., 1896), «Горе горемычное. Старые и новые речи против пьянства и его ужаснейших последствий и добрые советы, как избавиться от него» (СПб., 1898), «Новая русская хрестоматия с подбором статей о вредном влиянии спиртных напитков на здоровье, материальное благосостояние и нравственность» (СПб., 1901), «Вино на Руси по памятникам народного творчества литературным и художественным» (СПб., 1902), «Близнецы» роман в 2-х частях (СПб., 1903), «В стороне от жизни. Повесть из жизни современного духовенства» (СПб., 1909), «Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за все время их существования (1895–1909 гг.)» (СПб., 1910), «Великое былое. Воспоминания об Отечественной войне, по поводу ее столетней годовщины» (СПб., 1912) и др. Все его литературное наследие насчитывает более 170 наименований.

К сожалению, до настоящего времени серьезной реконструкции жизни и исследования литературно-общественной деятельности Д.Г. Булгаковского не предпринималось. Сведения, имеющиеся о нем в справочной литературе довольно скудны. К наиболее ранним относится небольшая заметка в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона³. Самая объемная из всех имеющихся – статья Е.Б. Белодубровского в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917»⁴, составленная на источниках и содержащая о писателе наиболее полные биографические сведения. Все белорусские энциклопедические издания, в которых упоминается Д.Г. Булгаковский, называют его белорусским этнографом, фольклористом и краеведом⁵, между тем как в российских энциклопедиях он

³ Булгаковский Дмитрий Гаврилович // Энциклопедический словарь. Доп. том I «Аа – Вяхирь». [Репринт. воспр. изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. 1905 г.]. – «ТЕРРА»-«TERRA», 1994. – С. 330.

⁴ Белодубровский Е.Б. Булгаковский Дмитрий Гаврилович / Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – С. 347.

⁵ См.: Бандарчык В.К. Булгакоўскі Дзмітрый Гаўрылавіч / Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. Т. 2 (Афіны – Ведрыч). – Мінск, 1970. – С. 463; Бандарчык В.К. Булгакоўскі Дзмітрый Гаўрылавіч / Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі.

значится как российский писатель⁶. В связи с этим нужно сказать, что Д.Г. Булгаковский в равной степени принадлежит как российской, так и белорусской культуре, хотя в его время Россия и Беларусь составляли одно территориальное целое.

В 1989 году в Минске на белорусском языке вышла брошюра исследователя А.И. Гурского «С любовью к народу»⁷, большую часть которой составил очерк о фольклорно-этнографической и литературной деятельности Д.Г. Булгаковского. Это первая работа, специально посвященная исследованию его литературного наследия. В очерке автор не дает никаких новых биографических данных о писателе, пользуясь общеизвестными краткими сведениями, почерпнутыми из справочных изданий. Исследование посвящено исключительно обзору литературной деятельности Булгаковского, главным образом этнографическому сборнику «Пинчуки», а также изданиям противоалкогольным и на военную тему. К сожалению, неполное представление автора о литературном наследии писателя не позволило сделать более широкий обзор его трудов. Между тем А.И. Гурский высоко оценивает значение литературной деятельности Дмитрия Гавриловича и с самой положительной стороны характеризует его как человека и гражданина. Как этнограф Булгаковский, по убеждению автора, «показал себя глубоким знатоком жизни, быта, обычаев, привычек, психологии, духовной и материальной культуры пинчуков; любознательным, тонким, наблюдательным ученым-исследователем и вместе с тем человеком, который сочувственно и доброжелательно относился к народу»⁸. Он «талантливый и трудолюбивый, высококультурный и совестли-

Т. 1 (А капелла – Габелен). – Минск: Выд. «Беларуская савецкая энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1984. – С. 513–514; *Гурскі А.І.* Булгакоўскі Дзмітрый Гаўрылавіч / Беларуская Энцыклапедыя. Т. 3. – Минск: «Беларуская энцыклапедыя», 1996. – С. 330; Булгаковский Дмитрий Гаврилович / Республика Беларусь: Энциклопедия: в 6 т. Т. 2 / Редкол.: Г.П. Пашков и др. – Минск: БелЭн, 2006. – С. 555.

⁶ Булгаковский Дмитрий Гаврилович / Большая Энциклопедия (в 62-х томах). Т. 7. – Москва: «ТЕРРА», 2006. – С. 439.

⁷ *Гурскі А.І.* З любоўю да народа: З жыцця і фальклорна-этнаграфічнай дзейнасці Д.Г. Булгакоўскага і П.П. Дземідовіча. – Минск: Навука і тэхніка, 1989. – 65 с.

⁸ Там же. – С. 7.

вый, с прогрессивными для того времени взглядами». «Трудно преувеличить его заслуги перед родиной, – пишет автор, – за многолетний, исключительно упорный и воодушевленный труд, направленный на борьбу с пьянством в современном ему обществе. Д.Г. Булгаковский – гражданин, который хорошо знал свой народ и его устное художественное творчество. Он любил народ и самоотверженно, горячо боролся за его духовное здоровье, как истинный патриот своей родины»⁹.

Следует упомянуть еще об одном литературном произведении, посвященном Д.Г. Булгаковскому. Это эссе современного писателя Д.Л. Быкова «Блаженный Булгаковский», вошедшее в авторский сборник с претенциозным названием «Блуд труда»¹⁰. Автор на основе ряда прочитанных им произведений Булгаковского пытается составить его образ, что очевидно ему не очень хорошо удастся. Д.Л. Быков не понимает своего героя, потому что не знает. И хотя, кажется, он неплохо относится к персонажу своего эссе, все же весь тон произведения проникнут какой-то насмешливой иронией, опрощающей личность Булгаковского. Впрочем, некоторые замечания его вполне симпатичны и заслуживают внимания. «Позиция Булгаковского и сотен сентиментальных просветителей гораздо привлекательней и попросту этичней, – пишет Быков, – чем вакханалия Серебряного века, когда лучшие литературные силы напропалую эстетизировали порок, играли в ницшеанство, вседозволенность, богоискательство, богостроительство и групповой секс. В русской революционной ситуации субъективные мотивы творчества Булгаковского стократ чище и милей, чем запойный, чадный отечественный модернизм и его сумрачные искания»¹¹. Пытаясь представить, каким был писатель в жизни, и рисуя в своем воображении различные картины, автор, в конце концов, заключает: «По-моему, он вел

⁹ Там же. – С. 41.

¹⁰ Быков Д.Л. Блаженный Булгаковский / Блуд труда [Электронный ресурс]. – http://www.belousenko.com/books/new_names/bykov_blud_truda.htm. – Дата доступа 28.07.2008.

¹¹ Там же.

жизнь тихую и подвижническую, и его сильно заботил вопрос о бессмертии души». Здесь Д.Л. Быков не ошибся! Заключает он свое эссе словами: «Булгаковский – очень хороший писатель. Теперь таких нет»¹².

В предлагаемой читателю книге «Печальник о благе народном» по возможности воспроизведена жизнь, литературная и общественная деятельность Д.Г. Булгаковского. Составлена библиография его печатных трудов, наиболее интересные из которых рассмотрены более подробно, другие лишь упоминаются.

Исследование написано главным образом на основе разнообразных и многочисленных источников, важнейшее место среди которых занимает литературное наследие писателя. К сожалению, не все его издания удалось обнаружить, чтобы ознакомиться с ними. Их не нашлось даже в таких крупнейших книгохранилищах, как Национальная российская библиотека (Санкт-Петербург) и Российская государственная библиотека (Москва). Из более крупных работ, с которыми не удалось познакомиться, можно назвать сборник «Сила Всевышнего. Собрание рассказов о чудесах и знамениях Божиих, явленных в разное время в жизни праведных и грешных людей и душеполезные размышления о путях Провидения Божия»¹³.

Среди опубликованных источников важное место для исследования жизни и творчества писателя занимают отзывы на его труды, а также материалы делопроизводственной документации.

Другой важнейшей источниковой группой являются архивные материалы, представленные фондами Национального исторического архива Беларуси (Минск), Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Центрального государственного исторического архива

¹² Быков Д.Л. Блаженный Булгаковский / Блуд труда [Электронный ресурс]. – http://www.belousenko.com/books/new_names/bykov_blud_truda.htm. – Дата доступа 28.07.2008.

¹³ Булгаковский Д.Г. Сила Всевышнего. Собрание рассказов о чудесах и знамениях Божиих, явленных в разное время в жизни праведных и грешных людей и душеполезные размышления о путях Провидения Божия. – СПб., – 1903.

Санкт-Петербурга, Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Литовского государственного исторического архива (Вильнюс).

Хочется обратить внимание на вопрос, касающийся даты рождения писателя. Дело в том, что годом его рождения принято считать 1845-й, однако как выяснилось – это не верно. Вопрос прояснило, главным образом, дело о рукоположении Булгаковского¹⁴. 15 июля 1869 года, незадолго до его посвящения в сан, вышло распоряжение Святейшего Синода, предписывающее определять на священнические места выпускников семинарий не ранее 25-летнего возраста. Ввиду этого постановления Минская духовная консистория должна была иметь подтверждение, что кандидат подходит под указанный возрастной ценз. И такое подтверждение имелось. Это была выписка из метрики, присланная еще в феврале 1866 года Орловской духовной консисторией, по поводу перевода Булгаковского из Орловской епархии в Минскую в связи с его поступлением в местную семинарию. Согласно присланной справке Дмитрий Булгаковский родился 12 сентября 1843 года¹⁵. Эта же дата им была указана и при генеральной исповеди под присягой. Клировые ведомости за 1871–1872 годы¹⁶ так же подтверждают год его рождения. Однако уже в ведомости за 1873 год¹⁷ вкрадывается ошибка: указывается, что ему 28 лет, хотя на самом деле было 30. В этой же ведомости неверно указан и возраст его жены – 20 лет вместо 21-го. Со временем закрававшаяся ошибка перешла из клировых ведомостей в другие официальные документы, таким образом окончательно закрепившись. Почему Булгаковский не пытался исправить ее, сказать трудно. Может быть, он просто не хотел связываться с консисторской бюрократией.

Если вопрос о времени рождения писателя прояснен с достоверностью, то вопрос о времени и месте его кончины,

¹⁴ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 33011.

¹⁵ Там же. Л. 10 об.–11.

¹⁶ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40922. Л. 265 об.

¹⁷ Там же.

к сожалению, так и остается пока невыясненным. Возможно, впоследствии разъяснится и он.

Однако бесспорно – Д.Г. Булгаковский всей своей жизнью создал себе нерукотворный памятник. И, несомненно, имя его должно занять достойное место среди деятелей русской и белорусской культуры второй половины XIX – начала XX века – времени подъема и развития народного самосознания. Пусть это время было крайне противоречивым, крайне трагичным, но тот исторический путь, который прошли наши народы, дал им исключительно ценный опыт. А такие люди, как Булгаковский, в бушующем море исторических событий, словно добрые кормчие старались направить людей только к разумной и созидательной жизни, на основах христианской веры, морали и просвещения.

Пусть настоящая книга станет посильным приношением в память этого замечательного человека.

I

Детство и годы учебы

Дмитрий Булгаковский родился 12 сентября 1843 года в городе Елец Орловской губернии в семье псаломщика местной Предтеченской церкви – Гавриила и Екатерины Булгаковских¹⁸. Свое образование он начал в Ливенском уездном духовном училище, продолжив затем в Орловской духовной семинарии, в которой проучился всего два года. Лишившись отца, а вместе с тем и средств к существованию, Дмитрий вынужден был оставить учебу. Именно с этого времени и начинаются его нелегкие жизненные скитания.

В 1864 году в поисках средств к жизни Дмитрий с группой своих товарищей отправился по вызову генерал-губернатора Северо-Западного края М.Н. Муравьева¹⁹ в Белоруссию. Это было время как раз после подавления польского восстания 1863–1864 годов. Восстание заставило тогда правительство, да и вообще российское общество обратить внимание на то, до какой степени здесь буквально все стороны жизни были проникнуты польским влиянием и польским духом. В целях ослабления этого влияния и укрепления православно-русского начала М.Н. Муравьев предпринял целый ряд мер, одной из которых было повсеместное открытие в Западном крае народных училищ. На преподавательские должности в них приглашались воспитанники как местных духовных семинарий, так и из внутренних губерний России. Именно по такому приглашению и прибыл Дмитрий Булгаковский, получив учительское место в народном училище села Зачистье Борисовского уезда Минской губернии.

¹⁸ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 33011. Л. 8.

¹⁹ **Муравьев Михаил Николаевич** (1796–1866) – граф, государственный деятель. С началом польского восстания (1863–1864) назначен 1 мая 1863 г. генерал-губернатором с чрезвычайными полномочиями для шести северо-западных губерний, а затем и Августовской губернии. Благодаря его энергичным действиям восстание к ноябрю 1863 г. было подавлено. С конца 1863 г. деятельность Муравьева была направлена на умиротворение края. 1 мая 1865 г. он уволен от должности генерал-губернатора. В апреле 1866 г. назначен председателем верховной комиссии по делу Каракозова (о покушении на Александра II), но вскоре умер.

В то время многие воспитанники низших отделений семинарий оставляли учебу, поступая на канцелярскую службу в разные гражданские учреждения белорусско-литовских губерний или в сельские учителя. Довольно часто шли в учителя на два-три-четыре года, мотивируя свои просьбы об увольнении из семинарии желанием заработать деньги «на продолжение учебы» или «в пособие к полуказенному содержанию»²⁰.

Прибывавшим на учительские должности предлагалось довольно приличное содержание: готовая квартира с отоплением и жалование – в селе 150 рублей, в уездном городе 200 рублей. На проезд выдавались прогонные деньги на одну лошадь, а также подъемные от 25 до 60 рублей каждому²¹. Кроме того, приезжим обещались разные права и привилегии по службе, что, впрочем, как выяснилось впоследствии, оказалось большим преувеличением.

Получив учительское место с окладом 12 рублей 50 копеек в месяц, Дмитрий Булгаковский устроился еще на должность волостного писаря с жалованием 10 рублей и ссыпкой 30 четвертей в год разного хлеба, что составляло по тогдашним ценам сумму в 120–150 рублей. Содержание это ему, бывшему воспитаннику малообеспеченной Орловской семинарии, где в то время не особенно баловали, давая на завтрак хлеб и воду, показалось «большим вознаграждением», особенно при тогдашней дешевизне «на все предметы житейского обихода»²². Вскоре, однако, когда первое впечатление от достатка прошло, он понял, что сделал большую ошибку, бросив учебу. Перспектива остаться на всю жизнь недоучкой его чрезвычайно огорчила. Да к тому же его «искренним и всегда постоянным желанием» было окончить курс наук в семинарии, «чтобы потом удостоиться пастырского сана».

²⁰ *Вержболович М.* История Минской Духовной Семинарии. Третий период ее существования (1840–1874 гг.) // Минские епархиальные ведомости. – 1901. – № 1. – С. 13.

²¹ *Корнилов И.* Русское дело в Северо-Западной крае. Вып. 1. – Изд. 2-е, проверенное и дополненное (посмертное). – СПб., 1908. – С. 64.

²² Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН (ИРЛИ РАН). Ф. 377 (С.А. Венгерова). Оп. 7. Д. 651. Л. 4.

После года преподавания в сельском училище Булгаковский подал прошение Минскому архиепископу Михаилу (Голубовичу) с просьбой о зачислении его для продолжения учебы в Минскую духовную семинарию. Благодаря личному участию владыки он продолжил свое образование, будучи принятым в семинарию на полное казенное содержание. Мало того, владыка Михаил, заметив усердие Булгаковского, взял его в число своих иподиаконов, что дало юноше еще дополнительную материальную поддержку. В течение двух лет своего иподиаконства, до увольнения в 1868 году Пресвященного Михаила на покой, он выполнял обязанности «книгодержца».

Первые годы учебы Дмитрия в Минской духовной семинарии пришлось на время ректорства в ней архимандрита Афанасия (Турчановича)²³, назначенного в начале февраля 1865 года на место переведенного в Псков архимандрита Николая (Трусовского)²⁴. Всего пару лет прослужил отец Афанасий в Минской семинарии, однако за это короткое время сумел произвести в ее жизни целый ряд преобразований и улучшений, зарекомендовав себя весьма энергичным человеком.

Следует несколько подробнее остановиться на деятельности архимандрита Афанасия по управлению Минской семинарией, потому как именно с его именем связано начало публицистической деятельности Булгаковского.

²³ **Афанасий (Турчанович), архимандрит** (†20.07.1867) – выпускник Киевской духовной семинарии и академии, магистр. По окончании академии в 1857 г. определен преподавателем в Саратовскую семинарию на кафедру библейской истории. В 1859 г. пострижен в монашество, и в том же году назначен на должность бакалавра С.-Петербургской духовной академии по классу нравственного и пастырского богословия. В 1863 г. возведен в сан архимандрита. С 1865 г. – ректор Минской духовной семинарии и благочинный монастырей Минской епархии.

²⁴ **Николай (Трусовский), архимандрит** (†20.08.1881) – сын священника Минской епархии, выпускник Минской духовной семинарии, магистр Киевской духовной академии. Служил профессором в Новгородской духовной семинарии, в 1848 г. переведен инспектором и профессором церковной истории в Минскую семинарию. В 1852 г. возведен в сан архимандрита. С 1853 г. – ректор Минской духовной семинарии и профессор богословских наук, с 1854 г. – благочинный монастырей Минской епархии, а с 1856 г. – настоятель Лядинского монастыря. С декабря 1863 г. по 11 января 1865 г. служил очередным архимандритом в С.-Петербурге, до назначения ректором в Псковскую духовную семинарию. Впоследствии настоятель Московского Заиконоспасского монастыря. Составил и издал «Историко-статистическое описание Минской епархии» (СПб., 1864).

Вступив в должность ректора, отец Афанасий в первую очередь обратил свое внимание на учебную часть. Будучи сам высокообразованным человеком, он постарался всеми мерами улучшить умственное развитие воспитанников, для чего первоначально занялся устройством семинарской библиотеки. До него она находилась в весьма жалком состоянии, «будучи завалена устарелым книжным хламом», так что учащиеся практически лишены были возможности внеклассного чтения. Отец Афанасий мало-помалу наполнил библиотеку новыми и разнообразными изданиями. Часть книг он выписывал на собственные средства, на приобретение других поощрял учеников делать складчины, нередко обращался за денежными пожертвованиями в пользу библиотеки к архиерею, приобретал также с разрешения Преосвященного книги на казенные деньги.

Большое внимание отец Афанасий уделял учебному процессу, отучая, например, воспитанников от механической зубрежки. Не упускал он из вида и материальную сторону жизни учеников. Не мало стоило ему забот при скудости имеющихся средств улучшение семинарского питания. Для этого он установил внимательный контроль над расходом сумм, ассигнуемых на содержание воспитанников. Сам участвовал при закупке продуктов, и даже позволял семинаристам (старшим) делать на каждый день расписание блюд.

Во время ректорства отца Афанасия заметно улучшилась одежда воспитанников, «так что нестыдно было им показаться и на улицу». Для занятий он устроил отдельно от спален специальные комнаты, что дало ученикам возможность вместо спертого, несвежего воздуха дышать чистым и здоровым. Особое внимание было обращено и на поведение семинаристов. При нем «не осталось и следа той распушенности, которой отличались ученики, они более или менее приучились к порядочности»²⁵.

Не оставил отец Афанасий без своего внимания и семинарскую больницу. До него это был тесный наемный дом,

²⁵ Z [Булгаковский Д.]. Некролог. (Архимандрит Афанасий) // Виленский Вестник. – 1867. – № 140. – С. 542.

находящийся на довольно большом расстоянии от семинарии. По распоряжению ректора под больницу было отведено просторное помещение в самом семинарском корпусе. Обновились и были улучшены больничные постели, белье, питание, ассортимент лекарств в больничной аптеке сделался гораздо богаче. Даже семинарский врач под руководством отца Афанасия стал внимательнее относиться к своим обязанностям, «так что мнимо больные воспитанники не принимались уже более в больницу».

Между тем деятельность архимандрита Афанасия вызвала недоброжелательное отношение к себе со стороны некоторых влиятельных лиц из среды минского духовенства. Связано это было, прежде всего, с проблемами вокруг семинарской экономии, доставшейся новому ректору в крайне расстроенном состоянии. Еще до его назначения в Минск в семинарии накопились значительные долги по хозяйственной части. Когда отец Афанасий вступил в должность ректора, семинарское Правление уже всюду осаждали подрядчики и поставщики семинарии, в основном евреи, требовавшие уплаты им значительных сумм. Некоторые из них даже начали жаловаться в Святейший Синод.

Погрузившись в разбор отчетности за прежние годы, отец Афанасий вынужден был просиживать целые ночи над бумагами, в которых обнаружил большой беспорядок. Выяснилось, что часть долгов семинарии оказалась недействительной, а в других были виновны лица, начальствовавшие прежде. Кроме того, были выявлены и некоторые отступления от плана по постройке семинарского корпуса. Дело дошло до Петербурга, и по распоряжению Синода началось расследование, вызвавшее длительные и неприятные разбирательства, закончившиеся лишь в 1868 году. Во всем этом деле отец Афанасий занял принципиальную позицию, из-за чего приобрел себе немало врагов.

К сожалению, деятельность архимандрита Афанасия по управлению Минской духовной семинарией прервалась его неожиданной смертью. В начале лета 1867 года он отправился в Самарскую губернию для лечения кумысом. В дороге

20 июля он скорпостижно скончался в селе Богдановка недалеко от Самары, где и был погребен на сельском кладбище ректором Самарской семинарии архимандритом Серапионом в сослужении четырех священников.

Нерасположенность к отцу Афанасию в среде начальствующих лиц в Минской епархии выразилось в том, что ему нигде не было посвящено даже маленького некролога. Ни слова...

К этому прискорбному обстоятельству не остался безразличен лишь один человек – ученик пятого класса семинарии Дмитрий Булгаковский. В конце ноября он отправил редактору газеты «Виленский Вестник» М.Ф. Де-Пуле некролог, посвященный отцу Афанасию. В сопроводительном письме он писал: «Вполне оценивая добрую деятельность о. Афанасия, бывшего Ректора Минской Духовной Семинарии, я, как великорус, обучающийся в этой семинарии, не могу, после 4-месячного молчания здешних уроженцев, не сказать несколько слов о его заслугах в пользу семинарии. Мы со всех сторон здешнего духовенства слышим очень неблагоприятные отзывы о его деятельности, это объясняется очень просто. О. Афанасия здешнее духовенство не любило как преобразователя здешних ополяченных нравов и обычаев. О. Афанасий своею энергическою деятельностью стал ему, что называется, поперек горла.

Понимая направление Вашей газеты, я льщу себя надеждою, что Вы не откажетесь напечатать этот некролог»²⁶.

Юноша просил редактора уведомить его, будет ли напечатан некролог, чтобы в случае отказа предложить его «в один из духовных журналов». «Печатать моей фамилии я не желаю, по известным Вам причинам», – прибавлял он в конце своего письма.

2 декабря некролог, посвященный отцу Афанасию (Турчановичу) был опубликован в «Виленском Вестнике»²⁷ за подписью «Z».

²⁶ ИРЛИ РАН. Ф. 569 (М.Ф. Де-Пуле). Д. 151. Л. 1–1 об.

²⁷ Z [Булгаковский Д.]. Некролог. (Архимандрит Афанасий) // Виленский Вестник. – 1867. – № 140. – С. 542.

«Прошло более четырех месяцев после смерти покойного, – писал в некрологе Булгаковский, – но никто из той среды, в которой он действовал около 3-х лет, не почтил его памяти добрым словом. Быть может, в покойном не было тех качеств, кои могли бы вызвать теплое о нем воспоминание, и потому, быть может, каждый за лучшее счел осудить себя, по древней пословице: “de mortuis aut bene, aut nihil”²⁸, на строгое молчание? Но не так было на самом деле. Правда, что очень многие до сих пор не воздерживаются пятнать его честное имя, распуская о нем самые неблагоприятные слухи. Но чем объяснить упорное молчание лиц, в среде которых он действовал? Неужели тем только, что он был между ними человек новый, прибывший из великорусских губерний?

Нужно быть близоруким, чтобы не видеть тех благотворных перемен в Минской семинарии, которые произвел о. Афанасий»²⁹.

Далее Дмитрий Булгаковский с теплым чувством обрисовывал заслуги покойного перед Минской духовной семинарией, заканчивая свой некролог словами: «Дай Бог, чтобы побольше было таких деятелей в здешнем крае, но дай Бог, чтобы они за свои заслуги получали лучшую благодарность!»³⁰

Так ученик заступился за своего почившего ректора, отдав ему дань благодарности от лица всех воспитанников.

Очень рано в Дмитрии стали пробуждаться писательский талант и тяга к изучению народной жизни – культуры, быта, традиций. Еще учеником семинарии он опубликовал в «Минских губернских ведомостях» статью «Белорусские песни. Волочebные»³¹, собранные им в Борисовском уезде в бытность преподавателем Зачистского училища.

Волочebными песни назывались потому, что крестьяне пели их, переходя от одной хаты к другой, «волочась» по селу,

²⁸ О мертвых либо хорошо, либо ничего (латин. пословица). – Г.Щ.

²⁹ *З [Булгаковский Д.]. Некролог. (Архимандрит Афанасий) // Виленский Вестник. – 1867. – № 140. – С. 542.*

³⁰ Там же.

³¹ *Булгаковский Д. Белорусские песни. Волочebные (записаны в Борисовском уезде Д. Булгаковским) // Минские губернские ведомости. – 1868. – № 23. – С. 156–157.*

а сами любители таких песен назывались волочебниками. Пелись эти песни обыкновенно в первый день Пасхи, после вечерни в продолжение всей ночи, а иногда даже и на другой день праздника, после утрени.

Пение волочебных песен было чем-то вроде рождественских коляд, когда группа селян, не менее 15 человек, ходила от дома к дому, исполняя свои песни за какое-нибудь вознаграждение. Песни пелись под окнами домов, и только в том случае, когда окна не выходили на улицу, во дворе дома. Обычной платой за пение были кварта водки, сыр, несколько яиц и до 15 копеек денег. Водка волочебниками выпивалась в присутствии хозяев, а остальные даяния забирались с собой и делились поровну уже после окончания хождения.

Начавшись на ученической скамье, литературная деятельность Булгаковского впоследствии уже не ослабевала.

В июне 1869 года Дмитрий Булгаковский благополучно окончил полный семинарский курс по первому разряду успеваемости с почетным званием студента³². Вскоре он подал новому Минскому епископу Александру (Добрынину) прошение о своем желании принять священный сан. «Не ищущи и не желаю другой должности, — писал он, — как только должности священника, к которой я с юных лет своей жизни чувствую и призвание и любовь. Благоволите мне, Преосвященнейший Архипастырь посвятить все силы сему священному служению и честно в нем трудиться»³³. Вместе с тем он просил владыку выдать ему «билет», то есть разрешение на женитьбу.

Еще во время учебы Дмитрий познакомился с ученицей Минского училища девиц духовного звания Ольгой — дочерью священника Василия Терравского († 1886), настоятеля Георгиевской церкви местечка Романово Слуцкого уезда. Ольга была в числе воспитанниц первого выпуска училища. Ей было в это время 17 лет.

Получив разрешение на брак, Булгаковский 26 октября 1869 года обвенчался со своей избранницей на приходе ее отца в приписной Николаевской церкви. Таинство

³² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 33011. Л. 1–1 об.

³³ Там же. Л. 1 об.–2.

венчания совершил священник Старицкой церкви Стефан Страхович³⁴.

Когда Дмитрий Булгаковский подал прошение о рукоположении его в священный сан, Минская духовная консистория предложила ему священническое место в Мозырском уезде при Михалковской церкви³⁵. Однако Дмитрий написал прошение о предоставлении ему другого прихода, сославшись на свою бедность и отдаленность указанной церкви от прихода его тестя, который мог бы помогать молодой семье. Он подчеркивал, что родители его супруги, как люди бедные, «могут пособить только чем-либо из хозяйства; но такая помощь невозможна при дальней перевозке». Булгаковский просил владыку Александра назначить ему вместо Михалковского прихода Морочский в Мозырском уезде, «как ближайший к приходу отца Василия Терравского»³⁶.

После принесения ставленнической присяги и прочих формальностей Дмитрий Булгаковский 23 ноября 1869 года был рукоположен Преосвященным Александром в домовую церкви Архиерейского дома в сан диакона, а 30 ноября в той же церкви в иерея. Первым местом его служения стала Успенская церковь села Морочь³⁷, к которой он просил назначить его перед рукоположением.

Получив в консистории подъемные 30 рублей на обзаведение хозяйством, новопоставленный иерей со своей молодой супругой прибыл в декабре на Морочский приход. Всего полгода пробыли здесь Булгаковские, так как отец Дмитрий вскоре получил новое назначение и был переведен в уездный город Пинск.

³⁴ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 33011. Л. 7.

³⁵ Минские епархиальные ведомости. – 1869. – № 20. – С. 267–268.

³⁶ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 33011. Л. 4.

³⁷ Там же. Л. 12 об., 17.

II

На ниве приходского служения

1 июля 1870 года иерей Дмитрий Булгаковский был определен вторым священником к Пинскому Феодоровскому собору³⁸. 13 сентября он получил назначение на должность учителя приготовительного класса при Пинском духовном училище. Для молодого священника это было довольно престижное назначение, свидетельствующее о его способностях.

На преподавателе приготовительного класса лежала обязанность ведения всего учебного курса, состоящего из следующих предметов: Закона Божия (3 урока), русского языка (6 уроков), арифметики (4 урока), чистописания (3 урока), церковного пения (2 урока) – всего 18 уроков в неделю, по 3 урока ежедневно. Как видно, отец Дмитрий получал большую нагрузку, будучи занят преподаванием шесть дней в неделю. Учитывая, что каждый урок длился по 1 часу 15 минут, с перерывами по 15 минут между уроками, ему приходилось ежедневно проводить в училище четыре-пять часов.

Следует несколько слов сказать о личностных качествах Булгаковского. Без сомнения, он относился к числу ревностных священников, связывая с пастырским служением самые возвышенные идеалы. Он любил церковь, любил богослужение, в тонкостях которого хорошо разбирался. Еще в семинарские годы, будучи иподиаконом владыки Михаила, он приобрел прекрасную богослужебную практику, что сам подчеркивал в своем прошении о рукоположении. Отец Дмитрий любил и ценил проповедь. Много читал, многим интересовался. Бесспорно, он имел педагогический дар. Даже в семинарии педагогика была его любимым предметом, единственным, по которому он имел аттестацию «отлично», тогда как по всем другим дисциплинам – «очень хорошо» или «хорошо»³⁹. Надо полагать, что его пастырская программа была гораздо

³⁸ Минские епархиальные ведомости. – 1870. – № 13. – С. 164.

³⁹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 33011. Л. 10 об.

шире традиционных для своего времени представлений, часто ограничивающихся внешней набожностью, соблюдением церковных обычаев и уставов, и прочими узкосвященническими обязанностями. Не ограничиваясь лишь насаждением благочестия в душах своих прихожан, Булгаковский видел задачу священника и в окультуривании народной жизни, улучшении ее во всех отношениях. Беспросветная жизнь народа, его прозябание в темноте, грубости, нищете вызывали в нем глубокую жалость. И эта жалость, в свою очередь, порождала желание послужить народу не только духовно, но помочь его культурному и хозяйственному развитию. Такие внутренние настроения отца Дмитрия были очень близки и созвучны зарождавшемуся в то время народничеству. Любовь и внимание к народной жизни, как мы видели, проявились в нем очень рано и по мере формирования Булгаковского оформлялись в устойчивое мировоззрение. Свои церковно-народнические взгляды он пронес через всю жизнь, и они во многом определяли его разнообразную деятельность.

Сохранилось любопытное описание совершенного Булгаковским освящения нового дома, раскрывающее его внутренне состояние как священнослужителя не безразличного к быту, укладу жизни своих прихожан. Требу эту, освящение жилища, он совершил впервые лишь через девять месяцев после своего рукоположения. По просьбе крестьян деревни Козлякевичи, расположенной в двух верстах от Пинска, он вместе с псаломщиком освятил два дома.

Впечатления, полученные им при совершении этого обряда, Булгаковский посчитал нужным записать в журнале церковных служб Феодоровского собора. «Пусть последующие священнослужители, – писал он, – перечитывая страницы этого духовного памятника, видят, как религиозен был наш православный мужичек при данном обряде, в известное время, и сравнивают с ним его сына, внука и вообще дальнейшее его потомство»⁴⁰.

⁴⁰ Булгаковский Д., священник. Извлечение из «Журнала церковных служб», совершаемых причтом Пинского Феодоровского собора // Минские епархиальные ведомости. – 1870. – № 24. – С. 598.

Булгаковский отмечал, что в «простолюдинах, хозяевах дома», нельзя было не заметить определенных качеств. Они твердо верили, что после освящения дома Бог пошлет им свою благодать на долгую и счастливую жизнь. Питали глубокую надежду, что с окроплением святой водой Он сохранит жилище на долгие годы невредимым. В изображаемых ими (углем или мелом) на всех четырех стенах крестах видели божественную силу на «прогнание злого духа». Отец Дмитрий замечал также, что вера эта в небесные дары и надежда получить их от Бога выражались не только словами, но самым делом. В обоих домах он застал семьи в полном составе, «от мала до велика, от младенцев до главы дома, благоговейно стоящими пред святыми иконами». Перед образами и перед крестами на стенах горели свечи, на столе лежали хлеб, соль, мед, масло и другие домашние продукты. Когда началось освящение, с молитвой церковного причта «слилась молитва семьи». «Кто как умел молиться Богу, так и молился, — вспоминал Булгаковский, описывая общую атмосферу, — <...> на лице каждого семьянина видна была духовная радость, которой нельзя было не радоваться священнослужителю». На вопрос отца Дмитрия, для чего при освящении кладутся на стол хлеб, соль и другие продукты, один из крестьян ответил: «Мы батюшка, молим Бога, чтобы Он — наш Кормилец, когда этот хлеб и все, что лежит на столе, окроплено будет святою водою, дал нам счастье, а сам ведь знаешь, батюшка, если Бог даст нам хлеб, вот наше и счастье»⁴¹.

«Записывая это, — отмечал отец Дмитрий, — я думаю, что искренняя передача всякого подобного впечатления, как бы это впечатление не было бедно по своему содержанию, не бесполезна для будущего пастыря Церкви. Ведь неоспоримо, кажется, во 1-х то, что из таких и подобных им записей составлялись и составляются полные истории религиозного состояния народа известного времени, а во 2-х, из записей такого рода можно выводить тот или другой урок, которым не замедлит воспользоваться деятельный пастырь Церкви»⁴².

⁴¹ Булгаковский Д., священник. Извлечение из «Журнала церковных служб», совершаемых причтом Пинского Феодоровского собора // Минские епархиальные ведомости. — 1870. — № 24. — С. 598–599.

⁴² Там же. — С. 599.

Журнал церковных служб, куда Булгаковский записал свои впечатления, только-только был заведен при Феодоровском соборе. Такие журналы вводились тогда во всех церквях епархии по инициативе Минского архиепископа Александра (Добрынина). Прежде по распоряжению его предшественника владыки Михаила (Голубовича) при церквях были заведены тетради, в которые священники должны были записывать содержание произносимых ими проповедей или поучений. Однако эта «полезная мера к побуждению священников ревностно заниматься проповеданием Слова Божия», через некоторое время была почти совершенно оставлена или забыта. Владыка Александр решил оживить угасшее начинание, но уже в виде «особых журналов», скрепляемых благочинными. В этих журналах должно было записываться каждое совершенное богослужение с указанием подробностей: какое богослужение и в какой день совершено, кто совершил, какое поучение и о чем было сказано и пр. Рекомендовалось также указывать и другие особенности, например большое стечение народа, присоединение к православию иноверцев, а, кроме того, чем-либо замечательные записи из этих журналов предлагалось вносить в церковные летописи⁴³.

Как видно, отец Дмитрий Булгаковский подошел к этому нововведению не формально. Он увидел в нем возможность не просто сухо фиксировать статистику богослужений известного прихода, а запечатлеть живой религиозный опыт. И действительно, первая же запись, сделанная им, обратила на себя внимание и была опубликована в «Минских епархиальных ведомостях»⁴⁴ в качестве примера не формального, а желательного подхода к записям в заводимых журналах.

Между тем едва минул год служения молодого священника, как ему пришлось столкнуться и с другой стороной приходской жизни, а именно с хозяйственными спорами и

⁴³ О заведении при церквях Минской епархии особых журналов на записку совершаемых церковных служб // Минские епархиальные ведомости. – 1870. – № 19. – С. 257–258.

⁴⁴ Извлечение из «Журнала церковных служб», совершаемых причтом Пинского Феодоровского собора // Минские епархиальные ведомости. – 1870. – № 24. – С. 597–599.

недоразумениями, так часто омрачавшими жизнь сельского духовенства. Мелочные и нудные разбирательства, склоки, претензии, ссоры, порождаемые главным образом бедностью сельского духовенства, вынужденного наравне со своими прихожанами кормиться крестьянским трудом, подрывали энергию пастырей, угнетали дух, приземляли их интересы, а порой и роняли их авторитет в глазах паствы.

Уже через полгода после выезда Булгаковского с Морочского прихода его настигло неприятное разбирательство по поводу проданного им сена. Дело в том, что перед тем как выехать на новое место в Пинск отец Дмитрий отдал часть положенного ему приходского сена своему тестю, а часть продал крестьянину Стефану Гавруку. Однако новый священник Михаил Юхневич не отдал это сено крестьянину, а воспользовался им для своих хозяйственных надобностей. Оставшись ни с чем и не получив вразумительного объяснения по поводу происшедшего, крестьянин подал жалобу в духовную консисторию о взыскании с Булгаковского или Юхневича сена или денег. Началось неприятное разбирательство, потребовавшее объяснений, переписки, разных хлопот и ненужных переживаний. Каждая сторона представляла свои резоны. Однако, в конце концов, поступок Юхневича был признан неправомерным и с него были взысканы деньги в пользу крестьянина.

В начале марта 1871 года отец Дмитрий, согласно резолюции Минского Преосвященного, был назначен членом и казначеем свечного склада, располагавшегося в здании Пинского духовного училища.

24 сентября он был переведен с должности учителя приготовительного класса на должность учителя русского и церковно-славянского языка в других классах училища⁴⁵.

Уже в октябре того же года Булгаковский был удостоен от архиерея благодарности «за усердие и труды по должности наставника училища» с внесением в формулярный список⁴⁶. Кроме того, в клировой ведомости в графе о том, какого он поведе-

⁴⁵ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40922. Л. 264 об.–265 об.

⁴⁶ Там же. Л. 264 об.

ния и усердия, было записано: «очень хорошего» – аттестация предельно лестная.

Деятельность отца Дмитрия в качестве казначея свечного склада ознаменовалась выявлением недобросовестности со стороны некоторых церковных старост в отношении приобретения свечей. Дело в том, что церкви Пинского уезда должны были закупать свечи со склада духовного училища, куда они поступали с местной свечной фабрики «Боте и К°». Доход от их продажи употреблялся на нужды училища, облегчая духовенству бремя его содержания. Однако старосты некоторых церквей старались приобрести для своего храма свечи подешевле, покупая их на стороне. Так Булгаковский узнал, что староста Поречской церкви покупает свечи на фабрике «Фишера», а не на складе, «в ущерб интересам училища». Об этом он доложил депутатам Пинского духовно-училищного съезда, проходившего в конце октября первых числах ноября 1872 года. К сожалению, противопоставить что-либо существенное подобным злоупотреблениям было невозможно. И все дело закончилось лишь требованием Минской духовной консисторией объяснений от причта Поречской церкви⁴⁷.

Несмотря на свои священнические обязанности, педагогическую и административную нагрузку в училище, различные семейные и хозяйственно-бытовые проблемы, занимавшие ум, отнимавшие силы, отец Дмитрий тем не менее находил время для литературных трудов. Кстати заметить, у него к этому времени родилось двое детей – дочери Лидия и Мария⁴⁸.

Преподавая в Пинском духовном училище русский и церковно-славянский языки, Булгаковский столкнулся с проблемой в отношении учебных пособий. Особенно остро эта проблема чувствовалась в подготовительном отделении, в частности при изучении русской орфографии. Будучи человеком действия, он решил сам восполнить имеющийся пробел, взяв на себя труд по составлению соответствующего пособия.

⁴⁷ Постановления Пинского духовно-училищного съезда, бывшего 31-го октября и 1 и 2 ноября 1872 года // Минские епархиальные ведомости. – 1872. – № 52 (часть официальная). – С. 432.

⁴⁸ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40922. Л. 265 об.

Результатом этого опыта стало вышедшее в 1873 году его «Практическое руководство к наглядному усвоению русского правописания. Для начальных школ и людей, не учивших грамматики»⁴⁹, ставшее первым самостоятельным изданием Булгаковского.

Составлено оно было в виде самоучителя, оказавшись первым и единственным опытом для своего времени. Руководство имело много оригинальных сторон. В частности, для примеров правописания автор широко воспользовался народными пословицами, одной из причин чему была их краткость. Из сборника В.И. Даля Булгаковский подобрал на каждый случай правописания в качестве примера по несколько пословиц. Их краткость вместе с тем позволила не растягивать излишне и само руководство.

По мысли автора, пословицы были хороши тем, что охотно читались, а по содержанию для каждого были понятны и очень многие из них могли быть полезны.

«Мы позволяем льстить себя надеждою, – писал отец Дмитрий в предисловии к своему изданию, – что наше популярно-практическое руководство о правописании, единственное в своем роде, может быть полезным для тех начальных школ, в которых не изучается русская грамматика. Не будет, мы думаем, эта книжка лишнею и для школ, где изучается грамматика, потому что наши объяснения о правописании нисколько не противоречат правилам грамматики, а скорее послужат к более легкому и сознательному усвоению их»⁵⁰.

После выхода книги отец Дмитрий представил ее в Учебный комитет при Святейшем Синоде с прошением о том, не будет ли «признано полезным поместить ее в список книг для училищ». Книга была передана для отзыва члену комитета священнику Петру Лебедеву, который, указав несколько несущественных замечаний, вполне положительно оценил ее. На основании этого отзыва Учебный комитет рекомендовал

⁴⁹ *Булгаковский Д., священник*. Практическое руководство к наглядному усвоению русского правописания. Для начальных школ и людей, не учивших грамматики. – СПб.: Тип. т-ва «Общества польза», 1873. – VI, 90 с.

⁵⁰ Там же. – С. VI.

книгу в качестве учебного пособия для воскресных школ при духовных семинариях, а также мужских и женских духовных училищ⁵¹.

Это было достижение.

Труд Булгаковского не остался без внимания со стороны высшего духовного начальства. В 1873 году за усердие в пастырском служении он был награжден набедренником и благословением от Святейшего Синода с грамотой.

15 февраля 1874 года отец Дмитрий был назначен настоятелем Свято-Николаевской церкви села Купятичи Пинского уезда на место священника Феликса Дружиловского, переведенного на место Булгаковского в Пинский собор. Перемещение это было совершено с обоюдного согласия обоих священников согласно их прошениям, однако вскоре омрачилось взаимными хозяйственными спорами по поводу посевов, огорода, дров и пр., спорами, затянувшимися более чем на два года⁵².

Село Купятичи располагалось в 12 верстах к северо-востоку от Пинска, на правом берегу реки Ясельды. Замечательно это место было тем, что в 1180 году здесь в лесу была обретена чудотворная икона Божией Матери, ставшая со временем весьма известной. Представляла она собой небольшой медный крест, на одной стороне которого была изображена Богоматерь с Предвечным Младенцем, а на другой – Распятие. Вскоре на месте явления иконы была построена церковь, сожженная впоследствии татарами. Вторично икона была обретена через много лет на месте сгоревшего храма случайным путником по имени Иоаким. Крестьяне перенесли тогда крест-икону в сельскую церковь. В 1629 году при церкви с целью укрепления православия против унии был устроен Введенский-Преображенский Купятицкий мужской монастырь. Впоследствии монастырь был приписан к Виленскому Свято-Духову монастырю, а в 1723 году захвачен униатами. Православные иноки, покидая обитель, забрали

⁵¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 155. Д. 721. Л. 1–4.

⁵² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 34456.

с собой Купятицкую чудотворную икону Богородицы, перенеся ее в Киево-Софийский собор. В начале XIX века монастырь в Купятичах был упразднен, а его церковь обращена в приходскую. В 1867 году на месте этой обветшавшей церкви была построена и освящена новая во имя Святителя Николая. В церкви хранилась старинная копия (деревянное резное изображение), сделанная с увезенной в Киев чудотворной иконы Божией Матери. Украшена она была богатым обрамлением с драгоценными камнями. С 1864 года в приходе стал ежегодно совершаться 15 ноября праздник в честь Купятицкой иконы Божией Матери. При Купятичах находилось древнее кладбище под названием «Монастырь» – место древнего Введенского монастыря. В версте от села имелось еще одно любопытное с исторической точки зрения место – могила епископа Пинского и Туровского Кирилла Терлецкого, одного из главных зачинателей Брестской церковной унии⁵³.

Еще со времени переезда в Пинск Булгаковский начал заниматься собиранием произведений местного народного творчества: песен, пословиц, поговорок, загадок и пр. И теперь на сельском приходе, в Полесской глуши, он мог отдаваться этому занятию в полной мере. Жители Пинского уезда – пинчуки, или полешуки, – сразу обратили на себя внимание отца Дмитрия своим самобытным укладом жизни, обычаями и в особенности языком, отличавшими их от всех других жителей Минской губернии. Он заметил, что их живой говор и старинные памятники словесного творчества практически не подпали под чуждое влияние в сравнении с другими жителями Минской губернии и вообще Северо-Западного края. Этому во многом способствовала местность их расселения, окруженная лесами и непроходимыми болотами, «делая их неподвижными и замкнутыми в самих себя», приучив «недоверчиво относиться ко всему, что лежит за пределами их лесов и болот». «Побывать в уездном городе, – писал Булгаковский,

⁵³ Дружиловский *Феликс*, священник. Из церковной летописи Купятицкой Свято-Николаевской церкви // Минские епархиальные ведомости. – 1874. – № 9. – С. 283–288.

характеризуя местных жителей, – составляет целое событие для пинчука на всю его жизнь. Губернский же город Минск пинчуки считают уже “поганою Литвою”, где, по их представлениям, живут ляхи-католики. Благодаря этой уединенности и замкнутости, пинчуки в целости сберегли древне-славянский тип, перенесенный из отдаленной русской старины»⁵⁴.

О Пинщине в науке и литературе в то время было совсем мало сведений, из-за чего об этой части Полесья, его природе и обитателях бытовали самые странные и фантастические представления. Пинчук представлялся таинственным, угрюмым человеком, про которого всем был известен давнишний рассказ, будто на вопрос, что он за человек, он отвечал: «Я не человек, я – пинчук»⁵⁵. И вот эта мало изученная местность давала всякому этнографу-исследователю обильнейший разнообразный материал.

Не остался обделен этим материалом и Булгаковский. Результатом его собирательских трудов стал этнографический сборник «Пинчуки», о котором подробно будет рассказано ниже.

Назначение на сельский приход не стало препятствием отцу Дмитрию в его преподавательской деятельности в Пинском училище, так как Купятичи находились недалеко от Пинска. Между тем у него стал назревать конфликт со смотрителем училища Виктором Тарановичем⁵⁶.

Все началось с преобразования в 1874 году училища в учебно-административном отношении согласно уставу 1867 года. После преобразования училища его содержание должно было практически целиком лечь на духовенство училищного округа. В связи с этим, ища возможность ужать бюджет

⁵⁴ Булгаковский Д., священник. Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь. Собрал в Пинском уезде Минской губ. Д.Г. Булгаковский. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1890. – С. V.

⁵⁵ Довнар-Запольский М. Женская доля в песнях пинчуков // Этнографическое обозрение. – М., 1891. – Кн. IX. – № 2. – С. 42.

⁵⁶ Таранович Виктор Феодосиевич – выпускник Минской духовной семинарии и Московской духовной академии (1862–1866), кандидат. С октября 1866 г. – преподаватель катехизиса, Священной истории и церковного устава в Пинском духовном училище, с октября 1868 г. – смотритель училища.

училища, его Правление подготовило проект, согласно которому сокращались расходы на библиотеку, одежду и питание учеников, упразднялась должность надзирателя (ввиду малочисленности учащихся), а также урезалось жалование учителю приготовительного класса⁵⁷. При утверждении проекта Минский Преосвященный распорядился оставить должность надзирателя, считая ее «не только не излишней, но и необходимой для большей успешности учеников». Мысль эта, кажется, была подсказана владыке смотрителем, который ходатайствовал о назначении на должность надзирателя учителя чистописания и пения Лашкевича, согласившегося исполнять ее за 160 рублей в год.

Одновременно с административным переустройством последовало преобразование и училищного штата, но произошло оно несколько странным образом. Смотритель училища решил взять всю экономическую часть в собственные руки, назначив при этом на должность казначея свою жену, а на должность эконома – свою мать. Таким образом «все ключи от училищного денежного сундука, а равно и самый сундук» оказались в руках смотрителя. Примечательно, что эта «странная» кадровая расстановка произошла с молчаливого согласия училищного Правления, которое теперь понятия не имело о финансовом состоянии училища. Единственный, кто возмущился таким явным административным злоупотреблением, был отец Дмитрий Булгаковский. Бессильный что-либо изменить на месте, он решил действовать посредством печатного слова, написав анонимную заметку в петербургскую газету «Современность»⁵⁸, в которой рассказал о произошедших в Пинском училище «изменениях».

⁵⁷ Постановления Пинского окружного духовно-учебного училищного съезда, бывшего 24–26 апреля 1874 года // Минские епархиальные ведомости. – 1874. – № 11 (часть официальная). – С. 192.

⁵⁸ «Современность» – политическая, общественная и литературная газета. Издавалась с 1871 г., два раза в неделю, при журнале «Странник», вместо приостановившегося «Современного Листка», под редакцией протоиерея В.В. Гречулевича. Издание было посвящено преимущественно интересам Церкви и духовенства. В 1880-е гг. газета была возобновлена и выходила под редакторством А. Старчевского с приложением «Семейное Чтение». Последний номер вышел 3 мая 1881 г.

«Все в руках нового преобразованного штата, – писал он, – и горе тому, кто дерзнет, заявить какой бы то ни было протест против тех или других действий нового штата нашей училищной администрации, к составу которой отчасти примыкает и надзиратель училища господин Л[ашкевич], известный под именем смотрительского “протеза”. Впрочем, деятельность последнего состоит главным образом в пропагандировании смотрительского полновластия по экономической части училища. О том же, как действия упомянутой училищной администрации отзываются на содержании учеников, у нас не достает духу говорить»⁵⁹.

Другую заметку о злоупотреблениях Тарановича Булгаковский опубликовал в газете «Новости», подписавшись на этот раз «Д. Б-ковский». Хотя заметка в «Современности» была опубликована анонимно, а в «Новостях» подписана сокращенным именем, училищной администрации стало известно кто их автор. Заметки эти, конечно же, не могли ей понравиться, так как Булгаковский не только обличал в них смотрителя, но задевал и членов Правления⁶⁰, назвав их «молчальниками».

Несмотря на публичную огласку дел в Пинском училище, никакой реакции со стороны епархиального начальства не последовало. Очевидно, у В.Ф. Тарановича в епархии были сильные покровители. В одном только Пинском уезде служило четверо священников Тарановичей⁶¹. В самом Пинском духовном училище преподавателем географии и арифметики был Павел Таранович. А в Минской духовной консистории служил чиновником некто Евстафий Григорьевич Таранович, долгое время бывший письмоводителем архиепископа Михаила (Голубовича), возможно родственник смотрителя. При тогдашней консисторской системе такое родство могло быть исключительно важным фактором в решении разных конфлик-

⁵⁹ Из Пинска Минской губернии: патриархальность администрации духовного училища // Современность. – 1874. – № 95. – С. 2.

⁶⁰ В состав правления, между прочим, входил пинский благочинный – священник Николай Мицкевич.

⁶¹ В с. Плотница – священник Константин Таранович, в с. Заручье – священник Михаил Таранович, в с. Мохра – Григорий Таранович, в с. Выгоноща – священник Александр Таранович.

тов и спорных вопросов. Ведь именно чиновники канцелярии составляли экстракты дел, излагали их ход, навели справки, выставляли статьи закона. Большинство постановлений предварительно заготавливалось столоначальниками и уж затем предлагалось консисторскому присутствию для принятия решения. Вот как характеризует консисторских чиновников того времени протопресвитер Георгий Шавельский: «Консисторские [чиновники] – сплошь и рядом недоучившиеся семинаристы, и того ниже – закончившие свое образование курсом духовных училищ, изловчившиеся в канцелярском крючкотворстве, заучившие консисторские законы и почти всегда далекие от понимания истинно церковного духа и истинных задачах Церкви. Это были люди шаблона, формы, буквы, рутины, но не творческой мысли и животворящего духа»⁶². В консисториях, кроме того, по воспоминаниям Шавельского, процветало взяточничество, а правда не уживалась. Брали там все: и секретарь с чиновниками, и заслуженные протоиереи – члены консистории; брали с правых и виноватых; брали деньгами и натурой: чаем сахаром, медом, вареньем, всякого рода живностью – индюками, гусями, поросятами и т.д.⁶³. Оттого далеко не всегда там можно было добиться правды, быть услышанным.

Настроенный с предубеждением к смотрителю училища Булгаковский вскоре нашел новый повод заподозрить его в «нечистоплотности».

Весной 1874 года в Пинске закрылась свечная фабрика «Боте и К°», а вместе с ней и училищная свечная лавка, что негативно отразилось на бюджете училища. По этому случаю В.Ф. Таранович убедил окружное духовенство, а затем и епархиальное начальство, в необходимости открыть свечную фабрику при Пинском духовном училище. По мнению Тарановича, это было выгодным для окружного духовенства, которое ввиду преобразования училища не в состоянии было

⁶² *Шавельский Георгий, протопресвитер. Русская Церковь пред революцией.* – М.: Изд. «Артос-Медиа», 2005. – С. 182–183.

⁶³ Там же. – С. 175.

бы содержать его за свои средства после закрытия прежней свечной лавки. Устройство фабрики было отнесено на счет церковей округа, каждая из которых должна была внести заимообразно по 15 рублей, а также передать весь воск и огарки, которые фабрика обязывалась возвратить в течение 2–3 лет по частям готовыми свечами⁶⁴.

В конце октября отец Дмитрий Булгаковский согласно предписанию благочинного представил в комитет свечного завода 25 фунтов⁶⁵ воска и 15 рублей, «но не получил уведомления, которое бы могло служить документом расхода церковных денег и воска». Затем он осведомился, что в разносной книге было записано: «15 рублей и 23 фунта получил Таранович». Цифра денег, как показалось отцу Дмитрию, «была выставлена с поправкой, наводящей сомнения или подозрения», а количество воска записано на два фунта меньше⁶⁶.

О своем «открытии» отец Дмитрий поспешил сообщить депутатам проходившего 20–23 января 1875 года окружного училищного съезда, обвинив В.Ф. Тарановича в присвоении себе церковного воска. «Не нужно, кажется, особенных догадок или предположений, – заявлял Булгаковский, – чтобы понять надлежащим образом изложенное отношение Комитета к делу. Заправляющий делами свечного завода и Комитета, Смотритель Училища Виктор Таранович вероятно из личных каких-либо соображений нашел нужным неясно выставить в разносной книге количество полученных денег, уменьшить количество воску, проставив без надлежащего уведомления. Но господин Смотритель упустил из виду тот основной административный закон, что в деле службы не может иметь места личное произвольное соображение. Такое его отношение к делу едва ли терпимо со стороны законности и едва ли окружной Училищный Съезд может допустить»⁶⁷.

⁶⁴ Постановления Пинского окружного духовно-учебного училищного съезда, бывшего 24–26 апреля 1874 года // Минские епархиальные ведомости. – 1874. – № 11 (часть официальная). – С. 188.

⁶⁵ 1 русский фунт = 0,40951241 кг.

⁶⁶ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 34764. Л. 3–3 об.

⁶⁷ Там же. Л. 3 об.–4.

В свою очередь возмущенный поступком Булгаковского Таранович обратился с жалобой, правда, почему-то только лишь через четыре месяца, к Минскому архиепископу Александру (Добрынину). Относительно обвинений в свой адрес он пояснил, что 23 фунта воска в разносной книге вместо 25 фунтов, указанных в расписке, записаны по «принятому в заводах обычаю сбрасывать 2 фунта на угар» с каждых 20 фунтов. Скидка эта была сделана мастером в присутствии подателя денег и воска крестьянина села Купятичи Кондратия Михайловича Иголки. Таранович сообщал, что не знает, куда Булгаковский дел его расписку, хотя та ему, по свидетельству многих лиц, была передана. «Таким образом, – писал он, обращаясь к владыке, – священник Булгаковский намеренно оклеветал меня в подлоге и краже. Мало того он опозорил меня в газете “Современность” и, как мне передано, в газете “Новости”, где он подписался “Д. Б-ковский”. К этому надо прибавить и то, что священник Булгаковский за неделю до съезда распускал слухи по городу, на что имею свидетелей, что он назначен по училищу следователем для рассмотрения моих злоупотреблений»⁶⁸.

Таранович заявлял, что за оклеветание его перед съездом Булгаковский заслуживает придания гражданскому суду, а как автор оскорбительных корреспонденций дает право жаловаться на него прокурору С.-Петербургского окружного суда. «Имея однако в виду то обстоятельство, – продолжал Таранович, – что священник Булгаковский может быть не оставлен без наказания, вполне им заслуженного <...> и надеясь, что Ваше Преосвященство не допустит, чтобы духовенство безнаказанно так несправедливо клеветало на меня безо всякого права и основания, осмеливаюсь нижайше просить Милостивейшего Архипастыря не оставить несправедливое отношение священника Купятичской церкви Димитрия Булгаковского без расследования и должного наказания»⁶⁹.

⁶⁸ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 34764. Л. 5.

⁶⁹ Там же Л. 5 об.-6.

Конфликт со смотрителем училища повлиял, видимо, на то, что отец Дмитрий 1 сентября 1875 года был переведен «согласно прошению» вторым священником в Воскресенский собор города Борисова и назначен законоучителем тамошнего уездного училища⁷⁰.

Вскоре в «Минских епархиальных ведомостях» была опубликована проповедь, с которой отец Дмитрий обратился к прихожанам во время своего первого богослужения в Борисовском соборе⁷¹.

В основу проповеди им был положен евхаристический возглас «Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастие Святаго Духа буди со всеми вами». Раскрывая смысл этой апостольской молитвы-пожелания, он указал на значение в жизни христианина благодати Божией, изъяснил, в чем заключается любовь Бога Отца, сказал о важности для духовной природы человека приобщения к дарам Святого Духа. «Примите же от меня это благожелание в простоте своего сердца, – заключал свое слово отец Дмитрий, – как идет оно к вам из глубины души вашего нового пастыря. Примите все: и родители и дети, богатые и бедные, образованные и необразованные, люди чиновные и вы земледельцы. Пусть же эти апостольские слова послужат верным залогом моего богоугодного служения в сем храме и его братии и залогом вашего преуспевания в вере и добрых делах, чтобы нелицемерно предстать нам пред лице Всеправедного Пастыреначальника и Господа Иисуса Христа»⁷².

Однако всего год пришлось прослужить Булгаковскому в Борисове. Какие-то причины побудили его искать перевода в Литовскую епархию, который и состоялся в августе 1876 года. Между тем отъезд его омрачился новым конфликтом, возникшим на этот раз с местным судебным следователем Черепановым.

⁷⁰ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35092. Л. 6–7.

⁷¹ *Булгаковский Д., священник*. Речь при первом служении в Борисовском соборе // Минские епархиальные ведомости. – 1875. – № 22. – С. 641–642.

⁷² Там же. – С. 642.

Господин этот, недавно назначенный на должность, неоднократно обращался по роду своих обязанностей к отцу Дмитрию для приведения свидетелей перед допросом к присяге⁷³, требуемой законом. Это было обычной практикой, но Черепанов досадил отцу Дмитрию тем, что делал свои приглашения не очень корректно. Он посылал за ним безо всякого предварительного уведомления то городского, то кого-либо из свидетелей, причем делал это совершенно не согласуясь с тем, что отец Дмитрий может быть занят своими священническими обязанностями. Неоднократно он посылал за Булгаковским в праздничные и воскресные дни, когда тот «по должности священника приготавлился к совершению литургии». Отец Дмитрий не раз сообщал о таких «оскорбительных вызовах» благочинному – настоятелю Борисовского собора протоиерею Роману Пастернацкому, но каждый раз слышал от него лишь «успокоительные советы».

В конце концов ситуация привела к конфликту, случившемуся уже в пору сборов отца Дмитрия к переезду на новое место служения. 9 августа Черепанов в очередной раз послал полицейского десятского пригласить Булгаковского в собор для приведения к присяге собравшихся там для дачи показаний свидетелей. Но в это время отец Дмитрий, только что вернувшись из училища после продолжительных вступительных экзаменов, а также «совершив некоторые духовные требы», чувствовал себя «совершенно изнуренным и не вполне здоровым и потому лег в постель отдохнуть». Поэтому его домашние отказали прибывшему десятскому, не решившись тревожить отца Дмитрия. Узнав об этом, следовательно вторично послал полицейского с требованием непременно разбудить священника, что и было сделано прислугой. Однако отец Дмитрий, подумав, что не будет противозаконным, если следовательно сначала допросит свидетелей, а затем пришлет их для приведения к присяге, и тем более нуждаясь в отдыхе,

⁷³ Присяга (клятва) – религиозный обряд в гражданском процессе, заключающийся в удостоверении показаний стороны призыванием Бога в свидетеля правды. Присягающий приносил клятву именем Божиим, произнося ее в установленной законом форме перед крестом и Евангелием, с поднятием кверху правой руки.

отказался тотчас выполнить просьбу следователя. Между тем, не ожидая возвращения десятского, Черепанов прислал своего писаря с письменным требованием, но бумага домашними отца Дмитрия не была принята, так как жена его отсутствовала а прислуга была безграмотна. Вечером к Булгаковскому пришли некоторые из свидетелей – его прихожан – и рассказали, что следователь прямо при них угрожал отдать отца Дмитрия под суд. Черепановым действительно был составлен по поводу всего случившего акт, в котором дело было представлено так, будто Булгаковский умышленно уклонился от своих законных обязанностей.

Такой оборот дела, то есть угроза судебного разбирательства, совсем не входил в планы отца Дмитрия, «сидевшего», как говорится, «на чемоданах». Ввиду этого он поспешил отправить Минскому губернскому прокурору отношение, в котором описал обстоятельства конфликта. «Вследствие сего, – писал он в заключение, – честь имею покорнейше просить Ваше Высокородие, не найдете ли возможным в ограждении достоинства моего сана и в устранение подобных оскорбительных требований со стороны судебного следователя Черепанова на будущее время, учинить зависящее распоряжение вызывать меня для приведения свидетелей к присяге не чрез городских, как виновного или подсудимого, а чрез письменное сообщение и насколько возможно заранее до совершения обряда, по крайней мере, одновременно со свидетелями, так как я при своих разнородных и многосложных занятиях удобнее мог бы располагать временем»⁷⁴.

Благочинному протоиерею Роману Пастернацкому Булгаковский подал по поводу произошедшего инцидента рапорт с приложением копии отношения к Минскому прокурору, прося передать ее Преосвященному Александру. Он также просил отца Романа ходатайствовать со своей стороны об ограждении как себя, так и подведомственного ему духовенства на будущее время «от подобных оскорбительных поступков» судебного следователя Черепанова. «Я по настоящее время переносил

⁷⁴ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35092. Л. 6 об.–7.

его оскорбительные выходки, – писал отец Дмитрий благочинному, – в надежде, что господин Черепанов, быть может, по новости своей службы опрометчив. Но последнее его противозаконное отношение ясно показало мне, что он намерен продолжить свои отношения ко мне с тем, чтобы унижить сан священника даже в среде прихожан»⁷⁵.

Препровождая на следующий день рапорт Булгаковского владыке Александру, благочинный писал, что со своей стороны считает уважительным в отношении отца Дмитрия то обстоятельство, что Черепанов действительно неоднократно требовал последнего для приведения к присяге свидетелей в то время, когда он готовился к богослужению и когда приводимые к присяге уже были допрошены. Отец Роман подчеркивал, что в данном случае следователь поступил неблагоразумно. «А потому, – писал он, – донося об этом грустном отношении гражданского чиновника к священнику, имею честь ходатайствовать, во 1-х, чтобы священники судебными следователями были приглашаемы для привода к присяге повестками, а не чрез городских или десятских, которые по своей неразвитости извращают слова и мысли в делаемых им поручениях; во 2-х, чтобы священники были приглашаемы к приводу присяг насколько возможно раньше совершения сего долга, и не в ту минуту, когда народ уже собран и ждет присяги, так как священник может быть отвлечен более уважительным исполнением своих духовных обязанностей»⁷⁶.

В конце августа Булгаковский уехал из Борисова на новое место служения в город Свислоч Волковысского уезда Гродненской губернии, где получил назначение на должность законоучителя и преподавателя русского и церковно-славянского языков Свислочской учительской семинарии⁷⁷.

Уже после отъезда отца Дмитрия Минская духовная консистория (1 сентября) разбирала инцидент по поводу его отказа явиться к приведению свидетелей к присяге. Посчитав

⁷⁵ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35092. Л. 5 об.

⁷⁶ Там же. Л. 4–4 об.

⁷⁷ Минские епархиальные ведомости. – 1876. – № 15. – С. 304.

объяснения священника «не заслуживающими уважения», консистория постановила сделать Булгаковскому выговор, о чем «сообщить для зависящего распоряжения в Литовскую Духовную Консисторию, а судебного следователя уведомить». Решение это было продиктовано исключительно буквой закона, не сообразуясь с реальными обстоятельствами и ходатайством благочинного, оправдывавшего действия Булгаковского. О традиционной практике принятия решений в консисториях того времени протопресвитер Георгий Шавельский писал: «В своих суждениях, велениях и распоряжениях консистория прежде всего руководствовалась не Евангелием, Кормчей или Книгой правил, а статьями консисторского устава, правительственными и губернскими распоряжениями и в лучшем случае – указами Св. Синода. Не пастырский, а формально-канцелярский дух господствовал в ней»⁷⁸. Между тем Преосвященный Александр, подписывая консисторский журнал, наложил на этом постановлении следующую резолюцию: «Замечание священнику Булгаковскому, выбывшему из епархии, не делать»⁷⁹. Этот милостивый жест сохранил репутацию Булгаковского на новом месте.

В это же время было прекращено дело, касающееся его конфликта с Тарановичем. Закрото оно было ввиду того, что Таранович не представил требуемых консисторией «основательных фактов к изобличению священника Булгаковского в оклеветании его пред окружным духовенством и оскорбительных для него корреспонденций», а также по случаю перемещения отца Дмитрия в другую епархию⁸⁰.

Что послужило причиной перевода Булгаковского в Литовскую епархию неизвестно. Однако следует заметить, что епархией в это время управлял высокопросвещенный архипастырь – архиепископ Макарий (Булгаков), стяжавший себе заслуженную известность и уважение своими богословскими и церковно-историческими трудами.

⁷⁸ Шавельский Георгий, протопресвитер. Указ. соч. – С. 183.

⁷⁹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35092. Л. 8.

⁸⁰ Там же.

Уже через год после переезда отца Дмитрия в Литовскую епархию в Вильно была издана его брошюра «Жизнь и страдание св. великомученика Димитрия Мироточивого»⁸¹, составленная им, видимо, в честь своего небесного покровителя. Со временем дополненная брошюра выдержала еще несколько переизданий.

Кажется, в Литовской епархии отец Дмитрий первоначально числился временно, видимо, как прикомандированный, потому что окончательно он был туда переведен лишь 21 июля 1878 года⁸². Известно, что с начала 1880-х годов он служил настоятелем Петро-Павловской церкви в городе Волковыске Гродненской губернии, состоя одновременно преподавателем Волковысского уездного училища.

В 1882 году вышел составленный им на основании многочисленных источников «Исторический очерк Волковыска, уездного города Гродненской губернии»⁸³ от начала основания города до второй половины XIX века. Помимо описания исторических событий в очерке давались и статистические сведения о городе и его жителях.

Познакомив читателей с историей города, отец Дмитрий писал в конце очерка: «Я должен сознаться, что в нем заметен весьма важный пробел, это отсутствие исторических сведений о судьбе в этом городе православной веры, о неравной борьбе, о тех жестоких притеснениях, какие отовсюду испытывали православные от католического духовенства, польских панов и гордой, невежественной шляхты. Эта кровавая страница в летописях города Волковыска остается незаписанною, благодаря постоянной заботливости польских хроникеров, обходивших строгим молчанием все, что касается православия, а то, что записано было православными, безнаказанно уничтожено»⁸⁴.

⁸¹ Булгаковский Д., священник. Жизнь и страдание св. великомученика Димитрия Мироточивого. – Вильна: Скоропечатня О.С. Блюмовича, 1877. – 20 с.

⁸² Вскоре на Литовской кафедре произошли перемены. В апреле 1879 г. Литовский архиепископ Макарий (Булгаков) был переведен на Московскую кафедру, а на его место назначен переведенный с Донской кафедры Александр (Добрынин), бывший Минский архиепископ.

⁸³ Булгаковский Д., священник. Исторический очерк Волковыска, уездного города Гродненской губернии. – Вильно: Тип. М.Б. Жирмунского, 1882 [ценз.]. – 19 с.

⁸⁴ Там же. – С. 17.

Кроме «Исторического очерка Волковыска» отцом Дмитрием в ближайшие годы было осуществлено еще несколько изданий. В 1884 году он переиздал, значительно сократив, «Практическое руководство к наглядному усвоению русского правописания»⁸⁵, предназначенное для начальных и полковых школ, приготовительных и низших классов средних учебных заведений, а также в качестве пособия для городских и уездных училищ.

В том же году вышла его брошюра «Напутное молодому русскому солдату»⁸⁶, представлявшая собой пастырские советы молодому человеку, призванному на военную службу. В ней автор рассуждал о почетности воинской службы и ее важности для государства. Призывал новобранца возбуждать в себе любовь к Вере, Престолу и Отечеству, которым он должен служить верой и правдой даже до смерти. Призывал хранить верность присяге, любить вышестоящее начальство и выполнять его приказания, иметь хорошее поведение и быть во всем усердным, всегда стараться подражать добрым примерам и избегать дурных. «Если ты знаешь за собою худые привычки, – обращаясь к молодому солдату автор, – которые принес с собою из дома, поспеши оставить их, потому что в военной службе – службе царской, должно быть одно лишь чистое, хорошее. Лучше с первого дня кругом осмотришься и все, что может унижать тебя перед товарищами и навлечь немилость начальства, постарайся отбросить от себя, прежде, нежели начнут указывать пальцем. Если в крестьянской избе умеют ценить хорошего работника, то, тем более, в военной службе сумеют всегда по справедливости оценить хорошего солдата»⁸⁷. Отец Дмитрий призывал новобранца любить воинское братство: «Доверие, правдивость, взаимная помощь пусть

⁸⁵ Булгаковский Д.Г., [священник]. Практическое руководство к наглядному усвоению русского правописания. Для начальных и полковых школ, приготовительных и низших классов средних учебных заведений и пособие для городских и уездных училищ. Изд. 2-е, с значительными переменами. – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. – 31 с.

⁸⁶ Булгаковский Д., священник. Напутное молодому русскому солдату. – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. – 15 с.

⁸⁷ Там же. – С. 8–9.

связывают тебя со всеми другими солдатами не только твоего полка, но и других. Не разбирай, – гвардеец ли то, кавалерист или артиллерист, всех люби, как своих братьев». Особое внимание он обращал на веру как крепкое основание всего доброго в жизни. «Люби свою православную Веру с ее обрядами больше всего на свете, – писал он. – Вера твоя – лучший твой друг, это драгоценное, священное сокровище, оно поможет тебе легко перенести все тяжести службы и при встрече с несчастьем в ней ты найдешь утешение. Кто соблюдает свою веру, тот соблюдает и царские законы, а стало быть, тот верою и правдою служит Богу и Царю»⁸⁸. Далее автор говорил о вере в Промысел Божий о каждом человеке и призывал не бояться умереть за Веру, Царя и Родину. Он утверждал, что за смерть в бою солдат получает мученический венец.

«Знай, – писал в заключение Булгаковский, – что русский солдат нигде не нарушал своей присяги, а везде верно и честно служил Царю и Отечеству, не задумываясь, где он умрет и какая постигнет его смерть. Одна у него всегда была забота – не посрамить земли русской. Имей же и ты всегда и везде беззаветную храбрость, мужество, неустрашимость, удаль, отвагу, стойкость и непоколебимость и стыдись трусости, боязливости, робости и малодушия. Страшись и ужасайся нарушения присяги!»⁸⁹

Написанная просто, убедительно, в самых патриотических тонах, брошюра эта оказалась настолько востребованной в войсках, что выдержала 22 переиздания, имея с 3-го издания общее название: «Священная преданность Царю и Отечеству. Напутное молодому русскому солдату».

11 июля 1885 года отец Дмитрий получил назначение на место настоятеля Рождества-Богородицкой церкви в местечко Лужки⁹⁰ Дисненского уезда Виленской губернии⁹¹. Это

⁸⁸ *Булгаковский Д., священник*. Напутное молодому русскому солдату. – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. – С. 10.

⁸⁹ Там же. – С. 14.

⁹⁰ Лужки – ныне поселок Шарковщинского района Витебской области.

⁹¹ Местные распоряжения // Литовские епархиальные ведомости. – 1885. – № 28. – С. 277.

его назначение пришлось на очень нелегкую пору в жизни прихода.

За несколько месяцев до этого, а именно 12 апреля 1885 года, в Лужках произошел крупный пожар, уничтоживший более половины местечка. Не пощадил огонь и местную православную церковь, несмотря на ее отдаленность от других строений. Хотя церковь была каменная, она вся выгорела изнутри. Спасти удалось лишь несколько десятков икон, в том числе и местночтимые иконы Божией Матери и Николая Чудотворца, богослужебную утварь и предметы (кресты, кадила, подсвечники и пр.), богослужебные книги, облачения. В пожаре сгорел и причтовый дом, так что весь церковный причт остался без крова и имущества. Настоятель, прослуживший здесь 22 года, настолько был потрясен произошедшим, что вскоре после пожара перевелся на другой приход.

Все эти события крайне удручающе подействовали на лужецких прихожан, практически в одночасье оставшихся без церкви и пастыря, на которого возлагали свои надежды по восстановлению храма. Мало того, словно молния облетела приход весть о том, что будто бы настоятель при своем отъезде сказал кому-то, что в Лужках не будет церкви, по крайней мере лет десять, а то и двадцать.

Кроме православной церкви в местечке имелся католический костел. Это обстоятельство создавало ситуацию, что туда, с потерей своего храма, могли устремиться для духовных потребностей многие некрепкие в православной вере прихожане – бывшие униаты. Вот что писал об этом Дисненский благочинный, донося 23 апреля Литовской духовной консистории о положении дел в Лужецком приходе: «Признаюсь, что прихожане Лужецкой церкви – настроения совершенно безразличного, по отношению к вере <...>; значит в настоящее время все поголовно и каждый будут наслаждаться и упитываться духовно Р[имско]-Католическим Костельным наставлением и будут хуже и не усерднее к Церкви Православной и Православию»⁹².

⁹² Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). Ф. 605. Оп. 8. Д. 1185. Л. 1.

Вот в такой непростой обстановке оказался отец Дмитрий на новом приходе – ни храма, ни жилья...

Почему переведен он был из уездного города в местечко, на «пожарище», сказать трудно. Возможно потому, что к этому времени он уже овдовел и был обременен сравнительно небольшим по меркам того времени семейством – двумя дочерьми и сыном. Дочери его в это время учились в Виленском женском училище девиц духовного ведомства: Лидия в среднем классе, а Мария – в младшем, будучи довольно прилежными воспитанницами, отмечаемыми начальством похвальными листами и книгами⁹³. Сыну Сергею в августе 1885 года должно было исполниться восемь с половиной лет, и отец Дмитрий, будучи еще в Волковыске, хлопотал о возможности принятия его в приготовительный класс Жировичского духовного училища⁹⁴. Однако с переездом в Виленскую губернию вопрос этот отпал сам собой. Где начал свое образование сын Булгаковского выяснить не удалось. По крайней мере, ни в одном из духовных училищ Литовской епархии он не числился.

Лужки, куда прибыл настоятелем священник Дмитрий Булгаковский, были в то время самым заурядным местечком, ничем особенным не отличавшимся. Большей частью его населяли евреи, ведшие здесь мелкую торговлю. По воскресным дням, впрочем, собирались там довольно многолюдные базары. Лужецкие обыватели занимались в основном ремеслами, которых здесь было достаточно много, однако население жило небогато.

В унынии, как признавался отец Дмитрий, прибыл он на новый приход, в унынии застал он и своих прихожан. Нужно было восстанавливать храм, но как? С чего начинать? Куда или к кому обратиться с просьбой о помощи? Кто войдет в трудное положение приходского священника, кто увидит слезы прихожан? Можно было обратиться в церковно-приходское

⁹³ Разрядный список воспитанниц Виленского женского училища духовного ведомства за 1886/7 учебный год // Литовские епархиальные ведомости. – 1887. – № 23 (часть официальная). – С. 191–192.

⁹⁴ Архив Рождества-Богородицкой церкви деревни Лужки Шарковщинского района Витебской области.

Присутствие, но это означало затянуть дело возобновления храма на долгие годы. Расположить прихожан к пожертвованиям и восстанавливать церковь своими силами? Но они были не настолько состоятельны, чтобы могли собрать на это дело необходимые средства. «Взывать к частной благотворительности? – размышлял отец Дмитрий. – Но найдутся ли добрые люди, которым бы воззвание навеяло или подсказало теплый порыв участия к нашей беде»⁹⁵.

Несмотря на все эти недоуменные вопросы, предпринимать что-то было нужно.

Первым делом новый настоятель созвал 29 августа церковный сход. После долгих рассуждений, сомнений, колебаний и воздыханий прихожане решили сделать почин – пожертвовать на возобновление церкви по три рубля от каждого поземельного участка, что составило в общей сложности 600 рублей. Это было довольно большой жертвой, учитывая то обстоятельство, что последние три года были неурожайными и для многих весьма разорительными. Кроме того, прихожане обязались дать, сколько потребуется подвод для возки строительного материала и бесплатно приходить на восстановительные работы в помощь наемным мастерам.

На следующий день после схода отец Дмитрий отправился к владельцу Лужков помещику графу Плятеру-Зибергу, чтобы просить его о пожертвовании леса на восстановление храма. К этой мысли его подтолкнули следующие обстоятельства. От прихожан Булгаковский узнал, что у местных евреев заметно упала торговля из-за прекращения богослужений в сгоревшей церкви, на которые сходилась в воскресные и праздничные дни народ из окрестных селений. Теряя доходы, евреи стали настоятельно требовать от графа: одни – уменьшения платы, а другие – совершенного неплатежа за торговлю на принадлежащей ему земле. Кроме того, граф, в видах своей выгоды, настроил для евреев лавок, обстроив ими и загородив

⁹⁵ *Булгаковский Д., священник.* На память христолюбивым благотворителям Лужецкой Рождества-Богородицкой церкви по случаю возобновления и освящения ее. – СПб.: Тип. Е.А. Поздняковой, 1886. – С. 6–7.

фронтон церкви, без всякого спроса и разрешения на то со стороны соответствующего начальства⁹⁶.

Во время своего визита к графу отец Дмитрий дипломатично указал ему на вышеизложенные обстоятельства. Граф поначалу был настроен несколько тревожно, но когда услышал намеки священника на отпуск леса для сгоревшей церкви, тут же, к радости просителя, согласился отпустить «сколько будет нужно» необходимого древесного материала: балок, бревен на доски, стропил, лаг и пр. Такой оборот дела чрезвычайно ободрил отца Дмитрия, так как в сложившейся ситуации это была действительно большая жертва и очень своевременная. Дело в том, что купить строевое дерево вблизи было не у кого, а граф из своих лесов не продавал, да и не имелось на покупку столько необходимых средств. Кроме того, с возобновлением храма нельзя было медлить ввиду того, что лужецкие прихожане, обращенные в свое время из униатов, как говорилось выше, могли устремиться в костел.

Получив разрешение графа Плятера, отец Дмитрий немедленно организовал вывозку дерева. Он вспоминал, как был удивлен один из прихожан, член церковного Попечительства, с которым он ездил к графу просить лес. На вопрос прихожанина, когда начнется перевозка дерева в случае положительного ответа, отец Дмитрий сказал: «Да завтра же». «Как же это завтра?» — никак не мог взять в толк попечитель. Он предполагал, что вывоз дерева начнется лишь с наступлением зимы, когда установится санная дорога.

Срочный вывоз древесины действительно потребовал немало усилий. Понадобилось довольно большое количество подвод, так как приходилось вывозить материал из болотистых мест. По шесть и даже по десять лошадей закладывали под одну балку, а таких балок нужно было вывезти 22, а также второстепенных 100 штук, и, кроме того, много лаг и материала на устройство лесов.

Несмотря на довольно успешное начало дела, отец Дмитрий прекрасно понимал, что местных средств не хватит на

⁹⁶ ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1185. Л. 13.

восстановление и благоустройство храма. Кроме ремонта здания, нужно было устроить иконостас, и приобрести еще много чего для внутреннего убранства и устройства церкви. Все это требовало немалых средств.

Тогда отец Дмитрий решил обратиться за помощью к российским деятелям. В частности, он обратился к редакторам газет «Русь» И.С. Аксакову и «Гражданин» князю В.П. Мещерскому с просьбой поместить в их изданиях воззвание приходского Попечительства о пожертвованиях на восстановление сгоревшей Лужецкой Рождества-Богородицкой церкви.

«Я не ошибусь, – писал отец Дмитрий Аксакову, – если, нарушив Вашу скромность, скажу, что даже до самых отдаленных окраин нашего отечества нет того уголка, где бы не было известно имя Ваше высокочтимое, глубокоуважаемый Иван Сергеевич. Вот эта-то всеобщая симпатия дает и мне смелость обратиться к Вам от имени церковного Попечительства вверенной мне Лужецкой церкви с наипочтительнейшею просьбою»⁹⁷. Изложив кратко суть дела, Булгаковский писал: «...возобновление церкви еще не началось и Бог знает, когда начнется, если не помогут братья – великорусы, на которых церковное Попечительство возлагает большие надежды». Он просил издателя поместить в его газете воззвание о пожертвованиях на возобновление сгоревшей церкви. К этому отец Дмитрий добавлял: «...вместе с тем позвольте питать уверенность, что Вы, Иван Сергеевич, пользуясь обширным знакомством, будете милостивы, не откажитесь лично располагать близких Вам лиц на помощь в сем святом деле. На возобновление церкви не одни лишь деньги необходимы, но также иконы, хотя бы и старые, особенно для иконостаса. За всякое, в каких бы размерах Вы не оказали свое содействие, церковное Попечительство сочтет для себя счастьем принести Вам и всем благотворителям глубочайшую сердечную признательность, а я, служитель Божий, буду непрестанно молиться пред престолом Божиим о здравии и долгоденствии Вашем, добрый наш

⁹⁷ ИРЛИ РАН. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 4. Д. 77. Л. 1.

собрат Иван Сергеевич, так равно о всех благотворителях св. возобновленной Рождества-Богородицкой церкви»⁹⁸.

Аналогичного содержания письмо отец Дмитрий отправил князю В.П. Мещерскому, который и поместил в своей газете «Гражданин» составленное просителем воззвание о пожертвованиях.

«Кому на свете неизвестно, – начиналось воззвание, – какою в высшей степени горячею любовью к св. православной Церкви и глубочайшею преданностью к Отечеству своему отличается русский православный народ. Особенно эти дорогие качества в преизбытке он проявляет в годину тяжелых испытаний, посылаемых небесным Провидением Церкви и Отечеству. С этою то верою в сочувствие наших возлюбленных во Христе братьев – великороссов ныне обращены взоры Лужецкого церковного попечительства на всех добрых людей, в той непреложной надежде, что они с полною сострадательностью отнесутся к великому несчастью, постигшему Лужецкий православный приход»⁹⁹.

Уже к середине сентября приходом была собрана собственными силами сумма в 1020 рублей и подготовлена часть строительного материала. Тогда по совету отца Дмитрия приходское Попечительство обратилось к Дисненскому благочинному с просьбой ходатайствовать «о немедленном разрешении со стороны Епархиального Начальства возобновления церкви». Переслав эту просьбу в Литовскую духовную консисторию, благочинный посоветовал пока заняться подготовкой «всякого нужного материала», подысканием рабочих и очисткой церкви от пожарного мусора. Однако отец Дмитрий прекрасно понимал, что вопрос, вступив на бюрократический путь, непременно затянется на неопределенное время. И действительно, почти месяц пролежало в консистории донесение Дисненского благочинного, пока по нему последовало решение. Решение же было такое: консистория постановила

⁹⁸ ИРЛИ РАН. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 4. Д. 77. Л. 2.

⁹⁹ Булгаковский Д., священник. На память христолюбивым благотворителям Лужецкой Рождества-Богородицкой церкви по случаю возобновления и освящения ее. – СПб.: Тип. Е.А. Поздняковой, 1886. – С. 13.

обратиться в Виленское губернское Церковно-строительное присутствие с просьбой откомандировать для осмотра Лужецкой церкви техника с тем, чтобы он дал заключение, «можно ли с имеющимися у попечительства средствами приступить к ремонту церкви, настолько, чтобы привести ее в порядок для открытия в ней богослужения»¹⁰⁰. То есть техник должен был решить вопросы не инженерно-технического характера, а экономического: хватит ли у прихода средств и материалов на восстановление храма.

Между тем отец Дмитрий, не дожидаясь ответа из консистории, в надежде, «что просимое разрешение непременно последует», решил на свой страх и риск все же приступить к возобновлению храма. Безусловно, решился он на этот самостоятельный шаг, веря в помощь Божию, отзывчивость благотворителей и усердие прихожан, по принципу, что победителей не судят. Особое религиозное упование было возложено на Божию Матерь – Покровительницу Лужецкого прихода. «Наш Небесный Патрон», – называли Богородицу местные прихожане, выказывая особенное благоговение к ее чудотворному образу, украшенному в память различных исцелений множеством так называемых привесок. Следует отметить, что все труды, сопряженные с восстановлением Лужецкой церкви, непременно были связаны с молитвенным обращением к Божией Матери.

Когда решение о начале восстановления храма было принято, возник вопрос: «Отдать ли всю работу с подряда или вести дело хозяйственным образом?» Приценившись к подряду, отец Дмитрий нашел, что приходских средств будет далеко недостаточно. Поэтому было решено вести работы «хозяйственным образом», для чего было нанято восемь человек месячных плотников и отдельно «главный мастеровой». К ним в помощь бесплатно каждый день приходило по 20–30 человек прихожан. За всеми работами наблюдал сам настоятель совместно с некоторыми членами приходского Попечительства.

¹⁰⁰ ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1185. Л. 3–3 об.

Лужецкий храм стали восстанавливать по плану новой Черневичской церкви. Однако едва начались строительные работы, как возникли разного рода препятствия, трудности и недоразумения. Реконструкцию храма отец Дмитрий решил начать с того, что распорядился разбить кирпичный треугольный декоративный фронтон, называемый здесь «щитом» или «вежею». Эта архитектурная деталь ему, человеку пришлому, сразу же бросилась в глаза своей неуместностью, кроме того, она придавала церкви вид костела, тем более что купола на ней не было. Прихожанам этот элемент нравился, и когда стали его сбивать, начался ропот. Недовольство вызвало и то, что в алтаре отец Дмитрий распорядился разбить небольшие отделения, вроде чуланчиков, которые называли на польский манер закрестиями. Вблизи бывшего иконостаса также торчали какие-то кирпичные треугольники, внизу которых имелись площадки, что-то вроде католических «алтажиков» (алтариков). Все это, по мнению настоятеля, нужно было уничтожить, чтобы придать церкви православный вид. Между тем брожение прихожан увеличивалось, усиливаемое «бабьими вздохами». Женщины-родильницы скорбели об этих чуланчиках потому, что они здесь в былое время принимали «сорокадневную молитву» — молитву очищения, читаемую священником на сороковой день после родов.

Но несмотря ни на что восстановительные работы, благодаря вдохновенному усердию прихожан, быстрыми темпами продвигались вперед. Этому способствовали начавшие поступать пожертвования из «внутренних» российских губерний. Приходили они от разных людей, среди которых были лица не только знатные и состоятельные, но и простые. Так, наряду с приславшим свою лепту мещанином из Перьми, с сочувствием и пожеланием успеха слал свое пожертвование государственный сановник. Среди разнообразных благотворителей посильную помощь Лужецкой церкви оказала Зосимовская женская обитель¹⁰¹, сама существовавшая главным

¹⁰¹ Троице-Одигитриевская-Зосимова пустынь — женский общежительный монастырь Верейского уезда Московской губернии (ныне Московской обл.). Основание

образом на пожертвования. Настоятельницей в ней в это время была игуменья Магдалина (Верховская) – внучатая племянница основателя обители старца Зосимы.

Пожертвования поступали из Москвы, Петербурга, Новгорода, Курска, Симбирска, Оренбурга и многих других мест. Известно, что среди благотворителей Лужецкой церкви были и довольно именитые лица, такие, например, как главный священник гвардии и гренадер протоиерей Александр Желобовский (будущий протопресвитер военного и морского духовенства), известный своей благотворительностью и усердием к строительству православных церквей сенатор Эдуард Васильевич Лерхе (лютеранин по вероисповеданию), начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа генерал-лейтенант Николай Иванович Бобриков (будущий Финляндский генерал-губернатор и командующий войсками Финляндского военного округа) и др.

Свои пожертвования на восстановление Лужецкой церкви благотворители слали с самым теплым и сердечным чувством. Вот, например, что писал один из них, отправляя свою жертву в Лужки: «Сейчас высланы в Вашу церковь 4 подсвечника, из коих один выносной в одну свечу, два одинаковых могут в большие праздники ставиться пред наместными иконами, когда может быть поставлена усердствующими лишняя свеча, а в великую пятницу у плащаницы – один в голове, а другой у ног Спасителя и третий с боку от алтарной стороны. Также при этом препровождается семисвечник на св. престол для поставления за киотом; если же св. престол у Вас маловат, то придется устроить поаккуратнее тумбочку сзади престола, в которой поставите семисвечник; в тумбочке на верхней части должна быть сделана вырезка для устоя семисвечника. Высылаю к нему 14 стаканчиков разноцветных – в двух экземплярах, на случай может при употреблении, разобьется какой, а ведь у вас вероятно негде приобрести; стаканчики расставьте

общине положил монах-пустынник Зосима (Верховский), который после скитаний по Сибири поселил здесь своих двух сестер и скончался в 1833 г. В 1841 г. община утверждена правительством и в 1856 г. преобразована в общежительный монастырь.

так: один одноцветный посредине, два одноцветных по бокам и два одноцветных и два одноцветных. Все Вы, впрочем, сами сообразите, как следует...»¹⁰².

Были лица, которые не только сами жертвовали на храм-погорелец, но и располагали к тому своих знакомых. Вот выдержка из письма одного такого усердного благотворителя: «Мною употреблено ходатайство, чтобы благотворительница послала Вам собственно на иконостас 100 рублей. Мне ответили, что денег Вам на иконостас пошлют, только еще не знаю, сколько именно. Что же касается икон для иконостаса, то это считают затруднительным, особенно в отношении пересылки. Но не унывайте, Господь даст потихоньку, да понемножку и это как-нибудь устроится: главное не имею еще удовлетворительного ответа от господ Ер-овых. Вот бы Господь дал, чтобы обратить их сердце на нужды вашего храма, тогда более заботиться о ревнителях надобности не было бы. Пишите, пишите к ним... стучите и отверзется вам. Также и о траурном облачении надо что-либо придумать. У матушки игуменьи вряд ли что отыщется, впрочем, разведая и постараюсь похлопотать. Пошлите-ка воззвание в Оптину пустынь на имя о[тца] иеросхимонаха Амвросия – он добрый не откажет, полагаю; и пошлет что-либо в Вашу церковь. О молебном евангелии писал к Е.И. М[едведников]ой, пошлет; для нее это ничего не стоит. Да поможет Вам Господь и Его Пречистая Матерь окончить и дополнить всем необходимым для украшения и благолепия воздвигнутого Вами из пепла в три месяца храма Божия! Велика милость Господня!»¹⁰³

Минул только месяц, а работы уже шли к завершению.

Отец Дмитрий был уверен, что восстановление храма будет окончено в самое ближайшее время. В этой уверенности он в десятых числах ноября уехал в Вильно, где лично подал Литовскому епископу Алексию (Лаврову-Платонову) рапорт с просьбой об освящении Лужецкой церкви, которая,

¹⁰² Булгаковский Д., священник. На память христоролюбивым благотворителям Лужецкой Рождества-Богородицкой церкви по случаю возобновления и освящения ее. – СПб.: Тип. Е.А. Поздняковой, 1886. – С. 15.

¹⁰³ Там же. – С. 15–16.

по его сообщению, была «совершенно готова» к этому. Освящение хотели приурочить у празднику Введения во Храм Пресвятой Богородицы. «Лужецкий четырехтысячный приход, – писал отец Дмитрий, – осиротевший без церкви с возжелением и необыкновенною радостью ожидает благословенного дня 21-го ноября, чтобы с освящением церкви начать в возобновленном храме Божиим славословить имя Господне, воссылая вместе с тем молитву о здравии и долгоденствии Вашего Преосвященства»¹⁰⁴. Булгаковскому пришлось, конечно же, объяснять архиерею мотивы своего «самочинного» начала восстановительных работ без указаний на то со стороны духовной консистории. С точки зрения царивших в то время административно-бюрократических отношений это было серьезным проступком. Однако владыка, как человек разумный, вошел в положение прихода и его настоятеля и в тот же день, 12 ноября, наложил на рапорт положительную резолюцию. Освящение Лужецкой церкви благословлялось совершить Дисненскому благочинному – священнику Вениамину Соколову, с поручением доложить об обстоятельствах возобновления храма с приложением описи церковной утвари и церковных вещей.

Словно камень свалился с плеч отца Дмитрия. Страх ожидания неприятностей со стороны духовной консистории, висевший над ним и над благочинным, угнетающе действовал на обоих. Теперь же дело восстановления церкви получило официальное благословение со стороны епархиального архиерея.

На следующий день после приема у владыки, отъезжая из Вильно, отец Дмитрий подал рапорт на имя Литовской духовной консистории, в котором сообщал, что ввиду полученного им разрешения на освящение «уже устроенной Лужецкой церкви» в командировании техника для ее осмотра «надобности не встречается»¹⁰⁵. Консистория, конечно же, была озадачена такой новостью, и со своей стороны направила Дисненскому

¹⁰⁴ ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1185. Л. 7 об.–8.

¹⁰⁵ Там же. Л. 4.

благочинному предписание сообщить о времени освящения церкви, а также «вытребовать от священника Булгаковского данное ему от Его Преосвященства письменное разрешение на освящение сей церкви, и представить таковое в Литовскую духовную консисторию»¹⁰⁶.

Как видим, губернский техник в Лужках еще не появлялся, хотя была уже середина ноября. Неизвестно, сколько бы еще пришлось дожидаться его приезда для того лишь, чтобы он дал свое заключение, сможет ли приход имеющимися средствами восстанавливать храм. А между тем восстановление его уже близилось к завершению. Расчет отца Дмитрия и его решительность оказались оправданными. И если учесть, что чиновники, вроде губернского техника, нередко злоупотребляли своим положением в корыстных целях, то подобный расчет оправдался вдвойне.

Как уже говорилось, уезжая из Лужков в Вильно, отец Дмитрий был уверен, что к его возвращению работы по восстановлению церкви будут завершены. Но обстоятельства сложились иначе. Наступившие морозы, а затем скверная, мокрая погода приостановили работу. Ко всему прочему заболел и сам отец Дмитрий. К намеченному дню освящения – 21 ноября – церковь все еще оставалась без купола и креста, а внутри иконостас, хоть и временный, «без погонаровки»¹⁰⁷. Тогда по совету с благочинным было решено с освящением обождать до окончательного ремонта храма, находя нежелательным продолжать работы в церкви после ее освящения.

Между тем уже ни у кого не было сомнений, что восстановительные работы будут завершены в ближайшее время. Сообщая о причинах переноса освящения, благочинный писал владыке Алексею: «Но, во всяком случае, незадолго церковь будет готова, так как работа стала решительнее, без всяких сомнений в том, что она возобновлялась прежде получения на то распоряжения Вашего Преосвященства, и церковь будет

¹⁰⁶ ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1185. Л. 4 об.

¹⁰⁷ Слово, возможно, происходит от белорусского «гонар», «ганаровы» – почет, почетный. Можно предположить, что «погонаровать» означало придать почтенный, благолепный вид.

в самом Православном виде, отбросив все прежде лелеемое унияство»¹⁰⁸.

Но нужно было поспешать, так как приближались великие праздники – Рождество Христово, Крещение. «Трещат морозы, коченеют руки, а работа идет вперед и вперед», – вспоминал отец Дмитрий. Оставалось всего несколько недель до предпоследнего рождественского воскресенья, называемого по местному обычаю «Красник», когда в Лужках ежегодно собиралось на базар такое количество народа, что он походил на настоящую ярмарку. Именно к этому дню (22 декабря) и хотели окончить все работы, чтобы освятить церковь.

Погода между тем не благоприятствовала делу: усилившиеся морозы начали еще более замедлять работу, меньше стало добровольных рабочих рук. Тогда отец Дмитрий бросил клич между прихожанами, чтобы они «принесли Богу свой труд, как последнюю жертву, при возобновлении дома Божия». Радостная весть: «На Красник, на Красник будет освящение церкви!» – переходила из уст в уста. Снова стали подходить на работу местные жители, по 10–15 человек ежедневно. Морозы между тем усиливались, нередко сопровождаясь метелями. Тогда прямо в церкви решили развести огонь, чтобы рабочие могли время от времени греться возле него. Тяжелее всего было кровельщикам, покрывавшим крышу гонтом: им приходилось все время работать на морозном ветру под открытым небом.

Но вот уже пятница накануне Красника – церковь покрыта новенькой крышей с куполом доселе невиданным прихожанами на своем храме, водружен крест, внутри установлен и окрашен новый иконостас, развешены иконы – все готово к освящению.

Вспоминая субботний день, накануне освящения, отец Дмитрий описывал, с каким чувством радости и благодарения Богу сходилась народ посмотреть на свою воскресшую из пепла церковь. «Кто-то позади других громко творит молитву, – вспоминал он, – а вон там старик седой, как лунь, преклонив

¹⁰⁸ ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1185. Л. 4 об.

колена, с умилением молится пред образом Богоматери. Любопытствующие не верят своим глазам, что церковь готова... да, готова и не через 10 лет, а в три месяца готова!»¹⁰⁹

Во время всенощного бдения народа в церкви, несмотря на ее обширность, собралось столько, что «яблоку негде было упасть». Те, кто не смог пробраться в храм, стояли возле него. Вся церковь была залита светом от множества свечей. Кроме восковых свечей на всех окнах в два яруса горели стеариновые свечи.

В 9 часов утра в воскресенье 22 декабря, за три дня до Рождества Христова, началось освящение Лужецкой церкви. Совершил его Дисненский благочинный в сослужении четырех священников и диакона. «В каком благоговейном настроении были молящиеся во время освящения, с каким умилением наблюдали все, что совершаемо было в алтаре, трудно описать», – вспоминал отец Дмитрий.

За богослужением он произнес проповедь, в которой говорил о значении храма Божия в жизни христиан. «Вы, возлюбленные прихожане, – говорил он в заключение своей проповеди, – не пожалев для возобновления вашего храма, несмотря на вашу бедность, ни денежных средств, ни трудов ваших рук, освятите себя в день освящения его тою сердечною любовью, чтобы он с настоящего дня сделался для вас дороже всего на свете. Усердно посещайте ваш храм, потому что он возобновлен вами для молитвы, и вы без сомнения сами делаетесь храмами св. Духа. Помните, что кто не имеет усердия к храму, тот удаляется от источника жизни – Бога, в том есть признаки нравственного разложения. В сей день Господень, в день освящения возобновленного вашего храма обновите в себе дух правый, твердо стойте и держите отеческие предания, яже ко спасению; преуспевайте в добрых делах и исполнении заповедей Божиих, ибо это конечная цель земной нашей жизни...»¹¹⁰.

¹⁰⁹ Булгаковский Д., священник. На память христоробивым благотворителям Лужецкой Рождества-Богородицкой церкви по случаю возобновления и освящения ее. – СПб.: Тип. Е.А. Поздняковой, 1886. – С. 11.

¹¹⁰ Там же. – С. 23.

Освящение вылилось в настоящее незабываемое торжество.

После окончания литургии, при целовании креста, отец Дмитрий вместе с другими священниками раздавал народу крестики, медальончики и ладанки, выписанные специально к этому торжественному дню из Киева. Всего было роздано до полторы тысячи крестиков и еще не хватило.

После богослужения было обычное праздничное угощение у настоятеля.

Ради справедливости несколько слов следует сказать о двух священниках, участниках освящения Лужецкой церкви, в той или иной степени причастных к делу ее возобновления. Это Александр Россинский – настоятель Поречской церкви и Иаков Архангельский – настоятель Язненской церкви. Отец Александр как близкий сосед к Лужкам и заведовавший приходом до назначения туда отца Дмитрия «очень влиятельно действовал на Лужецких прихожан, чтобы они не обращали никакого внимания на ту молву, что будто у них не будет церкви 20 лет». Своим сердечным и добрым убеждением он побудил многих начать вносить свои лепты на восстановление храма, что послужило немалым толчком к их дальнейшему согласию «на непременно пожертвования на церковь». Отец Иаков также «по соприкосновенности с Лужецкими прихожанами ревностно убеждал их к скорейшему возобновлению их церкви и, прежде всего, на всеобщие их местные нужды пожертвования – “кто чем может”»¹¹¹.

Рапортуя Преосвященному Алексию об освящении Лужецкой церкви, Дисненский благочинный писал: «Благодарение Господу Богу и Пречистой Его Матери, Царице Небесной, за все и вся! Но с чувством благодарения Господу Богу, неразрывно связано чувство благодарности и Вашему Преосвященству. Именно так и не иначе. Ибо Ваше Преосвященство отклонило висячий над нашею главою, если не смертельный, то верно самый опасный для нашего спокойствия и благоденствия камень, уже близкий к тому, чтобы

¹¹¹ ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1185. Л. 9 об.–10.

упасть на нашу смелость и нанести тяжелые неприятности. Этот камень – непременно назначенный было к нам Техник, а опасность – это без разрешения, приведение уже к концу возобновление Лужецкой церкви – втихомолку. Кому не известно, в чем состоит ученая деятельность Техника! Он, в удовлетворение своей самости, при таком удобном случае, как уже построенная без него Лужецкая церковь, или разорил бы все наши кровные труды, – ничтоже сумняся; или, для спасения нас от грозных неприятностей, в удовлетворение своему ученому своекорыстию, выдумал бы отдать ему, с кровавыми слезами, собранные пожертвования с прихожан и других лиц на возобновление церкви; но в том и другом случае пять строк резолюции Вашего Преосвященства спасители наши.

С земным глубоким поклоном, от всех участвующих в возобновлении Лужецкой церкви, приносится Вашему Преосвященству искреннейшая благодарность»¹¹².

Не переставая удивляться скорому восстановлению церкви, благочинный восторгался: «Совершено в немыслимо короткое время такое колоссальное дело, как возобновление совершенно уничтоженного пожаром, кроме стен, Лужецкого Православного храма, без какой-либо помощи со стороны Правительства». Находясь под впечатлением этого, он горячо ходатайствовал о награждении отца Дмитрия скуфьей¹¹³. «Не зная прежнего образа жизни и деятельности Священника Дмитрия Булгаковского, – писал отец Вениамин, – до настоящего времени в новом своем приходе он показал столько благородной, полезной деятельности и особенно в возобновлении церкви в м. Лужках, что одно это, со всеми своими трудностями, заботами, даже во многих случаях самоотвержением, дает ему право на награждение скуфьею, в поощрение

¹¹² ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1185. Л. 12–12 об.

¹¹³ Скуфья (от греч. σκῦφος, «чаша») – повседневный головной убор православных духовных лиц всех степеней и званий. Представляет собой небольшую круглую черную, мягко складывающуюся шапочку. В древнерусской церкви скуфью носили, по древнему обычаю греческой церкви, не только священники, но и диаконы для прикрытия головы, на маковке которой выстригался небольшой круг (гуменце). Фиолетовая бархатная скуфья дается представителям белого духовенства как награда – вторая после набедренника. Значение награды скуфья получила с 1797 г.

к дальнейшей многотрудной деятельности. Право, не будь в Лужках Священника Димитрия Булгаковского, быть может, Лужки долго еще не видели бы благолепного храма с совершенством в оном Богослужений»¹¹⁴.

Благочинный также просил преподавать святительское благословение прихожанам Лужецкой церкви с их церковно-приходским Попечительством. «Из способных к труду, – сообщал он, – почти все они перебывали на работе при церкви. Безропотно повиновались во всем при работах руководителю своему Священники Димитрию Булгаковскому. Огорчались, когда кто-либо из них, как-нибудь мог оказать непослушание Священнику». Почти единодушное участие прихожан в восстановлении храма было действительно удивительным. За время работ прихожанами было предоставлено 800 подвод, более 1000 человек приняло участие в различных работах. Общее дело сблизило их, заметно сплотив и оживив приход.

О событиях, связанных с восстановлением сгоревшего храма, Булгаковский составил памятную брошюру под названием «На память христолюбивым благотворителям Лужецкой Рождества-Богородицкой церкви по случаю возобновления и освящения ее»¹¹⁵, изданную в 1886 году в Петербурге. В ней были даны довольно подробные историко-статистические сведения о приходе, затем изложена история возобновления сгоревшей Лужецкой церкви, описано ее торжественное освящение. В конце брошюры отец Дмитрий поместил свою проповедь, сказанную за богослужением в день освящения церкви.

В брошюре был показан живой пример того, как много можно сделать благодаря энергии и предприимчивости. Эта удивительная история такого быстрого восстановления сгоревшего храма была действительно очень необычной для своего времени.

¹¹⁴ ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1185. Л. 9–9 об.

¹¹⁵ Булгаковский Д., священник. На память христолюбивым благотворителям Лужецкой Рождества-Богородицкой церкви по случаю возобновления и освящения ее. – СПб.: Тип. Е.А. Поздняковой, 1886. – 24 с.

19 февраля 1886 года Литовский владыка Алексей передал прихожанам Лужецкой церкви свое архипастырское благословение за их усердие к храму Божию¹¹⁶. Ходатайство благочинного о награждении отца Дмитрия скуфьей консистория отклонила, даже не предложив его на усмотрение архиерея. Булгаковского не только не удостоили церковной награды, но даже простой благодарности, припомнив ему его «самостоятельность».

Отец Дмитрий, однако, в своей созидательной деятельности не останавливался. Вскоре ему пришла мысль пристроить к Лужецкому храму притвор с колокольной, чтобы увеличить вместимость церкви и придать ей более выразительный православный вид. 17 августа он собрал в своей квартире членов приходского Попечительства для обсуждения этого вопроса. Идея всем понравилась. Решено было обратиться к епархиальному архиерею с просьбой, благословить пристройку притвора и колокольни на казенный счет. Составленный по сему поводу протокол вместе с прошением на следующий день был направлен Преосвященному.

В протоколе указывались и соображения, ввиду которых реконструкция храма была желательной. Во-первых, обращалось внимание на то, что церковь в местечке находится на самом видном месте – на базарной площади. А Лужки, в свою очередь, расположены на почтовом тракте – с одной стороны по дороге в город Вилейку и к железнодорожной станции Молодечно, а с другой – в город Дисну и станции Борковичи на Динабург. Во-вторых, церковь по своим размерам не вполне соответствовала большому четырехтысячному приходу, так что не только в великие праздники, но даже в обычные воскресные дни не вмещала в себя всех приходящих. Кроме того, многие из приезжающих на базар часто были из-за этого лишены возможности зайти помолиться в церковь. В-третьих, женщины-родильницы, приходя в храм с грудными младенцами для принятия сорокадневной молитвы, в ожидании окончания

¹¹⁶ Местные известия // Литовские епархиальные ведомости. – 1886. – № 8. – С. 59.

богослужения подолгу оставались под открытым небом, терпя во время непогоды крайнее неудобство. В-четвертых, сам вид церкви без колокольни, вместо которой по ее сторонам были расположены башенки, придавал ей характер «чего-то униатского или католического».

Просьба о получении на реконструкцию казенных денег мотивировалась главным образом тем, что церковь после пожара была восстановлена исключительно на средства прихода, без всякого пособия от государства. Кроме того, Попечительство указывало, что для постройки притвора с колокольной прихожане готовы дать подводы для перевозки строительных материалов и «отпустить несколько тысяч доброкачественного кирпича, помимо того, который может быть от сломки башен»¹¹⁷.

Дисненский благочинный отец Вениамин Соколов, разделяя мнение приходского Попечительства, также со своей стороны ходатайствовал о желательности пристройки к церкви притвора и колокольни. Соглашаясь с вышеизложенными доводами, он добавлял, что церковь в перестроенном виде получила бы «благославный вид» в православном духе. Что, по его мнению, в Лужках было «обязательно необходимо» для «возвышения православия и укрепления оногo» в сердцах прихожан смущающихся скромным видом церкви и соблазняющихся более величественным видом местного костела. Костел действительно имел в сравнении с церковью более привлекательный вид, представляя собой довольно вычурную архитектуру позднего барокко.

Консистория, однако, вынуждена была отказать Лужецкому приходу в выделении казенных денег. В это время на церковное строительство государством отпускались весьма ограниченные суммы, совершенно недостаточные для необходимой постройки многих церквей. Поэтому епархиальное начальство вынуждено было из-за ограничения кредита отсрочивать постройки из года в год «до будущего благоприятного положения Государственного Казначейства». Ввиду этого

¹¹⁷ ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1185. Л. 16–16 об.

Литовская духовная консистория, не усматривая в ближайшее время «никакой надежды на благоприятный исход ходатайства об отпуске из казны суммы потребной на пристройку к Лужецкой церкви притвора с колокольной», постановила «отклонить» ходатайство лужецких прихожан. Вместе с тем она рекомендовала приходскому Попечительству «собирать местные средства» на реконструкцию своей церкви¹¹⁸.

Чем закончился этот новый почин отца Дмитрия, документальных сведений найти не удалось. Задуманная им реконструкция церкви осуществлена была лишь спустя полвека – в 1934 году. Рождество-Богородицкая церковь в Лужках сохранилась до нашего времени, и она имеет именно тот вид, который ей намеревались придать – декоративные башни отсутствуют, а к храму примыкает притвор с высокой колокольной. Есть свидетельства, что до этого при церкви была другая колокольная, возможно построенная при Булгаковском. Деньги, в принципе, на нее могли найтись. Кроме скудных местных средств приходу продолжали все еще поступать пожертвования. Известно, что в начале 1887 года петербургский протоиерей Михаил Буткевич пожертвовал Лужецкой церкви пятипроцентный билет государственного банка в 500 рублей¹¹⁹. Наверняка были и другие более мелкие жертвы.

Между тем, не имея пока средств для внешней реконструкции церкви, неутомимый отец Дмитрий продолжал заниматься ее внутренним благоустройством. Так как храм после пожара пришлось восстанавливать наскоро, в алтарную часть и на солею по необходимости был положен пол из сырых досок, которые к этому времени уже рассохлись. В сентябре планировалось установить на место временного иконостаса новый, изготовленный в Петербурге на средства некоторых боголюбивых благотворителей. Этим моментом отец Дмитрий решил воспользоваться, чтобы покрыть старый рассохшийся пол новым из сухих досок. Вторая часть сентября и первая

¹¹⁸ ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1185. Л. 15 об.

¹¹⁹ Местные известия. Пожертвование // Литовские епархиальные ведомости. – 1887. – № 16. – С. 127.

половина ноября прошли в столярных работах – был положен свежий пол и установлен капитальный иконостас. Так как во время постилки пола пришлось двигать престол, его нужно было заново освятить. Торжественное освящение, ознаменовавшее в то же время устройство нового великолепного с «прекраснейшими иконами» иконостаса, было совершено 21 ноября – в день праздника Введения во Храм Пресвятой Богородицы¹²⁰.

Занимаясь приходскими делами, отец Дмитрий не оставлял и литературных трудов. В 1887 году в Москве вышла его книжка под названием «Храм Божий и его священная важность для христиан»¹²¹, ставшая результатом его внутренних переживаний и размышлений вокруг события возобновления Лужецкой церкви. Она была продолжением и развитием мыслей, высказанных в проповеди во время освящения храма. В проповеди отец Дмитрий говорил о храме как о доме и жилище Божиим, святилище, духовной житнице и живоносном источнике, рассуждал о храме как училище веры и благочестия, духовной лечебнице, спасительном ковчеге. Темы эти, обозначенные в проповеди вкратце, в книжке составили целые рубрики. В своих рассуждениях автор часто использовал цитаты Священного Писания, выдержки из творений святых Отцов, примеры из житийной литературы и пр. «Поведал я, други, – писал он в конце своей обширной беседы, – о храме все, что любовь моя внушила мне. При этом вы слышали любвеобильные наставления великих святителей, видели назидательные примеры из жизни святых, поучаясь у св. отцов и подвижников веры и благочестия; слышали слова пророков Божиих, апостолов и евангелистов и наконец слышали святейшее слово Самого Божественного Учителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который говорит: храм Мой, храм молитвы наречется (Марк. XI, 17)»¹²².

¹²⁰ ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1185. Л. 18–20.

¹²¹ Булгаковский Д., священник. Храм Божий и его священная важность для христиан. – М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1887. – 58 с.

¹²² Там же. – С. 57.

Продолжением беседы о храме Божиим стала другая книжка Булгаковского, вышедшая в 1888 году под названием «Молитва – царица добродетелей»¹²³. В ней автор вначале раскрывал то, какое значение имеет молитва перед Богом, приводил примеры ее силы из жизни некоторых святых. В заключение он давал практические советы, как следует молиться.

Книжка эта была с теплым сочувствием встречена в печати. Замечательная заметка о ней была помещена в журнале «Благовест». В начале ее автор писал: «Много выходит ежегодно на Руси всяких книг и книжонок, много их расходуется по рукам неопытных читателей, а не мало из числа их остается в неизвестности, хотя нередко бывает в большом ходу разная литературная гниль и остается в туне много разных прекрасных книг». Причину этого автор статьи видел как в «необразованном вкусе» большинства читателей, так и в отсутствии широкой и беспристрастной библиографии. Он сокрушался, что отечественные периодические издания нередко даже не знают о выходе в свет сочинений, которые «по своему складу подходят к идее этих изданий». Вину в этом он усматривал обоюдную: и самих авторов, не знакомящих соответственные редакции со своими произведениями, и редакторов журналов и газет, «нередко игнорирующих произведения малоизвестного пера». Затем автор, сделав краткий обзор литературной деятельности Булгаковского, писал о нем: «Заезжий в Северо-Западный край великорус не уподобился многим другим своим землякам, а в труде и в тени проводит свое время. Тем более чести подобает о. Димитрию». О самой книжке «Молитва – царица добродетели» автор заметки писал, что она «написана тепло и производит умиляющее впечатление; ее должно дарить обеими руками среди молодежи и других, еще неокрепших в Вере Христовой»¹²⁴.

В другой заметке, напечатанной в декабрьском номере журнала «Церковно-приходская школа» за 1888 год, в частно-

¹²³ Булгаковский Д., священник. Молитва – царица добродетелей. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1888. – 43 с.

¹²⁴ Новые книги. Молитва – царица добродетелей. Свящ. Димитрия Булгаковского. – Вильна. 1888 г. // Благовест. – 1888. – № 14. – С. 16.

сти, говорилось: «Книжка написана языком простым и ясным; автор весьма умело приспосабливается к понятиям простого народа... Богатство выдержек из творений святых отцов, насколько не обременяет речи, сообщает словам автора лишь большую убедительность. К выдающимся достоинствам труда г. Булгаковского о молитве относится теплота чувств и внутренняя сила слова, которые неотразимо повлияют на сердце простолюдина-читателя. Желательно возможно большее распространение ее в нашем народе»¹²⁵.

Позже на основе этой книжки Булгаковский издал брошюру под названием «Отчего молитвы наши не всегда доходят до Бога»¹²⁶.

В январе 1888 года отец Дмитрий был награжден Императорским русским географическим обществом малой золотой медалью за составленный им этнографический сборник «Пинчуки»¹²⁷.

Сборник этот, как уже говорилось, стал результатом собирательской деятельности Булгаковского в бытность его священником в Пинском уезде и представлял собой собрание местных народных песен, загадок, пословиц, обрядов, примет, предрассудков, поверий и суеверий.

Присланная в свое время в Русское географическое общество рукопись «Пинчуков» была с большим интересом принята там и передана на рассмотрение члену общества академику А.Ф. Бычкову. Бычков, в свою очередь, переслал ее в Северо-Западный отдел Русского географического общества известному ученому, председателю Виленской археографической комиссии Я.Ф. Головацкому для написания отзыва.

Головацкий составил свой отзыв в самых доброжелательных тонах, указав на многие достоинства труда. «Собранный

¹²⁵ *Петрушевский П.* Отзыв на книгу «Молитва – царица добродетелей». Священника Димитрия Булгаковского. Вильна. 1888 // Церковно-приходская школа. – 1888. – Кн. 5. – С. 60–61.

¹²⁶ *Булгаковский Д.Г.* Отчего молитвы наши не всегда доходят до Бога. – СПб.: Тип. Попечительства Имп. Человеколюб. общ., 1906. – 24 с.

¹²⁷ *Булгаковский Д., священник.* Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь. Собрал в Пинском уезде Минской губ. Д.Г. Булгаковский. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1890. – [2], VI, 201 с.

священником Булгаковским материал достоин всякого внимания, – писал он. – Самая страна по своему местоположению среди известных “пинских болот”, препятствующих общению с посторонними жителями, берегла издревле “пинчуков” от влияния чуждых элементов и помогала сохранять древний быт, перенесенный из отдаленной старины, который может дать много данных для изъяснения славянских древностей. Язык сохранил свой характер чище других стран, – в этом страшном захолустье осталось много особенностей, напоминающих старославянский и старорусский тип. Обряды, суеверия, приметы, гадания, простонародные праздники, со всеми своими обиходами, подробно вошедшими в рассматриваемый “Сборник”, пополняют наши сведения о славянской обрядности вообще и о мифических остатках старины. Труд о. Булгаковского тем важнее, что он, будучи близок народу и живя с ним, черпал прямо из источника и записал эти сказания из уст самого народа»¹²⁸.

«Желательно, чтобы труд о. Булгаковского, как труд солидный и почтенный, встретил поощрение и поддержку», – заключал свой отзыв Я.Ф. Головацкий.

Мнение его разделил и секретарь этнографического отделения Русского географического общества Ф.М. Истомин, также рассматривавший труд отца Дмитрия.

На основании полученных отзывов академик А.Ф. Бычков заключал: «Нельзя не заметить, что обнародованием подобных трудов сохраняются для будущих исследователей и памятники народного творчества, с каждым годом все более и более исчезающие и заключающиеся в них факты бытовой жизни славянских племен, а лица, посвящающие свое время собиранию этих памятников, вполне заслуживают поощрения Общества, если в их трудах заключаются новые данные, которым предпосылается толковое объяснение. Этими достоинствами несомненно отличается Сборник о. Булгаковского»¹²⁹.

¹²⁸ *Бычков А. Ф.* Отзыв о труде священника Д. Булгаковского: «Пинчуки. Этнографический сборник» / Приложения к отчету императорского Русского географического общества за 1887. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1888. – С. 33.

¹²⁹ Там же. – С. 34.

В 1887 году по отзыву академика А.Ф. Бычкова Русское географическое общество удостоило священника Дмитрия Булгаковского малой золотой медали, а также приняло решение об издании его труда.

К этому времени у отца Дмитрия установилась переписка с известным петербургским протоиереем Василием Михайловским¹³⁰, через которого он, видимо, поддерживал связь с представителями научного мира. Вот несколько любопытных отрывков из писем протоиерея Василия А.Ф. Бычкову, в которых упоминается Булгаковский. 24 января 1888 года отец Василий писал академику: «Сегодня получил я телеграмму от о[тца] Булгаковского[,] Священника села Лужков Диснен[ского] у[езда] Виленской Губ[ернии]. Он благодарит за оценку его труда, просит выслать ему медаль чрез Виленскую Консисторию»¹³¹. В апреле того же года Михайловский пишет Бычкову: «1., Золотая медаль, присужденная автору «Пинчуков» Священнику Виленск[ой] Губ[ернии] Дисненского у[езда] села Лужков Дмитрию Гаврилов[ичу] Булгаковскому, еще до селе им не получена? Была ли она ему отправлена? А то о[тец] Булгаковский скучает без этой награды. 2., Печатается ли его труд “Пинчуки”? И когда введен отдельным изданием?

¹³⁰ **Михайловский Василий Яковлевич, протоиерей** (1834–1910) – духовный писатель. Выпускник Тверской духовной семинарии и Петербургской духовной академии (1855–1859), магистр. Служил протоиереем Вознесенской церкви в Петербурге. Состоял членом Учебного комитета при Св. Синоде. Известен как издатель многочисленных книг и брошюр духовно-нравственного и церковно-исторического содержания, священных картин, церковно-исторических карт, листов для народного чтения; составил несколько гимназических учебников по Закону Божию. Главные его труды: «Англиканская церковь в ее отношении к православию» (1864), «О римско-католической церкви» (1882), «Очерк истории христианской церкви» (1875), «Объяснение евангельских чтений на литургии во все воскресные дни года», «Объяснение апостольских чтений на литургии во все праздничные дни года», «Святой апостол Павел», «Руководство к изучению церковного устава», «Учение о православном богослужении», «Библейский словарь», «Словарь православного церковно-богослужебного языка и священных обрядов» и др. Был один из лучших проповедников и деятельнейших членов церковно-религиозных и благотворительных учреждений Петербурга. Энергично боролся с пьянством, будучи одним из наиболее видных деятелей и одно время председателем Петербургского общества трезвости.

¹³¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 120 (Бычковы). Д. 958.

Вот с какими вопросами обращается ко мне о[тец] Булгаковский. А я к Вам, решительно судьбы Булгаковского труда»¹³².

Думается, что знакомство отца Дмитрия с протоиереем Василием Михайловским во многом повлияло на судьбу самого Булгаковского. Со своим петербургским покровителем отец Дмитрий поддерживал общение и впоследствии.

В 1890 году сборник «Пинчуки» был напечатан в 13-м томе «Записок императорского русского географического общества по отделению этнографии» и в том же году вышел отдельным изданием.

Сборник вмещал в себя 257 разнообразных по своему содержанию песен, с их характеристикой и замечаниями об их особенностях и языке, 210 загадок с отгадками и 65 пословиц и поговорок. Кроме того, для характеристики мировоззрения пинчуков приведен был ряд местных обрядов, примет, пред-рассудков, поверий и суеверий, а также воззрение пинчуков на загробную жизнь. Ко всему прочему, собрание было снабжено словарем местного наречия.

Сборник был издан под редакцией Ф.М. Истомина, который написал и небольшое к нему предисловие. «Настоящий труд, – писал редактор, – является результатом собирательской деятельности священника о. Дмитрия Гаврииловича Булгаковского, который, в 70-х годах, проведя несколько лет службы в Пинском уезде Минской губернии, посвящал свои досуги посильному собиранию памятников местного народного творчества. Этнографический материал, помещенный в настоящем Сборнике, представляет интерес потому уже, что характеризует обитателей местности заведомо глухой, отдаленной от остального мира непроходимыми лесами и болотами; собранный в 70-х годах, он является особенно ценным ввиду того, что с тех пор произошло уже не мало перемен, в значительной мере ожививших этот уголок; существующая ныне железная дорога, пересекающая Полесье, без сомнения,

¹³² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 120 (Бычковы). Д. 958.

не осталась без влияния на быт местных жителей, способствуя исчезновению стародавних его особенностей, забвению старого первобытного мировоззрения и замене его новым, без сомнения более просвещенным, но лишенным уже той поэтической первобытной простоты, которая навеяна Пинчукам окружающей природой – лесами и болотами»¹³³.

В то же время редактор сетовал, что, несмотря на ограниченность района, в собранном материале встречается иногда разнообразие в говоре, которое обусловлено местными отличиями, ввиду чего нельзя не пожалеть, что отцом Дмитрием не были отмечены своевременно более точные места записей того или иного материала. Отсутствовала также и отметка ударений, как в песнях, так и в словах вообще, что для характеристики местного песнотворчества и местного говора было бы весьма важным. «Восстановление того и другого, – писал Ф.М. Истомин, – путем сношений с собирателем не удалось, ввиду того, что о. Булгаковский, переменив место службы, не решался только по памяти восстанавливать эти существенные по своему значению отступления. Полагаем, однако, что это обстоятельство не умаляет достоинства и значения представленного здесь этнографического материала»¹³⁴.

Конечно, указанный редактором пробел был очевиден с научной точки зрения. Однако надо понимать, что подобные недостатки явились следствием того, что отец Дмитрий не был ученым и не имел специальной подготовки, а был просто собирателем. Он записывал все то, что находил интересным и достойным сохранения. Интересны здесь описания обрядов «Купайлы», «Коляд», «Щедрухи» и пр. Не менее интересны воззрения пинчуков на загробную жизнь, имеющие совсем мифический характер, а также поверья о превращении людей в животных и о переходе душ. Между колядами, щедрухами и весенними песнями есть много замечательных, относящихся к эпическому периоду; некоторые даже содержат отголос-

¹³³ Булгаковский Д., священник. Пинчуки. – С. I.

¹³⁴ Там же. – С. II.

ки мифологической старины. Между загадками есть много поражающих остроумием и замысловатостью народного творчества.

Надо также отметить, что сборник Булгаковского замечателен не только по своему составу, но и по изложению. Написан он с большой любовью, с искренним сопереживанием радостным и скорбным сторонам нелегкой народной жизни. Поэтичность собранных произведений отразилась и на повествовании самого автора, вследствие чего весь сборник представляет собой единое органичное целое.

Не случайно Булгаковский в ряду различных культурно-бытовых особенностей жизни пинчуков обращает также внимание читателя на их религиозные и национальные особенности. В сознание русского общества едва еще только начинали проникать подлинные представления о Белоруссии. В понятиях среднего русского образованного человека того времени, как отмечал наш замечательный историк А.П. Сапунов, за Смоленском начиналась «Польша»¹³⁵. Поэтому нужно было в буквальном смысле «открывать» Белоруссию как страну самобытную, уходящую своими национальными, религиозными и культурными корнями к единому древнерусскому началу.

Булгаковский нарочито отмечал в своем сборнике, что православие в сознании пинчуков воспринимается как более древнее исповедание, нежели католичество. Это народное сознание запечатлелось в его словесном творчестве, в частности в песнях. Так в одной из колядных песен, посвященных рождению Спасителя, повествуется фантастическая история о том, что когда Он родился, имя Ему было наречено «по определению духовного собора, бывшего в Киеве». Из трех имен – святой Илия, святой Зосима и Иисус Христос, Сын Божий, по порядку предложенных иерархами, Богородице понравилось последнее. Анализируя этот фантастический сюжет, отец Дмитрий подчеркивал: «В этом народном веровании важно то, что Киев, как мать городов русских, пользуется в глазах

¹³⁵ Сапунов А.П. Исторический очерк Витебской Белоруссии. – Витебск: Типо-лит. наслед. М.Б. Неймана, 1911. – С. 3–4.

народа преимуществом пред другими городами, а также видно, что название владыки, усвоенное православным иерархам, известно народу вместо польского имени бискуп; видно также, что ему известен сан архимандрита, которого совсем нет в католической церкви. Верование, что имя Христу было наречено православным собором, говорит о том, что народ считает православие старее и достойнее других вероисповеданий, а знакомство его с названиями владыка, архимандрит проливает свет на то, что вера православная с ее духовной иерархией была издавна близка сердцу и языку полешука или пинчука, несмотря на страшный гнет, испытанный от католичества»¹³⁶.

Рассказывая о песнях пинчуков, распеваемых в летнюю страдную пору, отец Дмитрий замечал, что они должны были быть веселого характера, но на самом деле наполнены жалобами на нелегкую долю и судьбу. Это, по его мнению, было еще одной особенностью, касающейся жизни именно белорусского крестьянина. Тяжелая работа, награждающая в итоге труженика «довольством во всем», пинчуку не сулила в былые времена никаких радостей. Он знал, что труды его обогатят лишь пана — его помещика, знал, что после нелегкой летней страды он останется «тем же голышом, каким был и зимою». И именно это сознание непреодолимой бедности, несмотря на непосильные труды, сильнее и свободнее рвалось наружу, более жгуче в его душе «отзывалась его горемычность», а панская плеть чувствовалась на спине особенно больнее. «Еще понятнее будет этот летний песенный плач пинчука за чужую работу, во время летнего зноя, среди необозримых болот, — писал Булгаковский, — если вспомнить, что крепостное право более чем где-либо было невыносимо тяжело для белоруса-пинчука, бывшего в руках пана-католика, для которого он работал пять дней в неделю и только один день для себя»¹³⁷.

Вот почему Булгаковский отмечал, что пинчуки, «несмотря на усиленную пропаганду полонизма и широкий простор

¹³⁶ Булгаковский Д., священник. Пинчуки. — С. 6.

¹³⁷ Там же. — С. 10–11.

католицизма с его жестоким насилием, остались непоколебимы Русскому Престолу и Отечеству и верными сынами Православия с его таинствами и обрядами; видим в них все то, что крепко хранят и чем дорожат братья их – великороссы»¹³⁸.

Любопытен еще один вывод, сделанный отцом Дмитрием на основании своих наблюдений. Как пастырь он понимал, что те предрассудки и суеверия, которыми жил народ, конечно же, были весьма далеки от христианских понятий и носили на себе отпечаток, напоминающий «эпоху языческой старины», несмотря на то, что христианство в этих краях было известно еще с глубокой древности. «Тайны религиозные понятия простолюдина о загробной жизни, – писал он, – безумны его суеверия о душе и связи ее с телом. И не удивительно, если по своей неразвитости он не может верно понять факта из мира, видимого, его окружающего, то тем более не доступны его пониманию умозрительные истины или отвлеченные предметы. Спросите его, как он представляет душу, для чего человек живет на земле, что будет с ним после смерти, и вы услышите от него равнодушный ответ: “мы люди темные, откуда нам знать про гэто; Бог видае”». Между тем люди, среди которых отец Дмитрий собирал материал для своего сборника, частью были его прихожанами. Несмотря на их темноту и непросвещенность, он любил их и потому старался оправдать их простодушную веру. «Но при всем поразительном невежестве, – писал он, – при всей массе его суеверий, в душе его теплится искра истины, как блуждающий огонек среди непроницаемой тьмы; это, во-первых – вера в бессмертие души и, во-вторых – награда за добрые и наказание за худые дела после смерти»¹³⁹.

После выхода в свет сборник «Пинчуки» сразу же обратил на себя внимание ученых-этнографов. Следует сказать, что до этого работ по этнографии Пинского Полесья было очень немного. В 1850-х годах в Ковно вышел сборник пинских песен (ок. 200) Ромуальда Зенькевича, довольно хороший

¹³⁸ Булгаковский Д., священник. Пинчуки. – С. VI.

¹³⁹ Там же. – С. 192.

по тому времени¹⁴⁰. Кое-какие сведения о местных говорах можно было найти в военно-географическом и статистическом обозрении Гродненской губернии П.О. Бобровского¹⁴¹. В 1868 году И.О. Эремичем был опубликован ряд очерков, посвященных белорусскому Полесью в издаваемом в Вильно «Вестнике Западной России»¹⁴². В конце 1870-х годов появилось небольшое собрание пинских песен Быковского, изданное Краковской Академией Наук¹⁴³. В 1888 году в «Русском Филологическом Вестнике» вышло небольшое исследование Карпинского «Говор пинчуков»¹⁴⁴. Вот практически и все.

Ввиду такой скудости сведений о Пинщине сборник Булгаковского стал важным явлением в этнографической литературе. Известный белорусский этнограф М.В. Довнар-Запольский написал рецензию на сборник, опубликованную в Москве в «Этнографическом обозрении»¹⁴⁵.

В своей рецензии он указывал, что изучение окраинных земель Белоруссии и Малороссии является в последнее время особенно настоятельным. Менее всего исследованы, из-за своей малодоступности, Пинское, Гродненское и западная часть Волынского Полесья. Хотя этот регион мог дать обильный материал для этнографов и филологов, исследование почти не коснулось его. Между тем, подчеркивал рецензент, интересные черты полесских говоров давно уже оценены наукой и осознана важность их изучения.

Переходя к непосредственному разбору сборника, М.В. Довнар-Запольский так же, как и Ф.М. Истомин, высказывал сожаление о том, что Булгаковский не указывал, в

¹⁴⁰ *Zienkiewicz R.* Piosnki gminne ludu Pińskiego. – Kowno, 1851. – VII, I, 65 с.

¹⁴¹ *Бобровский П.* Гродненская губерния / Сост. чл. Имп. Рус. геогр. о-ва Ген. штаба подполк. П. Бобровский. – СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1863.

¹⁴² *Эремич И.* Очерки белорусского Полесья // Вестник Западной России. – Вильна, 1868. – Кн. 8. – С. 107–133; кн. 9. – С. 201–222; кн. 10. – С. 1–20; кн. 11. – С. 95–117.

¹⁴³ *Bykowski P.* Pieśni obrzędowe ludu ruskiego z okolic Pińska // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. – Kraków, 1878. – Т. 2.

¹⁴⁴ *Карпинский М.* Говор пинчуков // Русский Филологический Вестник. Т. XIX. – Варшава, 1888. – С. 45–54.

¹⁴⁵ *Довнар-Запольский М.* Д.Г. Булгаковский. Пинчуки. Этнографический сборник. 1890 г. (рецензия) / Этнографическое обозрение. – М., 1891. – Кн. XI. – № 4. – С. 207–210.

какой именно местности Пинского уезда делал ту или иную запись. «Точность записи в филологическом отношении важна ввиду того, что этнографический сборник служит материалом для филологических изысканий», – писал он¹⁴⁶. Это было важно еще потому, что в Пинском уезде в разных местностях замечалось большое разнообразие говоров при одном общем характере всего звукового строя. Так, например, жители «заречья» – части уезда к югу от Припяти, имели отличия от жителей северной части уезда не только в говорах, но и в одежде и пр. Рецензент указывал на некоторые фонетические и другие неточности в записях Булгаковского, несвойственные для жителей Пинщины. «В общем, система записи заставляет желать много лучшего», – заключал он.

Если в филологическом отношении рецензент высказал в адрес сборника довольно много замечаний, то в этнографическом, напротив, обратил внимание на массу достоинств. Особо он отметил статью «Обряды, приметы, гадания, предрассудки, поверья и суеверья Пинчуков», подчеркнув ее «глубокий этнографический интерес»¹⁴⁷.

Для своего времени сборник Булгаковского оказался самым обширным трудом по фольклору и этнографии Пинского Полесья, всесторонне характеризующий материальную и духовную жизнь этого глухого уголка Белоруссии. И, несмотря на имеющиеся в нем недостатки, его значение для развития белорусской науки невозможно переоценить. Сборник и по сегодняшний день, как справедливо отмечает А.И. Гурский, «остаётся наиценнейшим источником для изучения устного творчества и быта населения Пинщины»¹⁴⁸.

Десять лет прослужил священник Дмитрий Булгаковский в Литовской епархии, исполняя кроме священнического служения обязанности законоучителя в разных учебных заведениях. В своей педагогической практике он часто обращался

¹⁴⁶ Довнар-Запольский М. Д. Г. Булгаковский. Пинчуки. Этнографический сборник. 1890 г. (рецензия) / Этнографическое обозрение. – М., 1891. – Кн. XI. – № 4. – С. 209.

¹⁴⁷ Там же. – С. 210.

¹⁴⁸ Гурскі А.І. З любоўю да народа: З жыцця і фальклорна-этнаграфічнай дзейнасці Д.Г. Булгакоўскага і П.П. Дземідовіча. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – С. 7.

к памятникам народного творчества – пословицам, песням, загадкам, обрядам, что было известным новшеством в педагогике. За законоучительскую деятельность он был награжден по представлению попечителя Виленского учебного округа денежной премией в размере годового оклада¹⁴⁹.

Между тем епархиальное начальство мало обращало внимания на его усердные пастырские и литературно-просветительные труды, что, видимо, неприятно отзывалось в душе Булгаковского. Проблема была даже не в том, что его обходили священническими наградами, а в том, что он не находил поддержки, а возможно, и простого сочувствия. Не случайно отец Дмитрий просил протоиерея Василия Михайловского, чтобы золотая медаль от Императорского русского географического общества ему была выслана через Литовскую духовную консисторию. И хотя известие о его награждении было напечатано в «Литовских епархиальных ведомостях»¹⁵⁰, он, видимо, хотел еще раз обратить внимание епархиального начальства на то, что его литературные труды высоко оценены в научном мире. Это действительно в какой-то мере оказывало свое действие.

Как только было получено извещение, что Булгаковский удостоен высокой награды от ученого общества, Литовская духовная консистория немедленно послала в Святейший Синод рапорт о представлении его к благословению с выдачей грамоты «за заслуги по духовному ведомству»¹⁵¹. И ко дню Пасхи отец Дмитрий был награжден синодским благословением с грамотой¹⁵². Но такое «внимание», вынужденное обстоятельствами, видимо, мало ободряло дух.

За три года настоятельства в Лужках, где отец Дмитрий столько сделал, епархиальные власти так и не посодействовали

¹⁴⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 183. Д. 643. Л. 2.

¹⁵⁰ Награды Русского географического общества // Литовские епархиальные ведомости. – 1888. – № 4 (часть официальная). – С. 25.

¹⁵¹ Архив Рождества-Богородицкой церкви деревни Лужки Шарковщинского района Витебской области.

¹⁵² Действия правительства // Литовские епархиальные ведомости. – 1888. – № 18 (часть официальная). – С. 137.

ему в обзаведении постоянным жильем. В начале мая 1888 года Булгаковский писал Преосвященному Алексию: «12 минувшего апреля месяца окончилось три года после пожара, уничтожившего в м. Лужках все причтовые постройки. Казалось бы, время и окончиться тяжелым бедствиям, какие выпали на долю Лужецкого причта, скитающегося по наемным квартирам. Но на деле к прискорбию не так: г[осподин] Виленский Губернатор месяца два тому назад благодушно дал лужецкому помещику Плятер-Зибергу еще отсрочку на два года для взноса причитающихся с него на причтовые постройки денег. Таким образом, вопрос о возведении помещений в своем разрешении отодвинут, можно сказать, на неопределенное время»¹⁵³.

В октябре того же года Булгаковский решил оставить приходское служение и подал прошение о переводе его священником в военное ведомство – к Свято-Духовской церкви 37-й артиллерийской бригады¹⁵⁴. Располагалась бригада в Селищенских казармах на правом берегу реки Волхов в 50 верстах от Новгорода¹⁵⁵.

Через полгода отец Дмитрий был прикомандирован к церкви Чесменской военной богадельни в Петербурге, где прослужил, впрочем, всего 10 дней.

22 марта 1889 года он был перемещен на священническую вакансию в 42-й драгунский Митавский Его Королевского Высочества принца прусского Альберта полк и назначен законоучителем полковой учебной команды. Полк этот входил в состав 14-го гусарского Митавского полка, расположенного недалеко от города Ченстохова. При нем была походная церковь в честь Святителя Николая Чудотворца.

Служба в новых местах и в армейской обстановке сразу же отразилась на литературной деятельности Булгаковского. В это время выходят в свет его брошюры: «Поучение, сказанное 4-го

¹⁵³ ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1185. Л. 21–21 об.

¹⁵⁴ Местные распоряжения // Литовские епархиальные ведомости. – 1888. – № 43 (часть официальная). – С. 362.

¹⁵⁵ Храмы России [Электронный ресурс]. – [http://www.temple.ru/main.php?op=pa&name=06102004092237\(4of15\)](http://www.temple.ru/main.php?op=pa&name=06102004092237(4of15)). – Дата доступа 23.07.2009.

ноября в день двадцатипятилетнего юбилея 37-й Артиллерийской бригады, расположенной в Селищенских казармах»¹⁵⁶, «Знамение Божией Матери», посвященная истории Новгородской чудотворной иконы Богородицы «Знамение»¹⁵⁷, «За Веру, Царя и Отечество. (Доброе слово по случаю приведения молодых солдат к присяге на верность службы, по окончании ими установленного курса обучения)»¹⁵⁸, «Полезные советы нижним чинам, увольняемым в запас армии»¹⁵⁹. Две последние брошюры циркуляром Главного Штаба были одобрены к обращению в войсках¹⁶⁰.

Кроме новых брошюр Булгаковский переиздавал также и некоторые свои предшествующие труды, активно сотрудничая в Ченстохове с типографией Кона и Одерфельда.

Между тем плохое состояние здоровья вынудило его оставить священническое служение. 5 апреля 1890 года отец Дмитрий вышел за штат с отчислением в Литовскую епархию¹⁶¹.

¹⁵⁶ *Булгаковский Д., священник*. Поучение, сказанное 4-го ноября в день двадцатипятилетнего юбилея 37-й Артиллерийской бригады, расположенной в Селищенских казармах. – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1888. – 8 с.

¹⁵⁷ *Булгаковский Д., священник*. Знамение Божией Матери. С изображением знамения Божией Матери. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1890. – 16 с.; 1 л. ил.

¹⁵⁸ *Булгаковский Д., священник*. За Веру, Царя и Отечество. [Доброе слово по случаю приведения молодых солдат к присяге на верность службы, по окончании ими установленного курса обучения]. – СПб.: Тип. Артил. журн., 1889. – [2], 24 с.

¹⁵⁹ *Булгаковский Д., священник*. Полезные советы нижним чинам, увольняемым в запас армии. – Ченстохов: Типо-лит. В. Кона и Одерфельда, 1890. – 20 с.

¹⁶⁰ Циркуляры Главного Штаба. – 1889. – № 277 (4 декабря); 1891. – № 4 (9 января); 1892. – № 248 (18 декабря); 1895. – № 21 (23 января).

¹⁶¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 183. Д. 643. Л. 1 об.–2.

III

Расширение литературной деятельности

После выхода за штат Булгаковский посвятил себя уже исключительно литературной и общественной деятельности. Практически сразу же он перебрался на жительство в Петербург, где поселился в качестве вольного священника, но без права священнослужения.

Вскоре после переезда в столицу он издал брошюру «Раба Божия Ксения или Юродивый Андрей Федорович»¹⁶², ставшую в свое время одним из лучших изданий, посвященных блаженной Ксении Петербургской, и имевшую большую популярность среди читателей. В конце XIX века православная Россия буквально зачитывалась книжками Ф. Белоруса, священника Дмитрия Булгаковского, Е. Поселянина, А. Смирновой, посвященными блаженной Ксении, среди которых труд Булгаковского выдержал больше всего изданий, будучи переиздан 14 раз.

Книжка была составлена отцом Дмитрием на основе материалов, заимствованных из разных изданий («Ведомости С.-Петербургской Городской Полиции», «Русская Старина» и др.), а также воспоминаний петербургских старожилов, слышавших рассказы о блаженной от людей лично ее знавших. Материалы, связанные с Ксенией Петербургской, Булгаковский продолжал собирать и впоследствии. Так в 1900 году он обращался в архив Министерства Императорского Двора для разыскания там сведений о придворном певчем Андрее Федоровиче Петрове – супруге блаженной Ксении, служившем в 1730–1760 годы¹⁶³. Благодаря найденным новым материалам в 1901 году вышло 12-е «дополненное и исправленное»

¹⁶² *Булгаковский Д., священник. Раба Божия Ксения или Юродивый Андрей Федорович. Погребена на Смоленском кладбище в С.-Петербурге.* – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1890.

¹⁶³ РГИА. Ф. 484. Оп. 1. Д. 824. Л. 1.

издание брошюры «Раба Божия Ксения или Юродивый Андрей Федорович».

Будучи сам почитателем петербургской подвижницы, Булгаковский нередко бывал у ее могилы на Смоленском кладбище. То массовое поклонение блаженной Ксении, которое ему доводилось видеть на месте ее погребения, настолько было впечатляющим, что отец Дмитрий вскоре издал специально посвященную этому брошюру «Могила рабы Божией Ксении на Смоленском кладбище»¹⁶⁴.

«Могила ее с давних лет привлекает набожных людей, – писал он, – особенно в последнее время народ тысячами идет сюда, чтобы помолиться об усопшей. <...> Сотни свеч и множество лампад с раннего утра до позднего вечера теплятся на могиле Ксении, и ежедневно совершается поминовение о ней по просьбе посетителей. <...> Насколько велико усердие посещающих могилу ее, можно отчасти судить уже по одному тому, что в день памяти Ксени, 24 января, служат панихиды здесь с раннего утра до позднего вечера, так что число их доходит до двухсот, а 17 октября на могилу ее собралось до пяти тысяч человек. <...> Многие глубоко верят, что могила ее имеет какие-то сверхъестественные свойства. Рассказывают, например, что горсть земли, взятая с могилы Ксении, приносит счастье, панихида, здесь отслуженная, избавляет от несчастья и т.п.»¹⁶⁵. Кроме описания всенародного почитания, издавна установившегося у могилы угодницы Божией, Булгаковский привел ряд современных ему свидетельств благотворной помощи лицам, обращавшимся с молитвенной просьбой к блаженной Ксении у ее могилы. Все описанные случаи были собраны им лично, так сказать из первых уст.

Вскоре после выхода брошюры о блаженной Ксении Булгаковский издал еще одно небольшое агиографическое исследование, посвященное другому подвижнику

¹⁶⁴ Булгаковский Д., священник. Могила рабы Божией Ксении на Смоленском кладбище. Очерк Д. Булгаковского. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1892. – 16 с.

¹⁶⁵ Там же. – С. 5–7.

благочестия – страннику Александру Крайневу, также почитавшемуся петербуржцами¹⁶⁶.

В отличие от блаженной Ксении, странник Александр был практически современником Булгаковского.

Крестьянин Вологодской губернии Александр Михайлович Крайнев, тридцать лет несший подвиг странствования, был известен во многих крупных русских городах. Благословленный на подвиг Московским митрополитом Филаретом (Дроздовым), Александр обошел многие святые места России, побывал в Иерусалиме, на Афоне. Часто голодный, почти нагой и босой, «он твердо шел по тесному пути», терпеливо переносил лишения, болезни, насмешки, ругательства, а иногда и побои. Летний зной, зимние вьюги и морозы нередко застигали его в дороге, но он не унывал и не падал духом. Спал, где придется, часто в лесу, под заборами, на церковных папертях, на камнях, ел, что давали, а в лесу питался одними кореньями. Тело свое изнурял не только пудовыми веригами, которые носил в течение 28 лет, постом и разными лишениями, но и «другими ужасными средствами». Так, многие видели его ноги в крови, когда он снимал сапоги, внутри которых были набиты гвозди. В общении он редко кого называл по имени, обращаясь «брат» или «сестра». Речи его были просты и задушевы. Он часто любил повторять: «Крест и вера – благодать Святого Духа. Не осуждайте никого, последнего пьяницу надо прощать и пожалеть. Кротость выше всякого моления. Где мир, тут и Сам Господь почивает и Святой Дух обитает. Терпи, терпи, ни один святой без скорбей в царство небесное не взошел. Трудно богатому в царство небесное войти»¹⁶⁷. Изнуряя себя тяжелыми подвигами, он вместе с тем до самой смерти заботился об украшении многих, в основном бедных, церквей, собирая для них деньги. Где-то починить иконостас или устроить новый, обновить ветхую церковную крышу,

¹⁶⁶ Булгаковский Д., священник. Странник Александр Михайлович Крайнев. Погребен на Митрофаньевском кладбище в С.-Петербурге. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. – 16 с.

¹⁶⁷ Там же. – С. 8.

купить сосуды и облачения, в одну церковь собрать несколько десятков рублей на ее нужды, а для другой приобрести новый колокол – было излюбленным его делом. Удивительным было его влияние на тех, к кому он обращался с просьбой о помощи. В выборе людей он не ошибался, «угадывая, чье сердце будет доступно его голосу». Александрушка, как называли его в народе, известен был своей удивительной прозорливостью.

Скончался Александр 10 декабря 1889 года в Петербурге в квартире Анны Александровны Семеновой, которую за 15 лет до своей кончины попросил сшить для него рубаху «на смерть», сказав: «К тебе, сестра, приду умирать»¹⁶⁸. Проститься с покойным в день похорон собрались тысячи его почитателей. «12 декабря 1889 года с раннего утра Фонтанка, начиная от дома Тарасова до Обуховского моста и вся Сенная площадь до Спасской церкви представляла собою необыкновенное зрелище. Все это пространство буквально было запружено народом. Хоронили Александра Михайловича Крайнева. Давка была невообразимая», – описывал это событие Булгаковский.

Кроме сведений о жизни и подвигах Александра отец Дмитрий привел в своей брошюре также целый ряд свидетельств о его прозорливости, записанных со слов разных лиц. Книжка о нем, так же как книжка о блаженной Ксении, пользовалась большой популярностью среди читателей, выдержав со временем около десяти изданий.

В начале XX столетия это жизнеописание было целиком помещено в многотомное издание «Жизнеописаний отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков»¹⁶⁹, выпущенное Оптиной пустыню.

Со временем на могиле странника Александра на Митрофаньевском кладбище его усердными почитателями была

¹⁶⁸ Там же. – С. 30–31.

¹⁶⁹ Странник Александр Михайлович Крайнев / Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков (с портретами). Декабрь. Ч. 1. – М.: Издание Введенской Оптиной пустыни, 1994. – С. 172–182.

устроена небольшая часовня. Внутри нее был поставлен крест, у которого теплилась неугасимая лампада. Многие здесь получали исцеления от телесных и душевных недугов.

Теперь на месте Митрофаньевского кладбища огромный захламленный пустырь. Уничтожено все, в том числе и могила Александра¹⁷⁰. На сегодняшний день житие, составленное отцом Дмитрием Булгаковским, является единственным наиболее полным свидетельством жизни и подвигов этого замечательного подвижника веры.

14 марта 1891 года отец Дмитрий участвовал в погребении главного доктора петербургской Александровской больницы¹⁷¹ Николая Петровича Васильева. При жизни почившего он был достаточно близко знаком с ним. Под впечатлением скоропостижной смерти 38-летнего Васильева, человека полного сил и энергии, отец Дмитрий во время погребения сказал слово, в котором рассуждал о тайне Промысла Божия, определяющего время кончины человека, и о том, что нужно всегда быть готовым к смерти. «Возлюбленные, – говорил он, – будем и мы готовы к смерти во всякую пору, ежедневно, потому что неизвестно, когда пробьет для нас неизбежный час смерти, может быть завтра, может быть сегодня. Смерть может постигнуть нас везде, может напасть во всякое время. Будем часто думать о ней, чаще, нежели о чем-либо другом. Спешите же, други, пока есть силы и здоровье, спешите потрудиться на спасение души вашей. Не откладывайте дела спасения до старости, потому что неизвестно, каждый ли из нас доживет до старости». Слово это в скором времени было издано в виде небольшой брошюры¹⁷².

Вслед за тем Булгаковский издает брошюру «Память о покойниках»¹⁷³, в которой говорит об огромной важности

¹⁷⁰ Семенов Борис. Странник Александр Крайнев // Горница. – 1995. – № 3.

¹⁷¹ Александровская больница устроена в Петербурге в 1890 г. по барачной системе для заразных больных в память С.П. Боткина.

¹⁷² Булгаковский Д., священник. О готовности к смерти. Поучение, сказанное 14-го марта 1891 г. при погребении глав. д-ра Александровской больницы Н.П. Васильева. – [СПб.]: Тип. В.С. Балашева, 1891 [ценз.]. – 4 с.

¹⁷³ Булгаковский Д., священник. Память о покойниках. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. – 16 с.

молитвенного поминовения усопших и делания добрых дел в их память. Он приводит разные случаи из древнего и нового времени, когда поминовение усопших приносило душам почивших отраду и помощь, изменяя даже их загробную участь. Автор убеждает, что усопшим нужны не украшение могил дорогими памятниками, цветниками и прочим, а единственно молитва и добрые дела в их память. «У всех большей частью одна забота о внешности, о показной стороне, о том, что могут видеть другие, а о душе их, чтобы доставить им истинную отраду, облегчить их тяжкую участь – это в стороне», – писал он.

В начале брошюры отец Дмитрий поместил кратенькую бытовую сцену, рассказанную ему якобы одним из близких его знакомых. Но думается, что Булгаковский рассказывает в ней о себе самом. «Когда мне было около 12-ти лет, отец мой, бывало, обращаясь ко мне, говорил: “Стань, сынок, прочитай хотя одну славу¹⁷⁴ по дедушке и бабушке, им легче будет на том свете”. И послушный ребенок брал, бывало, псалтирь, отыскивал закладку в ней и, едва разбирая славянскую печать, поминал своего дедушку и бабушку, с искренней верой, что им на том свете легче будет. А после ужина, когда вся семья, помолясь Богу, ложилась спать, набожный старец, одевши очки, сам брался за псалтирь, и поминал усопших. Бывало, уже, кажется, совсем засыпаешь и слышишь слова: “Помяни, Господи, души усопших рабов твоих...” и не разберешь, бывало, доносятся ли эти слова от отца, почти шепотом и со вздохом им произносимые, или это было лишь представление собственного чтения, только что оконченного. Так, бывало, почти каждый день засыпаешь под это молитвенное чтение. То было давно, когда набожный старец-дьячок приучил своего сына-малютку молиться о покойниках»¹⁷⁵.

¹⁷⁴ В церковном употреблении ветхозаветная книга «Псалтирь» (150 псалмов) разделена на 20 кафизм, а каждая кафизма на три слав, т.е. небольшие отделения, после которых читается трижды *аллилуйя*.

¹⁷⁵ Булгаковский Д., священник. Память о покойниках. – С. 3–4.

В том же году отец Дмитрий начал публикацию небольших бесед под общим названием «Так ли мы живем, как Бог велит?»¹⁷⁶. Первый выпуск представлял собой беседу на тему о суетности жизни и о том, что необходимо задумываться о Вечном. В конце брошюры автор сообщал: «Во втором выпуске под тем же заглавием, какое дано первому, будет в скором времени напечатана беседа о том: “Веруем ли мы в Бога так, как следует верить в Него?”».

Любопытное исследование, основанное на документах из архива Министерства Императорского Двора, представляла собой изданная в 1891 году книжка Булгаковского «Домик Петра Великого и его святыня в С.-Петербурге»¹⁷⁷.

Петербургский Домик Петра I был его первоначальной резиденцией в закладываемой новой столице. Построен он был Петром вместе с солдатами всего за три дня, 24–26 мая 1703 года, и последующие пять лет царь жил в нем до постройки Зимнего и Летнего дворцов. Здесь он праздновал основание Петербурга и собственноручно «начертил план города».

Домик был построен из дерева и, чтобы сохранить для потомков это старейшее в городе здание, вокруг него в 1723 году был выстроен каменный с галереей футляр, который в 1784 году был обновлен И.Б. Фоком, а в 1844 году заменен новым по проекту Р.И. Кузьмина. Из вещей, принадлежавших Петру I, в Домике хранились: кресло из березового дерева с кожаной подушкой, собственной работы царя; скамеечка грушевого дерева с дубовыми ножками, также сделанная Петром; деревянная рюмка с крышкой; оконная рама со свинцовыми переплетами; верейка (ботик) с четырьмя веслами. Но главную достопримечательность Домика составляла его святыня – образ Спасителя, написанный в XVII веке знаменитым иконописцем Симоном Ушаковым для царя Алексея

¹⁷⁶ Булгаковский Д., священник. Так ли мы живем, как Бог велит? Вып. 1. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. – С. 15.

¹⁷⁷ Булгаковский Д., священник. Домик Петра Великого и его святыня в С.-Петербурге. Историч. исследование, основанное на офиц. документах. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. – 32 с., 6 л. ил.

Михайловича¹⁷⁸. К Петру I икона попала от фельдмаршала графа Ф.А. Головина. Почитаемый царем, образ сопровождал его во всех походах и стоял у изголовья монарха во время его предсмертной болезни. С середины XVIII века образ хранился в специально устроенной в столовой Домика часовне. Икона всегда привлекала к себе массы богомольцев, а в XIX веке являлась одной из самых почитаемых святынь столицы. Слова «идти» или «ехать к Спасителю» были понятны каждому петербуржцу. Со временем для иконы были сделаны киот из красного дерева, бронзовая рама и золотая риза с драгоценными украшениями. Во время молебнов перед образом среди прочих читалась молитва «Господи, щедрый и многомилостивый», написанная Цесаревной Елизаветой Петровной. В 1878 году в часовне был поставлен новый иконостас из бронзы, а старый отправлен в село Коробово Костромской губернии на родину Ивана Сусанина.

Книга «Домик Петра Великого» после выхода в свет была поднесена Императору Александру III, за что отец Дмитрий был удостоен Высочайшей благодарности.

В 1892 году Булгаковский издал брошюру «Нерукотворный образ Спасителя в домике Петра Великого в С.-Петербурге»¹⁷⁹.

В 1894 году обе книги были переизданы протоиереем Василием Михайловским, а в 1898 году Михайловский перевел книгу «Домик Петра Великого и его святыня» на французский язык¹⁸⁰.

Уже после первого ее издания Булгаковский несколько раз работал в общем архиве Министерства Императорского Двора с целью разыскания новых сведений относящихся к

¹⁷⁸ Существовало также маловероятное предание, что образ был привезен из Греции для Великого князя Иоанна III и находился с ним во время стояния на р. Угре.

¹⁷⁹ *Булгаковский Д., священник. Нерукотворный образ Спасителя в домике Петра Великого в С.-Петербурге.* – СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1892. – 16 с., ил.

¹⁸⁰ *La maisonnette de Pierre le Grand et son image sainte a St.-Petersbourg: Etude hist. basée sur les doc. officiels / Par. D. Boulgakowsky.* – 3 ed. sans changements. – СПб.: Тип. Общественная польза, 1898. – 42 с., [1] л. ил.

Домику Петра I. Известно, что он работал там по указанной теме в 1896 и в 1900 годах, однако все последующие переиздания книги выходили в свет с указанием, что переиздается она «без перемен».

В 1892 году вышли брошюры отца Дмитрия, посвященные армейской теме, «Русский солдат на войне»¹⁸¹ и «Первые шаги молодого солдата»¹⁸². Последняя брошюра представляла собой пастырские советы нравственного и бытового характера молодому солдату, начинающему воинскую службу. Будучи в свое время полковым священником, автор прекрасно знал, с какими проблемами приходится сталкиваться новобранцу. В своей брошюре он попытался дать молодому солдату ряд дельных советов, как вести себя и как правильно настроиться на дальнейшую службу. Брошюру составили соответствующие рубрики: «Скука по родине и средство избавиться от нее», «Сознание высокого долга военной службы», «Любовь к военной службе», «Условия успехов молодого солдата», «Отношение его к дядьке (старшему солдату-наставнику. – Г.Ш.)», «Поведение молодого солдата», «Сбережение здоровья и чистоплотность», «Бережливость казенного имущества», «Товарищество и уважение к чужой собственности» и др.

Брошюра эта вскоре после издания была одобрена Главным Штабом «к обращению в войсках»¹⁸³, а через несколько лет после очередного переиздания – Главным Морским Штабом для корабельных библиотек¹⁸⁴.

Издания отца Дмитрия, посвященные армейской тематике, были отмечены и в печати. «Эти брошюры, – писала газета «Свет», – весьма изящно изданные и написанные прекрасным языком, вполне доступные пониманию грамотного простолюдина, “составляют” по нашему мнению, весьма ценный вклад в далеко не обширную у нас “литературу для

¹⁸¹ Булгаковский Д., священник. Русский солдат на войне. – СПб.: Тип. А. Бенке, 1892. – 20 с.

¹⁸² Булгаковский Д., священник. Первые шаги молодого солдата. – СПб.: Тип. А. Бенке, 1892. – 16 с.

¹⁸³ Циркуляры Главного Штаба. – 1892. – № 248; 1893. – № 276.

¹⁸⁴ Циркуляр Главного Морского Штаба. – 1895. – № 33.

солдат”. <...> Брошюры имеют целью внушить солдату любовь и уважение к военной службе, вселить ему уважение к себе, к своей доблести и силе, и, кроме того, преподать ему истины добра и правды на строго православной религиозной почве. Благотворное влияние подобных изданий на солдат более чем несомненно»¹⁸⁵. Газета «Новое Время» также обратила внимание на эти издания, отметив, что «автор вполне простым и понятным для русского солдата слогом учит, как следует солдату вести себя, чтобы приобрести общее уважение»¹⁸⁶.

Известно, что в мае 1892 года во время официального открытия первого эсперантского общества в Санкт-Петербурге – общества «Эсперо» – в квартире академика живописи и скульптуры М.О. Микешина эту первую штаб-квартиру столичных эсперантистов освятил отец Дмитрий Булгаковский¹⁸⁷.

В апреле 1893 года он приветствовал телеграммой Минскую духовную семинарию по случаю празднования ее 100-летнего юбилея. «Прими, милая моя матушка, – обращался в своем приветствии отец Дмитрий, – незабвенная Минская духовная Семинария, поздравление с твоим юбилейным светлым праздником и от меня, твоего птенца, случайно залетевшего к тебе из Орла и в шестидесятых годах тобою вскормленного для труда на ниве Божией»¹⁸⁸. Подчеркнув особые задачи Минской семинарии, расположенной «среди иноверцев» и призванной готовить «сильную духовную рать, могущую твердо стоять на страже православия и русских интересов» он писал: «Славься же и процветай, великая подвижница, и в новом столетии оставайся верною самой себе! Продолжай готовить

¹⁸⁵ Библиография (отзыв на брошюры Д. Булгаковского: «За Веру, Царя и Отечество», «Первые шаги молодого солдата», «Русский солдат на войне», «Полезные советы нижним чинам, увольняемым в запас») // Свет. – 1893. – № 38. – С. 2.

¹⁸⁶ Библиографические новости (отзыв на брошюры Д. Булгаковского: 1) Первые шаги молодого солдата, 2) Русский солдат на войне, 3) Полезные советы нижним чинам, увольняемым в запас, 4) За Веру, Царя и Отечество) // Новое Время. – 1893. – № 6095. – С. 4.

¹⁸⁷ Глазунов А. Лев Толстой, великое единение народов и международный язык. – <http://miresperanto.narod.ru/historio/tolstoj/01.htm>. – Дата доступа 28.07.2008.

¹⁸⁸ Приветствия, полученные от разных учреждений и лиц, по случаю исполнившегося 13 Апреля 1893 года столетия существования Минской Духовной Семинарии // Минские епархиальные ведомости. – 1893. – № 17. – С. 458–459.

сильных и мудрых борцов, могущих окончательно побороть иноверные начала там, где они доселе еще держатся, и на место их насадить православие»¹⁸⁹.

Вместе с приветственной телеграммой Булгаковский прислал в дар семинарии в качестве выражения «любви и признательности» по несколько экземпляров около десятка своих книг и брошюр¹⁹⁰.

В середине июля 1894 года отец Дмитрий совершил паломническую поездку в Константинополь (Стамбул). Отправился он туда из Севастополя на пароходе «Коцебу», том самом злосчастном «Коцебу», который впоследствии потерпел неприятное столкновение. Во время поездки он познакомился с капитаном парохода Федором Алексеевичем, любезным и общительным человеком. Капитан дал отцу Дмитрию дельные советы, что в первую очередь следует посмотреть в Константинополе, отведя, конечно же, первое место храму Святой Софии.

Булгаковский вспоминал позже, что был очень доволен поездкой и с нетерпением ожидал, когда начнется качка, о которой ему так много доводилось читать и слышать. Ему хотелось получить личное впечатление о качке, но погода к его некоторому разочарованию во время поездки выдалась особенно тихой.

Беседуя на верхней палубе с капитаном и любуясь морем, отец Дмитрий обратил внимание на сидевших неподалеку прилично одетых двух господ. Один был пожилых лет, а другой еще молодой – лет около тридцати. Последний оказался врачом. Они вели оживленный разговор, который вскоре перешел в спор.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Булгаковский передал в библиотеку Минской духовной семинарии: сборник «Пинчуки», 2 экз.; «Домик Петра Великого и его святыня в С.-Петербурге», 27 экз.; «За Веру, Царя и Отечество», 5 экз.; «Царица добродетелей», 1 экз.; «Знамение Божией Матери», 1 экз.; «Храм Божий и его священная важность для христиан», 1 экз.; «Практическое руководство к наглядному усвоению русского правописания», 1 экз.; «Русский солдат на войне», 1 экз.; «Полезные советы нижним чинам, увольняемым в запас армии», 1 экз.

Отец Дмитрий с капитаном стали невольно прислушиваться к их разговору. Оказалось, что предметом их бурной беседы была религия. Пожилой человек рассказывал своему собеседнику случай о том, как однажды ему явилась покойная мать. Этим рассказом и другими доводами он пытался убедить молодого человека, что за гробом существует другая жизнь – вечная. Однако тот твердил, что все это лишь выдумки людей, казуистика, а что касается случаев явления из загробного мира, то это не что иное, как только плоды больного воображения, галлюцинации.

Вскоре, вспоминает Булгаковский, ему надоело слушать молодого медика, и он с капитаном перешли на другую сторону палубы. Вдруг капитан, к его удивлению, сделался серьезным и задумчивым. На вопрос отца Дмитрия, о чем он призадумался, Федор Алексеевич, как бы пробуждаясь ото сна, ответил: «Я вспоминаю свою прежнюю жизнь, полную неверия и кощунства над всем святым. Мои воззрения по религии были, кажется, еще грубее воззрений этого медика, которого мы сейчас слушали. Удивляюсь, как только милосердный Бог не наказал меня за мое страшное неверие и кощунство». Он признался, как раньше всегда насмехался над всем тем, что для других составляло предмет благоговения. В подтверждение своих слов он рассказал, как однажды во время одного плавания случилась страшная буря – огромные водяные горы с гулом ударяли о пароход, который, словно щепка, беспомощно носился в бушующем море. Пассажиры были в отчаянии, ожидая с минуты на минуту свою гибель. Каждый из них по-своему молился Богу, у кого-то оказался даже образ святителя Николая Чудотворца, перед которым собралось несколько человек молящихся. Все они плакали, прося угодника подать им руку помощи в роковой час. «Но я тут показал свое грубое неверие, – вспоминал капитан, – смеясь в душе над молящимися, думал: “Посмотрим, как придет к ним Николай Чудотворец”! Скоро буря утихла, и пассажиры оправились от испуга. Конечно, многие, вероятно, из молившихся

благодарили Господа и Его угодника за избавление от крушения, но я ничего особенного не видел в том, что благополучно прибыли в Константинополь».

Капитан рассказал, что его жена, в отличие от него, была глубоко верующей, и часто со слезами на глазах обращалась к нему с просьбой «оставить вольнодумство». Однако ни ее сердечные слова, ни упреки не действовали. И вот произошел один случай, который перевернул взгляды Федора Алексеевича, послужив поводом для его духовного перерождения.

Случилось это в июле 1883 года. Как-то раз, сидя в столовой своего дома, Федор Алексеевич о чем-то беседовал с супругой. В это время их пятилетний сын Женя, находясь в другой комнате, взобрался на подоконник открытого окна и начал чем-то забавляться. Няня его, видимо, в это время на минутку отлучилась по какой-то надобности. Вдруг, раздался крик старшей дочери: «Женя упал!» Родители бросились из столовой в зал, а оттуда, не помня себя, выбежали на улицу. Женя ничком лежал на панели. Отец подхватил ребенка на руки, не зная, жив он или нет. Послали за доктором, который тотчас же и явился. С минуту он колебался, не зная к кому в первую очередь приступить – к мальчику или к его матери, упавшей в обморок. Когда он осмотрел Женю, то, к величайшей радости всех, объявил, что не нашел не только переломов в костях, но и вообще никаких повреждений. Между тем мальчик упал почти с 15-метровой высоты прямо на каменную панель.

Все домашние были поражены, что Женя остался жив и даже ничего не повредил, и при этом еще улыбался. Не менее других удивлялся этому поразительному случаю и приглашенный доктор. Не веря своим глазам, мать спросила Женю:

– Женечка, отчего ты не плачешь? Разве тебе не больно, мой милый?

– Нет, мама, мне не больно.

– Почему же, Женечка, тебе не больно? – недоумевая, спрашивала мать.

– А около меня был боженька, – ответил ребенок.

Услышав такой ответ, родители тотчас же отнесли ребенка к иконам и просили показать, какой именно «боженька» был около него, когда он падал. «А вот этот, этот», – сказал мальчик, указывая на икону святого великомученика и целителя Пантелеимона.

Тотчас же пригласили священника, и в доме был совершен молебен святому Пантелеимону. Оба родителя горячо молились Богу, благодаря за Его великую милость. Даже доктор еврей, и тот, признавая в дивном спасении ребенка чудо Божие, стоял все время молебна с благоговейным выражением на лице.

«Во время молебна я заплакал от радости, – вспоминал Федор Алексеевич, – и перед моими глазами открылся новый мир, отвергнутый мной; я уверовал в Бога и в Его Премудрый Промысел».

Этот трогательный рассказ капитана отец Дмитрий опубликовал через несколько лет в брошюре «У Бога все возможно. Замечательные события в жизни двух семейств»¹⁹¹.

В 1894 году вышло замечательное исследование Булгаковского «Из загробного мира. Явления умерших от глубокой древности до наших дней»¹⁹², основанное на многочисленных письменных свидетельствах и рассказах очевидцев.

Эту книгу отец Дмитрий посвящал в первую очередь людям, «которые по разным причинам забывают, что их ожидает за гробом другая жизнь, жизнь бесконечная», тем, «кто дальше материи ничего не хочет видеть, кто потерял веру в бессмертие души и после смерти не ожидает новой жизни». Кроме того, она посвящалась тем страждущим, которые, «изнывая под бременем лишений и житейских невзгод, падают в борьбе за

¹⁹¹ Булгаковский Д., священник. У Бога все возможно. Замечательные события в жизни двух семейств. (Из недавнего прошлого). Свящ. Дмитрий Булгаковский. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1896. – 16 с.

¹⁹² Булгаковский Д., священник. Из загробного мира. Явления умерших от глубокой древности до наших дней. – СПб.: Синод. тип., 1894. – [4], 174, II с.

существование с криком отчаяния»¹⁹³. Книга состояла из трех глав: 1. Общий взгляд на бессмертие души, загробную жизнь и явления умерших; 2. Случаи явления умерших; 3. Общие выводы из рассказов о явлениях умерших.

«Цель автора будет достигнута, – писал в обращении к читателям Булгаковский, – если ему удастся озарить светом веры хоть один ум, колеблемый неверием, успокоить надеждою на лучшее будущее за гробом хотя одно человеческое сердце, удрученное скорбями»¹⁹⁴.

Для составления этого исследования отцу Дмитрию пришлось переработать большое количество литературы. Описания случаев явления умерших он заимствовал из различных сочинений («Беседы» Григория Двоеслова, «Монастырские письма» (М., 1884), «Письма к друзьям своим о святой горе Афонской» Святогорца (СПб., 1864), «Пролог», «Полное собрание сочинений» В.А. Жуковского и др.) и русских периодических изданий («Ребус», «Душеполезное чтение», «Петербургский Листок», «Северная звезда», «Свет», «Странник», «Русский архив», «Русская старина», «Нива», «Новое время» и др.).

Нужно отметить, что случаи, собранные отцом Дмитрием, действительно поразительные и производят сильное впечатление.

Книга «Из загробного мира» переиздавалась впоследствии в 1900, 1902 и 1914 годах, а также в сокращенном варианте в 1906 году в виде брошюры «Будем ли мы жить после смерти»¹⁹⁵.

В 1895 году вышла другая книга Булгаковского с рассказами о необыкновенных случаях, связанных с загробным миром, – «Из области таинственного»¹⁹⁶. Рассказы эти им были собраны из различных периодических изданий с той же

¹⁹³ Булгаковский Д., священник. Из загробного мира. Явления умерших от глубокой древности до наших дней. Изд. 2-е доп. – М.: А.Д. Ступин, 1902. – С. 2.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Булгаковский Д.Г. Будем ли мы жить после смерти. – СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1906. – 30 с.

¹⁹⁶ Булгаковский Д., священник. Из области таинственного. Рассказы о необыкновенных случаях. – СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1895. – 63 с.

целью, что и в предыдущей книге – свидетельствовать в век распространяющегося неверия о реальности духовного мира. Вскоре в качестве продолжения вышла брошюра «Поразительные случаи явления умерших»¹⁹⁷, содержащая 15 рассказов и включившая несколько рассказов из предыдущего издания.

Во второй половине 1890-х годов отцом Дмитрием было издано несколько небольших очерков по истории и этнографии: «Иссык-Кульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии»¹⁹⁸; «Казанская чудотворная икона Божией Матери и бывшие от нее чудеса»¹⁹⁹; «Нижегородские легенды»²⁰⁰.

Целью издания очерка об Иссык-Кульском миссионерском монастыре²⁰¹, по словам автора, было «познакомить русских православных людей с нашим миссионерским монастырем в столь отдаленном крае и вызвать деятельное сочувствие к его положению, ввиду его великих просветительных задач»²⁰². Положение монастыря, к которому автор желал вызвать «деятельное сочувствие» читателей, заключалось в большой материальной нужде обители. В 1888 году монастырь постигло страшное бедствие – все его здания были разрушены землетрясением. Обитель начала восстанавливаться и нуждалась в значительной материальной помощи, возлагая «надежды на благотворителей и ревнителей веры Христовой». В 1895 году там был заложен обширный пятиглавый соборный храм во имя Святой Троицы, на строительство и украшение которого необходимы были значительные средства.

¹⁹⁷ Булгаковский Д., священник. Поразительные случаи явления умерших. Пятнадцать рассказов. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1896. – 64 с.

¹⁹⁸ Булгаковский Д., священник. Иссык-Кульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1896. – 40 с., 1 л. карт.

¹⁹⁹ Булгаковский Д., священник. Казанская чудотворная икона Божией Матери и бывшие от нее чудеса. – СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1896. – 39 с., ил.

²⁰⁰ Булгаковский Д., священник. Нижегородские легенды. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1896. – 48 с.

²⁰¹ Свято-Троицкий Иссык-Кульский миссионерский мужской монастырь Иссык-Кульского у. Семиреченской обл. открыт в 1885 г. с целью распространения православной веры в Туркестанском крае и духовного просвещения азиатских кочевников. Располагался в урочище Курмекты на северном берегу озера Иссык-Куль.

²⁰² Булгаковский Д., священник. Иссык-Кульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1896. – С. 6.

Для написания очерка отец Дмитрий воспользовался целым рядом источников. Основные материалы им были заимствованы из дел архива Святейшего Синода, а также из отчетов синодального обер-прокурора, отчетов Православного миссионерского общества и из журнала «Православный Благовестник», издаваемого Миссионерским обществом. Кроме того, Булгаковский пользовался «Известиями Императорского Русского Географического общества» за 1870 год, «Записками Императорского Географического общества» за 1861 года (кн. 3), «Очерком Семиреченского края» и военно-статистическим описанием Туркестанского военного округа²⁰³ генерал-майора Л.Ф. Костенко, «Географическо-статистическим словарем Российской империи» П.П. Семенова-Тян-Шанского, «Энциклопедическим словарем» Брокгауза и Ефрона, «Русским энциклопедическим словарем» И.Н. Березина, ежегодником и материалами для статистики Туркестанского края. Некоторые сведения, например о землетрясении и разрушении монастыря, о материальном положении обители, «о светлых и мрачных днях ея» и прочем, Булгаковский получил лично от одного из иноков Иссык-Кульского монастыря – иеродиакона Николая.

Книга об Иссык-Кульском монастыре была довольно богато издана – на дорогой бумаге, в твердом переплете с золотым тиснением и приложением цветной карты местности.

Во время подготовки к печати брошюры о Казанской чудотворной иконе Божией Матери отцу Дмитрию пришла мысль издать ее с посвящением царствующей чете. 30 января 1896 года он обратился по этому поводу с прошением к главе Министерства Императорского Двора графу Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову. «Казанская чудотворная икона Божией Матери в течение почти 300 лет неоднократно являла дивные знамения милости Божией ныне царствующему Дому, – писал Булгаковский, – почему все наши благочестивые Монархи постоянно выражали особое усердие к этой иконе, считая ее своей фамильной святыней, как о том и выяснено на первых

²⁰³ Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. – СПб., 1880.

страницах составленной мною книги. Такое знаменательное усердие царствующего Дома ко всероссийской древней святыне и постоянный покров над ним Божией Матери привели меня к мысли посвятить Их Императорским Величествам, Благочестивейшему нашему Государю Николаю Александровичу и Благочестивейшей Государыне Александре Феодоровне составленный мною в патриотическом духе исторический очерк Казанской иконы Божией Матери. Ввиду этого, осмеливаюсь усерднейше просить Ваше Сиятельство осчастливить меня и ныне Вашим ходатайством о Высочайшем соизволении на посвящение моей книги имени Их Величеств и на поднесение ее Им»²⁰⁴. При этом отец Дмитрий представлял корректурные оттиски составленного им очерка.

Министр отдал это прошение своему помощнику, а тот через заведующего министерской канцелярией передал прошение и корректурный экземпляр брошюры на «благоусмотрение» заведующему придворным духовенством протопресвитеру Иоанну Янышеву. И вот, что ответил отец Иоанн: «Прочитав и возвращая препровожденные на мое благоусмотрение прошение и брошюру священника Д. Булгаковского, ходатайствующего о посвящении оной Высочайшему Имени Их Величеств, не вижу, чем эта брошюра заслуживала бы столь высокое предпочтение пред множеством непрерывно выходящих в свет подобных назидательного содержания брошюр, и потому со своей стороны я полагал бы оставить это прошение без последствий»²⁰⁵. Таким образом, отец Дмитрий получил отказ на свою просьбу.

В августе 1896 года Булгаковский снова обратился к графу И.И. Воронцову-Дашкову с просьбой разрешить ему работать в архиве Министерства Императорского Двора. Он писал, что имеет надобность «в сведениях о Валаамском монастыре для пополнения истории о нем»²⁰⁶. Разрешение было

²⁰⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 44 (225/2195). Д. 78. Л. 88–88 об.

²⁰⁵ Там же. Л. 94.

²⁰⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2106. Л. 4.

получено, и отец Дмитрий некоторое время занимался в архиве по указанной теме.

В 1897 году он опубликовал небольшую брошюру «Народный детский праздник в имении Г.Д. Нарышкина Новых Жагорах»²⁰⁷, в которой описывал праздник, устроенный Нарышкиным для детей служащих и рабочих своего имения. Новые Жагоры – местечко Шавельского уезда Ковенской губернии, при реке Швете, с населением более 3000 жителей. В нем и был устроен помещиком пышный детский праздник с музыкой, играми, подарками, причем подарки раздавались всем детям местечка. Через неделю после детского праздника, 17 августа, Нарышкины устроили у себя в усадьбе праздник уже для самих служащих и рабочих. Это был исключительно редкий случай, когда помещик организовывал для своих работников подобные развлечения. Булгаковский, присутствовавший на празднике, очень подробно описал все происходившее на нем. «Как хорошо и полезно было бы, – писал он, – если бы пример господ Нарышкиных встретил подражание со стороны других, если бы наши состоятельные помещики время от времени устраивали в своих усадьбах праздники для тех, кто целый год трудится для них, иногда в поте лица. Такие праздники, думается, полезны в том отношении, что сближают на почве чисто моральной хозяина с его работником. В празднике ярко проявляется человеческое чувство, которое служит главной основой духовной связи между господином и его слугой. В празднике рабочий видит, что его хозяин не эксплуататор только, старающийся извлечь из его работы как можно больше пользы для себя, но и человек гуманный, заботящийся о его радостях и о радостях его детей. А кому дети не дороги? Детские радости также трогают сердце неграмотного человека, как и самого образованного. На этой-то детской радости и устанавливается тесная связь работника с его хозяином. А где зарождается эта духовная связь, там непременно можно ожидать добрых результатов. Детские праздники полезны еще и в

²⁰⁷ Булгаковский Д., священник. Народный детский праздник в имении Г.Д. Нарышкина Новых Жагорах. – СПб.: Скоропечатня «Надежда», 1897. – 12 с.

том отношении, что отрывая детей от их будничной, часто неприглядной жизни, согревают их чувства, поднимают их дух, развивают самосознание их, так сказать окрыляют их своими радостями, отчего дети подрастают в собственных глазах, а это весьма важно в жизни грубой и забитой»²⁰⁸.

Не случайно Булгаковский литературно откликнулся на это событие. Подобная забота о простых людях была близка его сердцу, отвечала его внутренней настроенности. Он видел в этом проявление человечности, которой, к сожалению, так мало еще было к простому народу со стороны власть имущих. Своей брошюрой отец Дмитрий хотел обратить на это событие внимание других помещиков, подтолкнуть их к аналогичной благотворительной деятельности. Он обращал внимание на то, что подобные праздники скрашивают тяжелую жизнь простого народа, носят воспитательный характер, вызывают взаимоуважение. А ведь в России на самом деле слишком мало делалось для простого народа. В христианской стране общество жило далеко не по-христиански, не только нравственно, но в первую очередь во взаимном отношении. Крепостнический дух, крепостническая психология глубоко проникли во все слои общества, придавая его жизни малопримечательные формы.

В эти же годы выходит несколько книжек Булгаковского религиозно-назидательного содержания: «Фома Кемпийский, 1379–1471. На пользу души»²⁰⁹ – авторский перевод с латинского языка с изменениями и сокращениями, «Богатство и счастье. Рассказ из древних времен»²¹⁰, «Святая мученица Антонина»²¹¹. Последняя книга посвящалась некой Антонине Николаевне Геленковской.

²⁰⁸ Там же. – С. 11.

²⁰⁹ *Булгаковский Д., священник. Фома Кемпийский, 1379–1471. На пользу души.* – СПб., 1896.

²¹⁰ *Булгаковский Д., священник. Богатство и счастье. Рассказ из древних времен.* – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1898. – 40 с.

²¹¹ *Булгаковский Д., священник. Святая мученица Антонина. Память ее 1 марта.* – СПб.: Скоропечатня «Надежда», 1898. – 21 с.

IV

Борьба за народную трезвость

В конце 1890-х годов отец Дмитрий Булгаковский всерьез обращается к проблеме народного пьянства. С этого времени антиалкогольная проблематика становится преобладающей в его литературной и общественной деятельности, а сам он становится неутомимым борцом с этим общественным пороком.

Говоря о проблеме пьянства, следует отметить, что в конце XIX века в России потребление спирта на душу населения было относительно невелико в сравнении с такими странами, как Франция, Швейцария, Бельгия, Германия, Италия, Англия и др. Между тем неравномерность употребления спиртных напитков ставила Россию в ряды стран, где пьянство было сильно развито. Так, по данным на 1881 год, из общего потребления водки на каждого сельского жителя мужского пола приходилось около пяти с половиной литров, а на каждого городского жителя более десяти, то есть в два раза больше. Несмотря на меры, предпринимаемые правительством, пьянство в России росло, приобретая угрожающие масштабы.

Подрывая материальное благосостояние народа, подтачивая его жизненные силы и тем увеличивая смертность, алкоголизм неумолимо влиял и на нравственность, умножая преступность и общественные пороки. Особенно безобразно выглядело пьянство, войдя в народную привычку, в дни церковных праздников. И.А. Гончаров как-то в сердцах написал: «Праздники, конечно, святое дело, но вместе с тем и великое зло для Руси. Святые дни омрачаются такой тенью, позорятся такой грязью, какой не смоют никакие молитвы и посты. Это все знают – и все покорно несут добровольное иго»²¹². Конечно, это был крик души, но крик, родившийся от виденного в окружающей жизни.

²¹² Гончаров И.А. Очерки. Литературная критика. Письма. Воспоминания современников / Сост., вступ. ст., прим. Т.В. Громовой. – М.: Правда, 1986. – С. 85.

С народным пьянством и его неприглядными проявлениями отец Дмитрий Булгаковский столкнулся, можно сказать, с первых шагов своей пастырской деятельности. Служа приходским священником в разных местах Белоруссии, он воочию мог наблюдать, как этот порок разъедает и омрачает и без того скудную жизнь простого народа. Так водка сопровождала многие общественные явления – свадьбы, крестины, похороны, волостные сходы. Без водки практически не обходилось никаких торговых сделок, договоров, и именно водка была зачастую их «всемогущим двигателем». «Водка и пьянство – вот второе, после невежества, несчастье белоруса, его разор! – писал после своего путешествия по Минской губернии музыкальный этнограф Н.А. Янчук. – И все, кому только нужно, с полным успехом пользуются этой губительной слабостью белоруса для своих целей. Одна-другая чарка водки, которою деревенский фактор охотно угощает своего соседа-крестьянина в счет будущей уплаты, по пословице: “свои люди – сочтемся”, делает то, что нередко часть крестьянского хлеба еще на корню давно продана еврею или принадлежит ему как плата за выпитую водку и другие долги, так как деньги белорус не в состоянии платить: их у него нет и в помине, и продукты хлебопашества составляют для него единственно возможный способ расчета»²¹³.

Если и появлялась у белорусского мужичка какая «копейка», вырученная за проданные на торгу произведения его труда, то и та очень часто почти сразу же пропивалась им. Базары и ярмарки – эти необходимые явления экономической жизни в то же время были и бесконечными источниками соблазнов для простолюдина. С давних времен в Белоруссии сложилась традиция проводить ярмарки в воскресные и праздничные церковные дни. Это приводило к тому, что в эти дни многие практически не посещали храмы, особенно ремесленный и

²¹³ Янчук Н.А. По Минской губернии, заметки из поездки в 1886 г. // Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. IX. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. – Вып. 1. – 1889. – С. 77–78.

торговый люд, спешивший на торг представить свои товары. Наиболее безобразным явлением базарных дней были пьяные кутежи, устраиваемые при вечерних разъездах. Представляли они из себя картину совершенно низкую и мерзкую. Народ с торжища, как правило, расходился по кабакам, где разгульное пьянство нередко заканчивалось ссорами и драками. По деревням крестьяне разъезжались изрядно пьяные, в каком-то сомнительном веселье. А на следующий день многие такие весельчаки готовы были горько заплакать, обнаружив поутру свои потери. Собранное трудом и бережливостью оказывалось пропитым в одночасье. Отсюда происходили нищета, семейные разлады и различные недоимки при уплате государственных и общественных сборов²¹⁴. Храмы в торговые дни были пусты, а кабаки полны народом, охотнее проводившим время на торжище и в трактире, чем в церкви. Архиепископ Михаил (Голубович), покидая в 1868 году Минскую кафедру, писал в своем отчете о состоянии епархии, что пока не будут отменены «торги в городах и местечках по воскресеньям», положительных результатов улучшения народной нравственности ожидать нельзя²¹⁵.

«Кому случалось быть на ярмарке в белорусском местечке, тот особенно наглядно может представить себе, как сильно вкоренилась в белорусском народе склонность к пьянству и как губительно отзывается этот порок на народном благосостоянии», – писал Янчук. Вот какую картину довелось ему наблюдать за городом после одной из ярмарок: «В каждой телеге вы видите пьяного мужика, который уже не в состоянии удержать вожжей; баба правит лошадью и заливается слезами от побоев и оскорбления пьяного мужа или отца, или оттого, что он пропил все деньги, которые предназначались на подать или хозяйственные необходимости. Рядом едет телега, нагруженная

²¹⁴ *Пастернацкий Евстафий, священник*. Поучение к простому народу, сказанное в день храмового праздника, 9 мая, в м. Мире // Минские епархиальные ведомости. – 1868. – № 13. – С. 323–327.

²¹⁵ Из отчета архиепископа Михаила в св. правительствующий синод о состоянии минской епархии за 1867 год // Минские епархиальные ведомости. – 1868. – № 13. – С. 329–330.

целой кучей мужиков и баб; все они пьяны до крайности, орут всевозможные срамные песни, бранятся, ругаются и, наконец, дерутся. Присматриваетесь к кучке пешеходов и видите то же самое: пьяные ведут под руки одни других, сопровождая свое шествие таким же аккомпанементом, или же сваливаются в канаву, где спят до утра; и это еще лучший исход: по крайней мере, домашние спасены от буйства, которым всегда сопровождается возвращение с ярмарки».

В городе в это время картина не более утешительная: бабы подымают с мостовой пьяных мужиков, или плача, пытаются управиться с лошадьми. По улицам, спотыкаясь, бродят пьяные, сами не зная куда, а из трактиров доносятся гомон, песни и брань. «Что же делается теперь в тех мрачных деревенских избенках, куда возвратились с ярмарки пьяные члены семьи? – задается вопросом наблюдатель и сам же себе на него отвечает. – Грубая брань, драка, плач испуганных детей, ломка и битье всего, что ни попадает под руку, – вот эпилог печальной драмы, разыгрывающийся уже в избе, в семье. А там болезни, как последствия пьянства, повреждения, нанесенные себе и другим в нетрезвом виде; еще далее – судебные процессы, наконец, разорение, нищенство, голодание...»²¹⁶.

Без водки, как уже говорилось, не обходились многие общественные явления народной жизни. Так, например, из свадеб все более вытеснялись старинные обряды и заменялись пьянством, превращая их в многодневные попойки, затягивающиеся на неделю и более. «На современной крестьянской свадьбе, – писал в 1887 году крестьянин Гродненской губернии, – не ищите обрядности: тут первое место занимает водка, тут все исчезнувшие обряды заменены одним сплошным пьянством. И сегодня пьют, и завтра, и послезавтра, и так до конца, почти до другого четверга. Пьют отцы, пьют жены, пьют дети; тянут сивуху и сваты, и родня, и соседи, и други. И пляс забывают, а норовят лишь пить. Да и пьют не по маленькой: не быть пьяным на свадьбе – все равно, что в Риме

²¹⁶ Янчук Н.А. Указ. соч. – С. 78.

папы не видать. Побывайте на одной-другой свадьбе у нашего крестьянина, и вы убедитесь, что свадьба для него приносит вместо веселья одно разорение»²¹⁷. О достоинствах свадеб судили не по тому, что и как на них поется, как проходят обряды, веселье, а по количеству выпитой водки. А чтобы поить гостей, незажиточные крестьяне вынуждены были входить в долги, и порой неоплатные.

Наблюдая подобные картины в своей приходской деятельности, отец Дмитрий столкнулся с еще большими размерами этого зла в столице, где пьянство особенно сильно было распространено в фабрично-заводской среде и вообще в городских низах. Петербург как административный, интеллектуальный и промышленный центр притягивал к себе со всех концов обширной империи людей, ищущих богатства, положения, известности, образования и просто работы. Разумеется, многим из них не удавалось найти в столице того, на что они рассчитывали. Большинство из них терялось в огромном городе, оказывалось в совершенно беспомощном положении, умножая армию бедолаг, находивших утешение на дне бутылки. Тягостные картины пьянства, наблюдаемые Булгаковским, заставили и его, наконец, направить свои дарования и силы на борьбу за народную трезвость.

Начало антиалкогольной деятельности отца Дмитрия совпало с общей в то время активизацией в России борьбы с алкоголизмом. Связано это было с началом введения в середине 1890-х годов питейной монополии²¹⁸. Кроме экономической выгоды государство рассчитывало через установление монополии оградить народное здоровье (посредством улучшения

²¹⁷ Корень деревенского пьянства. (Письмо крестьянина из Слонимского уезда) // Литовские епархиальные ведомости. – 1887. – № 30 (часть неофициальная). – С. 255.

²¹⁸ Питейная монополия введена законом 6 июня 1894 г. в 4-х губерниях – Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской начиная с января 1895 г. Затем действие реформы распространилось: с 1 июля 1896 г. на губернии Киевскую, Подольскую, Волынскую, Полтавскую, Черниговскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Бессарабскую и Таврическую, с 1 июля 1897 г. – Виленскую, Могилевскую, Витебскую и Смоленскую, с 1 января 1898 г. – С.-Петербургскую, Новгородскую, Псковскую, Олонецкую и Харьковскую губернии.

качества спиртных напитков), а также ограничить пьянство. Одной из главных причин распространения пьянства, как считали, являлся личный интерес продавцов в возможно большем сбыте вина, побуждающий их прибегать к различным злоупотреблениям – фальсификациям, отпуску вина в долг и т.п. Предполагалось, что с заменой частных продавцов казенными агентами, получающими жалование, и лично не заинтересованными в увеличении сбыта, устранится один из главных факторов распространения пьянства. Опасение, что денежный интерес может получить преобладание в стремлениях казенного управления питейным делом, устранялось, по мнению правительства, во-первых, тем, что питейный доход мог оставаться на прежнем уровне и при уменьшении потребления вследствие повышения продажной цены спиртных напитков, а, во-вторых, гласностью действий правительства и контролем общественного мнения.

Одновременно с введением питейной монополии уставом от 20 декабря 1894 года в России начали создаваться Попечительства о народной трезвости, призванные вести борьбу с пьянством²¹⁹. Сначала Попечительства имели довольно слабое развитие, но по мере распространения питейной монополии расширялся и район их действия, увеличивая число самих Попечительств.

Одновременно с правительственными учреждениями в борьбу за народную трезвость включились также различные общества и отдельные лица.

Когда в 1898 году при Высочайше утвержденном Русском обществе охраны народного здоровья образовалась

²¹⁹ Цель попечительств: 1) распространять среди населения здравые понятия о вреде неумеренного употребления крепких напитков, а также изыскивать средства для предоставления ему возможности проводить свободное время вне питейных заведений, и с этой целью устраивать народные чтения и собеседования, составлять и распространять издания, разъясняющие вред злоупотребления крепкими напитками, открывать чайные, народные читальни и т.п.; 2) иметь попечение об открытии и содержании лечебных приютов для страдающих запоем; 3) иметь надзор за тем, чтобы торговля крепкими напитками производилась согласно установленным правилам; 4) содействовать другим учреждениям, стремящимся к достижению тех же целей.

Постоянная комиссия по вопросу об алкоголизме, первым из духовной среды в ряды ее членов вступил священник Дмитрий Булгаковский. В том же году он вошел в качестве члена-соревнователя в состав С.-Петербургского городского попечительства о народной трезвости²²⁰, учрежденного в декабре 1897 года²²¹.

В конце 1898 года отец Дмитрий выпускает в свет иллюстрированный альбом «Эхо»²²², наглядно рассказывающий о пьянстве и его последствиях. На титульном листе имелось посвящение: «Его Высочеству Принцу Александру Петровичу Ольденбургскому Председателю Комитета С.-Петербургского Городского Попечительства о народной трезвости. С чувством глубочайшего уважения посвящает автор-издатель».

В альбом вошло 17 картин, представляющих различные сцены из жизни пьяниц (приход пьяного отца и мужа домой, пропивание одежды, пьяный в белой горячке, самоубийство пьяницы и т.п.). Выполнены они были по заказу Булгаковского столичными художниками А. Скиргелло, А.А. Чикиным и В.И. Навозовым²²³. Рисунки, изображающие пьянство «с его ужаснейшими последствиями», сопровождались краткими назидательными текстами. Кроме того, в конце альбома были помещены на двух отдельных листах девять цветных изображений внутренних органов здорового человека и алкоголика, ярко иллюстрирующие болезненные изменения внутренних органов человека, злоупотребляющего спиртными напитками.

До этого не только в России, не считая время от времени издававшихся лубочных картинок, но и за границей почти ничего подобного еще не выходило. Незадолго перед тем в

²²⁰ Членом С.-Петербургского попечительства о народной трезвости Д.Г. Булгаковский числился несколько лет, затем по каким-то причинам вышел из его состава. По крайней мере, в 1904 г. он уже не значился в списках попечительства.

²²¹ Отчет по С.-Петербургскому городскому попечительству о народной трезвости за 1898 год. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1899. – С. 4.

²²² *Булгаковский Д., священник. Эхо. Пьянство и его последствия в рисунках. Альбом.* – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К^о, 1898. – [2], II, 6 с.; 19 л. с ил.

²²³ С художниками А. Чикиным и В. Навозовым Д. Булгаковский продолжал сотрудничать и впоследствии.

Англии вышел альбом под названием «Бутылка», но он, по мнению отца Дмитрия, был неудовлетворительным. Кроме того, в Париже в это же время были изданы на отдельном листе рисунки с изображением внутренних органов здорового человека и алкоголика, а также две-три сцены из пьяной жизни. Встречались еще карикатуры против пьянства в некоторых немецких брошюрах, но они, вследствие своего юмористического характера, по мнению Булгаковского, не могли иметь воспитательного значения. Таким образом, альбом «Эхо» превосходил по своему замыслу все имеющиеся опыты иллюстрированных антиалкогольных изданий в России и Европе и был в своем роде первым.

При подготовке рисунков для альбома отец Дмитрий старался обращать внимание художников лишь на те бытовые сцены из жизни пьяниц, которые могли бы «произвести удручающее впечатление», избегая в то же время всего того, что могло бы вызвать насмешку или веселую улыбку. Этим он хотел подчеркнуть исключительный трагизм рассматриваемой проблемы. Картины должны были представлять собой эхо горькой действительности, иллюстрирующей ужасающие последствия пьянства в разных слоях общества.

«Никогда, кажется, борьба с пьянством не велась с таким воодушевлением и так дружно, как в настоящее время, — писал Булгаковский в предисловии к своему изданию. — Борьба со страшною язвою, разъедающею народную жизнь, начата с разных сторон и в широких размерах. По местам уже заметны прекрасные результаты ее. Не загорается ли в преддверии двадцатого столетия светлая заря в жизни народов и нашего отечества, особенно исстрадавшегося от этого ужаснейшего тирана, и не составит ли она новую эпоху, в которой народная жизнь с лучшею нравственностью и с лучшим благосостоянием, может быть, покроет своим счастьем славу доселе бывших величайших завоеваний и бессмертных открытий и изобретений? Дал бы Бог, чтобы это предположение во всем сбылось, тогда счастливое и благодарное потомство с благоговением

поклонилось бы своим заботливым предкам. В ряду разных средств, существенно необходимых в этой борьбе, конечно, литература и искусство должны занять одно из главных мест»²²⁴.

В начале альбома автор поместил беседу «К здоровым и больным», написанную сильным и убедительным языком.

«Кажется нигде, ни в какой стране не свирепствует эта страшная язва с такой силой, как у нас в России, — начинал свое слово отец Дмитрий, — и это, надо заметить, с незапамятных времен. Стоном стонут лучшие люди от бесшабашного народного пьянства. Порок этот всегда наводил ужас на всех, кому дорого благо родины, и вызывал протест против себя. Прочитайте наши старинные сборники, и вы увидите, какими яркими красками обрисовано здесь пьянство. Посмотрите в наши законы, и вы убедитесь, с какою строгостью они преследуют этот порок с давних времен. Пересмотрите наши лубочные картинки, заменявшие собою в старину поучительные книги, и вы увидите весь позор пьянства с его отвратительными спутниками. Прислушайтесь к древней русской песне, и вы услышите раздирающий душу плач жены на пьяницу мужа, который “безвинно бьет ее белое тело смертельными побоями”, услышите жалобы матери-старухи на сына пьяницу, от которого нет ей “моченьки”, услышите скорбную исповедь юноши-пропойцы о самом себе, услышите в этих песнях “плач без надежды, грусть без отрады, печаль без утехи”. Прочитайте народные пословицы о вине и о пьянстве, поговорки, загадки, и вы увидите, что народ всегда был против пьянства. Прочитайте заговоры, заклинания, народные молитвы, и вы убедитесь, что всегда было горько вино для народа, что сам он беспрестанно искал себе спасения от окаянного пьянства и запойства. Прочитайте сказки, легенды, притчи и повести о происхождении на земле вина, и вы узнаете, что по народным воззрениям только дьявол мог придумать вино и способ приготовления его.

²²⁴ Булгаковский Д., священник. Эхо. Пьянство и его последствия в рисунках. Альбом. — СПб.: Тип. В.С. Балашева и К^о, 1898. — С. I.

Повсюду от пьянства идет одно разрушение. Искалеченная душа, болезни тела, преждевременная старость и смерть, дети с наследственным расположением к разным болезням и порокам, убийство, самоубийство и всякого рода преступления – вот неразлучные спутники пьянства. “Демон”, “кровь сатаны”, “дух сатаны”, “бич рода человеческого”, “змий” – вот достойные имена проклятому пьянству»²²⁵.

К здоровым, то есть непьющим, автор обращался с горячим призывом бороться с пьянством «единолично и общими силами». Он убеждал, что ни в коем случае нельзя считать пьяницу неизлечимым, и что всегда есть надежда на избавление человека, преданного пьянству, от этого страшного порока. «Отдайте ему побольше своей души и не бросайте его одного, – призывал автор, – вы непременно спасете в человеке человека»²²⁶. Перед пьющими Булгаковский раскрывал в убедительных словах «весь позор пьянства с его ужаснейшими последствиями». Он объяснял, что люди, преданные пьянству разоряют свое материальное благосостояние, делаются тунеядцами, губят семью, расстраивают здоровье и безвременно сходят в могилу. Вместе с тем он стремился убедить своих читателей, что даже самый потерянный человек, если захочет, может перестать пить и сделаться полезным членом общества. Главной мыслью его было то, что спасение от винопития находится в самом человеке – в его воле, данной ему как дар Божий. Он подробно разъяснял читателю, как складываются добрые и дурные привычки, какую власть они имеют над человеком и как слабеет в человеке его воля. Затем он давал дельные советы, как укрепить слабую волю, объяснял, что такое самовнушение, и какое благотворное значение оно имеет в борьбе с дурными привычками. В ярких чертах отец Дмитрий представлял, каким путем возбудить в себе желание покончить с греховной привычкой, и как не отступать от решимости исправить свою жизнь. «Почаще обращайся с усердною

²²⁵ Булгаковский Д., священник. Эхо. Пьянство и его последствия в рисунках. Альбом. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1898. – С. 1.

²²⁶ Там же. – С. 2.

молитвою к Богу, проси Его об укреплении тебя в трезвости и благодари Его за свое вступление на новый путь», — заканчивал он свою беседу. Изложенные здесь мысли Булгаковский впоследствии неоднократно старался донести читателям в своих изданиях против алкоголизма. Слабая воля человека — вот тот главный враг, с которым в первую очередь необходимо бороться всякому пьянице.

Вступив на путь литературной борьбы с пьянством, отец Дмитрий погрузился в скрупулезное изучение всевозможной литературы по этой проблеме. Перечитывая и пересматривая массу разнообразных изданий, он отыскивал, что говорит о пьянстве Священное Писание, святые отцы, мыслители, врачи, что сам народ говорит об этом пороке в своем устном творчестве. Он переработал массу периодических изданий, выбирая статьи противоалкогольной направленности, изучал, что уже издано и что издается по этому вопросу не только в России, но и за рубежом. Ближайшим результатом этого труда Булгаковского стали изданные им книжки «Алфавитный указатель книг и статей против пьянства в новейшей русской литературе и памятников древне-русской письменности»²²⁷, «Пьянство. Изречения о пьянстве, заимствованные из Священного писания, и мнения о нем древнего и нового времени»²²⁸ и «Горе горемычное. Старые и новые речи против пьянства и его ужаснейших последствий и добрые советы, как избавиться от него»²²⁹.

Все эти книжки были первым опытом подобного рода. Бесспорно, что для составления они потребовали громадного труда и энергии со стороны автора, но при этом невозможно было обойтись и без посторонней помощи. При составлении

²²⁷ Булгаковский Д., священник. Алфавитный указатель книг и статей против пьянства в новейшей русской литературе и памятников древне-русской письменности. — СПб.: Тип. В.С. Балашев и К°, 1898. — 64 с.

²²⁸ Булгаковский Д., священник. Пьянство. Изречения о пьянстве, заимствованные из Священного писания, и мнения о нем древнего и нового времени. — СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1898. — 40 с.

²²⁹ Булгаковский Д., священник. Горе горемычное. Старые и новые речи против пьянства и его ужаснейших последствий и добрые советы, как избавиться от него. — СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1899. — 76 с.

«Алфавитного указателя» Булгаковский пользовался советами библиотекаря русского отделения Императорской публичной библиотеки В.П. Ламбина. Кроме изданий, находящихся в публичной библиотеке, составитель внес в указатель также более 450 названий книг и статей из личной библиотеки доктора Николая Илларионовича Григорьева – редактора-издателя «Вестника трезвости»²³⁰. Конечно, в указатель вошло далеко не все, что относилось к исследуемому предмету, хотя автор и старался ничего не упустить. Он считал, что «лучше что-нибудь, чем ничего». «Впоследствии, может быть, явится у кого-нибудь желание пополнить мой Указатель, – писал он в предисловии, – но, тем не менее, весьма важно положить начало»²³¹.

Во вступлении к сборнику «Пьянство» Булгаковский писал: «В этой книжке нет почти ничего моего, так как мысли тут не мои. Только теплым сочувствием моим к страждущим сопровождается мой труд; сострадание к ним побудило меня собрать взгляды и мнения воедино, разыскать в разных книгах и повременных изданиях новейших и старинных все то, что вырывалось из наболевших душ против этого страшного тирана. Предпринято это издание в надежде, что оно без сомнения принесет кому-нибудь из несчастных пользу, остановит кого-нибудь на полдороге к страшной пропасти, дав ему иное направление».

В книжке было собрано более 200 цитат из литературы древнего и нового мира о пьянстве и его страшных последствиях. Длинной вереницей перед читателями проходили образы святителей Церкви, обличавших с кафедры эту ужасную привычку человечества. Не столь красноречивы, сколько пугающи были мнения известных врачей, беспощадно правдивых, прочитав которые, кажется, самый горький пьяница должен был бы задуматься, а пьющий мало навсегда отказался бы от спиртного.

²³⁰ Вестник трезвости: Ежемес. изд. – Г. [1]–23. – СПб.: Н.И. Григорьев, 1894–1917.

²³¹ Булгаковский Д.Г. Алфавитный указатель... – С. 3.

«Вся эта брошюрка, – говорилось в отзыве о ней в “Петербургском Листке”, – своим содержанием заслуживает быть настольной книжкой для лиц, сталкивающихся с простым народом и распространение ее самое желательное среди обитателей ночлежных домов и домов трудолюбия»²³².

В книге «Горе горемычное» Булгаковским также были представлены мнения о пьянстве старого и нового времени. Первый раздел ее составили изречения заимствованные из Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Второй – мнения святых отцов и учителей Церкви, древних русских писателей, новейших церковных проповедников, писателей и поэтов, мнения ученых, профессоров, докторов, юристов и неизвестных авторов. В третьем разделе были помещены проповеди святителя Иоанна Златоуста, святого Кирилла Философа, преподобного Феодосия Печерского, архимандрита Гавриила, инока Антония Подольского, святителя Димитрия Ростовского, святителя Тихона Задонского, протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадтского). Четвертый раздел составили поэтические народные произведения, пятый – мнения простого народа о пьянстве (современников). В шестом разделе автор давал читателям добрые советы, как избавиться от пьянства.

«В “Горе горемычном” слышится то мудрое отеческое предостережение против пьянства, – писал автор, – то грозный приговор неумолимого судьи, то мольба, похожая на плач матери. Ужаснейший порок человечества рассмотрен здесь с разных сторон, и видно, что на каждого, кто предан ему, он кладет свое позорное клеймо, никому не делает исключения, каждого ведет к неизбежному разрушению»²³³.

Эти первые противоалкогольные издания Булгаковского «были встречены всеобщим сочувствием», которое и побудило его, по собственному признанию, к дальнейшей деятельности.

Вступив на путь литературной борьбы с народным пьянством, отец Дмитрий с 1898 года начинает принимать участие

²³² Цит. по: ИРЛИ РАН. Ф. 377 (С.А. Венгерова). Оп. 7. Д. 651.

²³³ Булгаковский Д., священник. Горе горемычное... – С 5.

также и в общественных беседах, проводимых в разных местах Петербурга Обществом распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. Уже в первый год своей публичной деятельности он провел несколько бесед о пьянстве и его вредных последствиях в зале Педагогического музея (Пантелеймоновская, 2)²³⁴, три беседы в зале Правления Общества торговцев Ново-Александровского рынка (Фонтанка, у Измайловского моста)²³⁵, две беседы в зале Императорского Российского общества спасения на водах (Садовая улица, 50)²³⁶ и других местах. Выступления Булгаковского пользовались огромным успехом, а переполненные аудитории не могли вместить всех желающих.

В это же время у отца Дмитрия завязывались неплохие отношения с упоминавшимся выше издателем «Вестника трезвости» доктором Н.И. Григорьевым. В журнале печатались сообщения об издаваемых Булгаковским книгах, а в январском номере за 1899 год была помещена его статья под названием «Доброе слово»²³⁷, представляющая выборку из сборника «Горе горемычное». Однако отношения эти вскоре расстроились, и сотрудничество журнала с Булгаковским прервалось навсегда. О причинах этого разрыва будет сказано чуть ниже.

6 октября 1899 года в Петербурге на первом осеннем заседании Комиссии по вопросу о борьбе с алкоголизмом, проходившем в зале Красного Креста, обсуждался вопрос о роли духовенства в борьбе с народным пьянством. Во время этого заседания отец Дмитрий Булгаковский сделал «большой по объему и богатый по содержанию» доклад на тему «Роль православного духовенства в борьбе с народным пьянством», представив перед слушателями весьма печальную картину.

²³⁴ Отчет о деятельности Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1898 г. – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1899. – С. 91.

²³⁵ Там же. – С. 93.

²³⁶ Там же. – С. 96.

²³⁷ Добрые советы (Из соч. Д. Булгаковского «Горе горемычное») // Вестник трезвости. – 1899. – № 53 (январь). – С. 16–23.

На основе исторических сведений отец Дмитрий обрисовал, в каком плачевном нравственном, материальном и общественном положении находилось русское православное духовенство на протяжении последних столетий. Как результат такого состояния было пьянство самого духовенства. Причем пьянство было распространено не только среди приходского духовенства, но и среди монашества и даже архиереев, чему автор приводил целый ряд документальных свидетельств.

Обобщая эти примеры, отец Дмитрий говорил: «Духовенство грубое и неразвитое, окруженное со всех сторон невежеством, не имевшее в себе никакой нравственной опоры, всеми унижаемое и оскорбляемое, в материальном положении доведенное до нищенства, не имело в эту пору поддержки и в высшей духовной иерархии. Архипастыри были в полном смысле “владыками”. Деспотическое обращение архиереев со священниками до того доводило их, что впоследствии они незаметно теряли всякое самоуважение, так что никакая философия и богословие не в состоянии были поднять бодрость их духа. Кроме того, священник испытывал рабский страх от помещика, зависимое положение от прихожан, грубое отношение от деревенской аристократии и, наконец, семейные невзгоды. Весь этот гнет давил его; он окончательно обезличивался, терял последние остатки чувства самоуважения, опошлялся. Выхода не было, и он опускался в омут окружающей среды и пил, ища в вине забвения от тех тяжелых ран, от которых стонал. В новейшее время приходское духовенство, несмотря на то, что уровень образования его значительно повысился, имело и имеет пока еще много слабостей, и в известной мере пристрастно к вину, в особенности сельское, находящееся в очень неблагоприятных условиях. Приглашают ли священника прочитать молитву родильнице, предлагается водочка и угощение; окрестить ли новорожденного, причастить ли больного, помянуть ли покойника, молебен, брак, освящение нового дома, храмовые праздники – то же самое»²³⁸.

²³⁸ Булгаковский Д., священник. Роль православного духовенства в борьбе с народным пьянством. (Доклад Комиссии по вопросу об алкоголизме 6-го окт. 1899 г.). – СПб.:

И снова в подтверждение своих слов отец Дмитрий ука- зывал целый ряд свидетельств уже из новейшей истории. В частности, он привел выдержки из «Писем к духовному юношеству о трезвости»²³⁹ известного деятеля народного об- разования и борца за трезвость С.А. Рачинского.

Продолжая описывать незавидное положение приходско- го священника, отец Дмитрий говорил: «Ко всему этому при- бавьте еще отчужденность его от лучших людей, страх перед Консисторией, и вы поймете, что все это давило его, угнетало, и он искал выход. Выход из духовного звания обставлен у нас такими тяжелыми законами, что почти не возможно оставить сан и поступить на государственную службу, и, под гнетом безвыходного положения, он искал себе облегчения в вине. Значит, в эту пору и здесь, как и в простом народе, неудов- летворительное экономическое и моральное состояние, пони- жая нервно-психическую энергию, толкало духовенство к возбуждающим веществам, облегчающим его угнетенный дух... О ненормальных отношениях народа к духовенству, между прочим, докладывал в Высочайшем отчете Министр Внутренних Дел Императору Александру II: “Народ не ува- жает духовенство, преследует его насмешками и укори́знами и тяготится им. В редком рассказе забавного содержания он не глумится над попом, попадьей и поповым батраком; во всех народных пословицах, присказках, во всех поговорках и при- словьях, если только говорится о духовенстве, говорится с насмешкою. Народ чуждается духовенства и прибегает к нему не по внутреннему внушению совести, а по неволе”»²⁴⁰.

Докладчик констатировал, что эту нерасположенность к себе своих пасомых священники чувствуют на каждом шагу, и со своей стороны многие из них не питают к первым ни любви, ни уважения. «Выход из этого ясен, — заключал он, —

Тип. П.П. Сойкина, 1900. — С. 4–5.

²³⁹ *Рачинский С.А.* Письма к духовному юношеству о трезвости. — М., 1899.

²⁴⁰ *Булгаковский Д.Г., священник.* Роль православного духовенства в борьбе с на- родным пьянством. — СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900. — С. 6–7.

где нет доверия друг к другу, там не может быть и речи о нравственном влиянии».

Ради справедливости докладчик указывал, что русская история знает примеры, когда некоторые представители духовенства выступали в качестве ревнителей трезвости, однако «голос их раздавался недолго: им приказывали молчать, и даже делали надлежащие внушения».

Он подчеркивал, что положение священника, постоянно находящегося в соприкосновении с простым народом и знающего его душу, «раны и скорби», наклонности, наиболее выгодное в деле борьбы с пьянством. Но, к сожалению, духовенство не может вполне использовать это положение ввиду вышеизложенных причин и на его поддержку рассчитывать трудно.

Коснулся отец Дмитрий в своем докладе и церковной проповеди, поставленной, по его мнению, в Русской Церкви «в высшей степени невыгодно». Он указал целый ряд причин и недостатков современной проповеди, в силу которых она практически не имела никакого влияния на слушающих, в частности в деле народного отрезвления. Среди недостатков были названы и отсутствие должного авторитета духовенства у прихожан, и схоластичность проповеди, оторванность ее от жизненных реалий, и самое главное – противоречие между учением проповедника и его жизнью. «До тех пор, пока не будет живых примеров со стороны проповедников, все их убеждения и увещевания, даже самые красноречивые и сильные, не подвинут народной нравственности ни на шаг», – заключал докладчик.

Затем Булгаковский сделал обзор деятельности духовенства в деле борьбы за народную трезвость, развернувшуюся в конце 1850-х годов, а также после указа Святейшего Синода от 5 июня – 11 июля 1889 года, призывавшего духовенство «путем живого и ближайшего воздействия на население способствовать к отвлечению низших классов городского и сельского населения от питейных заведений и от употребления

вина». Картина также получалась не очень обнадеживающая. Начавшие открываться в 1890-х годах общества трезвости не только не встретили широкой поддержки и участия со стороны духовенства, но нередко воспринимались им с подозрением, нерасположением, а иногда даже вызывали явное противодействие. В подтверждение своих слов отец Дмитрий зачитал присутствующим отрывок из письма священника Ставропольской губернии. «Очень тяжело проповедовать идею трезвости среди грубой и темной массы населения, – говорилось в письме, – когда проповедь эта встречает явное издевательство от тех, кто, по занимаемой должности, должен бы содействовать Правительству в отрезвлении народа. Так, местный благочинный, прикрываясь личиною борца против сектантства, донес по начальству, что сектанты ничего спиртного не пьют, что открытое мною общество трезвости – течение оттуда, что я учу не православно, что по уставу церковному разрешается вино, сослался на чудо в Канне Галилейской, и на совет апостола Павла немощному ученику пить вино. Так у нас в глуши трезвенник выдается за сектанта, и все это творится в конце XIX века у нас на Руси»²⁴¹. Следом Булгаковский привел пример, когда даже архиереи раздражались деятельностью попечительств о народной трезвости, процитировав слова Пермского епископа Петра (Лосева) печатно обозвавшего строителей Попечительств «самозванными блюстителями народной трезвости».

Отец Дмитрий привел официальную статистику обществ трезвости по губерниям за последние десять лет, из которой было видно, что на каждую губернию приходится в среднем по два общества, или по одному на 229 православных приходов. Цифра действительно показательная.

Подводя итог вышеизложенному о роли православного духовенства в борьбе с народным пьянством, Булгаковский с некоторой оговоркой делал следующие выводы:

²⁴¹ Булгаковский Д.Г., священник. Роль православного духовенства в борьбе с народным пьянством. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900. – С. 15.

1) Церковная проповедь, вследствие невыгодно сложившихся для духовенства разных обстоятельств, никогда не имела ни малейшего влияния на приход в деле народного отрезвления.

2) Некоторая часть православного духовенства, в особенности сельского, находясь в тяжелых материальных и нравственных условиях, своим живым примером не располагает в должной мере своих прихожан к трезвости.

3) Содействие духовенства к учреждению церковно-приходских обществ трезвости, а равно и участие его в Попечительствах о народной трезвости, учрежденных в последнее время Министерством финансов, так незначительно, что нет никакой возможности сказать что-либо в его пользу.

Для изменения такого положения вещей Булгаковский предлагал целый ряд мер, в том числе и запретительных, касающихся как духовенства, так и народа. Он считал, что нужно добиться того, чтобы духовенство отказалось от употребления спиртных напитков при требоисполнении. Для этого нужно воспретить духовенству принимать от прихожан водку при требах и, в свою очередь, угощать прихожан в храмовые праздники; уничтожить «мирские помочи» с угощением водкой, искоренять обычаи угощения священника на крестинах, свадьбах, новосельях, именинах, похоронах и крестных ходах, отменить «запой» и «пропой» невесты, «могорычи» и т.п. Кроме воспретительных мер он считал желательным, чтобы духовенство проповедью и примером указывало на выгоды трезвой жизни и вред пьянства, а сельские общества не избирали пьющих старост, старшин и писарей; чтобы базары были перенесены с праздников на будни, а питейные заведения перенесены подальше от волостных правлений и судебных мест; чтобы к устной проповеди прибавлялись брошюры и листки; чтобы юношеству с малолетства внушалось отвращение к вину и пр. Булгаковский предлагал даже создать в благочиниях специальные «Пастырские Союзы трезвости» из священнослужителей. Кроме того, он считал необходимым,

чтобы архиереи время от времени рассылали по своим епархиям окружные послания, призывающие пасомых к трезвости, и чтобы Святейший Синод снова сделал, по примеру 1889 года, увещание православной пастве и духовенству о воздержании от спиртных напитков²⁴².

Доклад Булгаковского вызвал в заседании среди членов Комиссии различную реакцию и довольно живое обсуждение. Одни считали факты, приведенные докладчиком, преувеличенными, другие полностью соглашались с его мнением и выводами. Наиболее категорично к докладу отнесся присутствующий в заседании протоиерей Александр Маляревский, совершенно отвергнув тезис отца Дмитрия о том, что на православное духовенство трудно рассчитывать в деле борьбы за народную трезвость. По его мнению, докладчик не отразил «действительной жизни, а сгущенными красками гиперболически нарисовал картину пьянства в духовенстве». «Констатируя в молодом духовенстве направление к полному воздержанию от употребления спиртных напитков, – убежденно говорил протоиерей, – я выражаю глубокую уверенность в том, что в борьбе с алкоголизмом в народе духовенство, в наличном его составе, представляет силу, на которую почтенная Комиссия смело может опереться»²⁴³.

Доклад отца Дмитрия Булгаковского, когда его содержание сделалось известным широкой публике, произвел в столичном обществе, и особенно в среде духовенства, большое возбуждение, наделав много шума.

Уже в ближайшие дни его основные тезисы были опубликованы в различных периодических изданиях, вызвав в духовной среде бурную реакцию и обсуждение.

Так, «Церковный Вестник» опубликовал заметку, в которой, изложив главные выводы доклада Булгаковского,

²⁴² Булгаковский Д.Г., священник. Роль православного духовенства в борьбе с народным пьянством. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900. – С. 18–19.

²⁴³ Труды комиссии по вопросу об алкоголизме, мерах борьбы с ним и для выработки нормального устава заведений для алкоголиков / Под. ред. М.Н. Нижегородцева. Вып. V. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900. – С. 317.

приглашал читателей к откровенному обсуждению на страницах журнала проблемы, поднятой в докладе²⁴⁴.

Первым отголоском на это обращение, появившимся на страницах «Церковного Вестника», было письмо из Веймара священника Н. Писаревского, ознакомившегося с тезисами доклада Булгаковского в «Русских Ведомостях»²⁴⁵. «Мы были поражены той развязностью, – возмущенно писал автор, – с какой русское духовенство обвиняется в споспешествовании пьянству и в неспособности влиять на народ с церковной кафедры»²⁴⁶. Все письмо Писаревского было больше эмоционально-патетическим, нежели деловым. Автор обвинял Булгаковского в неслыханной «от начала христианства в России» лжи и клевете на духовенство. «Да будет стыдно вам, отец докладчик, а с вами вместе и газете, печатающей подобную гнусность», – негодовал он и даже советовал поместить Булгаковского «в учреждении, имеющем дело с ненормальными людьми»²⁴⁷. Между тем письмо было сколь эмоциональным, столь и курьезным. Курьез заключался в том, что Писаревский принял Булгаковского за столичного священника, совершенно незнакомого с жизнью сельского духовенства. «А потому и судить сельского священника – не городским сытым батюшкам! – восклицал он. – Сельский священник трудится для Бога, а не для мирской славы и хвалы, ради которой, быть может, возник и этот доклад: вот-де я какой передовой священник: взял да и обругал всю свою братию. <...> Было бы лучше, вместо огульного оплевания духовенства, познакомиться обстоятельнее с его трудным положением и делами, о которых само духовенство молчит, а светская печать игнорирует их, охотнее принимая хулы на духовенство, чем слово правды о нем»²⁴⁸.

²⁴⁴ К борьбе с пагубным пороком // Церковный Вестник. – 1899. – № 41. – С. 1468–1469.

²⁴⁵ Внутренние известия (о докладе священника Д. Булгаковского) // Русские Ведомости. – 1899. – № 279. – С. 2.

²⁴⁶ Писаревский Н., священник. Тяжкое обвинение против духовенства. (Письмо в редакцию) // Церковный Вестник. – 1899. – № 43. – С. 1518.

²⁴⁷ Там же. – С. 1519–1520.

²⁴⁸ Там же. – С. 1521.

Почти одновременно с этим письмом появилась статья с резкой критикой доклада отца Дмитрия в «С.-Петербургском Духовном Вестнике», издаваемом Обществом распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. Автор статьи, нарочито подписавшийся «Не-алкоголик», – видимо кто-то из представителей столичного духовенства, попытался дать опровержение главных тезисов доклада Булгаковского. Однако и эта статья не была лишена явной тенденциозности и полемической страстности и запальчивости.

«Много было писано и говорено обидного о нашем православном духовенстве, – начинал свою статью автор, – много грязи незаслуженной вылито на него... и все это, еще раз собранное воедино, предстало в реферате о. Булгаковского перед публикой, состоящей главным образом из врачей, среди коих были и дамы. Основная тенденция о. Булгаковского та, что наше духовенство за всю свою многовековую историю только пило и пило без конца: пило в селах, пило в городах, пили священники, пили диаконы, пили монахи простые, пили архимандриты, епископы, митрополиты, патриархи»²⁴⁹.

Автор статьи пытался опровергнуть исторические свидетельства, приводимые в докладе Булгаковским, стараясь подчеркнуть их несостоятельность с точки зрения «научной». Указывая на тенденциозность представленных докладчиком негативных фактов, он впадал в такую же тенденциозность, приводя лишь частные положительные примеры деятельности духовенства в борьбе с народным пьянством, из которых, однако, нельзя было вывести общей позитивной картины. Истина же была где-то посередине. Положительных фактов не отрицал и сам Булгаковский, указывая на них в своем докладе, однако именно его широкие обобщения вызвали бурную негативную реакцию и обвинения в огульном очернении русского духовенства.

²⁴⁹ *Не-алкоголик*. В опровержение публичной клеветы на духовенство. (Реферат Д. Булгаковского в собрании Комиссии по вопросу о борьбе с алкоголизмом) // С.-Петербургский Духовный Вестник. – 1899. – № 43. – С. 506.

Автор статьи, кроме того, делал упор на том, что мрачная картина, нарисованная Булгаковским, далека от реалий современной жизни, что было во многом, конечно, справедливым. В среде православного духовенства в это время действительно наблюдался довольно заметный подъем, о чем писали современники. Тот же С.А. Рачинский, на которого ссылался в своем докладе отец Дмитрий, отмечал в своих письмах в 1898 году «очевидный нравственный подъем» в среде сельского духовенства. Реалии, на основе которых сформировалось в свое время мнение отца Дмитрия, изменились. Оставив более десяти лет назад приходское служение, он не заметил перемен. О той же проповеди, например, протопресвитер Георгий Шавельский вспоминает, что она «в прежнее время» действительно «не часто» раздавалась в сельских церквях, однако в 1890-е годы становится явлением «обычным и даже обязательным»²⁵⁰.

Любопытно и одновременно показательно мнение автора статьи относительно того, кто виноват в том, что духовенству мешают работать на ниве народного трезвления: «Духовенству мешают работать не архиереи, не их будто деспотическое отношение к духовенству, а недружелюбное отношение интеллигенции к его деятельности»²⁵¹.

Возможно, Булгаковский в своем докладе и делал излишние обобщения, но уж никак не был клеветником. И его личный жизненный опыт и отечественная история давали массу примеров того, что русское духовенство зачастую стояло не на высоте своего звания, и, в частности, не всегда подавало пример трезвой жизни. В Минской епархии, к примеру, в то время, когда служил там отец Дмитрий, встречались среди духовенства даже горькие пьяницы, к которым архиереи, в надежде, на их вразумление, применяли различные меры: переводили на разные приходы, временно запрещали в служении, низводя на должность псаломщиков, или вовсе отправляли в заштат.

²⁵⁰ Шавельский Георгий, протопресвитер. Указ. соч. – С. 234.

²⁵¹ Не-алкоголик. В опровержение публичной клеветы на духовенство. (Реферат Д. Булгаковского в собрании Комиссии по вопросу о борьбе с алкоголизмом) // С.-Петербургский Духовный Вестник. – 1899. – № 43. – С. 510.

Однако меры эти оказывались мало действенными, отцы продолжали пить, производя в среде прихожан немалый соблазн. Были и такие, которые в пьяном виде устраивали скандалы в домах своих прихожан, нередко заканчивающиеся драками. Протопресвитер Георгий Шавельский, описывая сельское духовенство своего времени, вспоминает, что среди него встречались не только «храбрые к питью» и спившиеся, но и опустившиеся, «встречались ставшие эксплуататорами своих пасомых, вымогавшие за требы, изобретавшие новые обычаи, обряды и праздники, заискивавшие и низкопоклонные пред богатеями, грубые и небрежные в обращении с бедняками и т.д.». Многие погибли от своих недостатков²⁵².

Напрасно оппоненты Булгаковского пытались обвинить его в незнании истории, а она действительно давала массу примеров того, насколько распространено было пьянство в духовной среде в предшествующие века. С глубокой древности слышны обличения со стороны современников – не только отдельных лиц, но и церковных Соборов, – направленные против негативных сторон жизни духовенства, и в частности пьянства. Архиепископ Иоанн, занимавший Новгородскую кафедру во второй половине XII века, в своих проповедях обличал, например, такие пороки духовенства, как ростовщичество, участие в народных игрищах, пьянство и др. Соборы 1274, 1503, 1551, 1667 годов указывали на пьянство священников и монахов, предлагая меры против этого прискорбного и соблазнительного явления. В 1494 году митрополит Зосима должен был оставить митрополию за пьянство и нерадение о церкви. О русской жизни середины XVI века П.В. Знаменский писал: «Моралисты вооружались также против поголовного пьянства во всех сословиях, не исключая даже высшего духовенства, особенно против пьяного препровождения праздников и семейных торжеств». Жизнь православного духовенства XVIII века давала повод историкам Церкви говорить о ее

²⁵² Шавельский Георгий, протопресвитер. Указ. соч. – С. 214.

«пьянственном и грубом быте»²⁵³. Немало подобных примеров давал и XIX век.

В то же время русская история знала массу положительных примеров добродетельнейших пастырей, подвижников, святых. Но та темная сторона, о которой говорил Булгаковский, была слишком явственна и не могла скрыться от критического взгляда непредвзятого наблюдателя.

Очередное заседание Комиссии по вопросу о борьбе с алкоголизмом, проходившее 27 октября, было уже специально посвящено обсуждению доклада Булгаковского. Кроме членов Комиссии для участия в заседании были специально приглашены: священник И. Альбов, священник В.В. Белогостицкий, В.П. Голубев, профессор С.-Петербургского университета протоиерей Михаил Горчаков, священник Павел Кульбуш, П.П. Лебедев, протоиерей Александр Маляревский, председатель Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви протоиерей Философ Орнатский, священник А.И. Положинцев, священник Воскресенской церкви Общества распространения религиозно-нравственного просвещения Александр Рождественский, профессор С.-Петербургской духовной академии протоиерей Сергей Соллертинский, а так же гости – издатель «Троицких листков» архимандрит Никон (Рождественский) и др.

Представители столичного духовенства отреагировали на доклад Булгаковского довольно болезненно. Многие восприняли обвинения докладчика чуть ли не на свой счет. Вместе с тем сработал сословный рефлекс – духовенство оскорбилось, что его обсуждали в светской аудитории, да к тому же не с лучшей стороны. Наиболее ярко это выразилось в выступлении протоиерея Михаила Горчакова, который сразу перешел на юридический тон. Критикуя положения доклада Булгаковского, он, в конце концов, заметил, что не понимает, почему Комиссия, состоящая при биологической секции, позволяет

²⁵³ *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. II. – СПб.: Изд. Олега Абышко, 2004; Библиополис, 2004. – С. 442.

себе рассуждать о Церкви. На замечание председателя о том, что Комиссия обсуждает только бытовую сторону духовенства и его нравственное влияние на народ, совершенно не касаясь Церкви, религии и обрядовой стороны, Горчаков настоятельно возражал, что Комиссия не компетентна обсуждать доклад, и требовал, чтобы вопрос этот был «передан епархиальному начальству или в пастырское собрание»²⁵⁴. В процессе дальнейшего обсуждения он продолжал отстаивать позицию, что «обсуждать деяния духовенства может только духовенство, которому и следует передать доклад».

Проступала старая болезнь – разобщенность светского общества и духовенства. Духовенство отстаивало свою сословную неприкосновенность. Потому обсуждение доклада проходило в довольно напряженной обстановке взаимных препирательств представителей разных «сфер».

Профессор протоиерей Сергей Соллертинский также считал, что вопрос об «алкогольных симпатиях и антипатиях духовенства не имеет здесь сколько-нибудь правоспособного места», однако, в отличие от Горчакова, предлагал вынести его «на литературную арену»²⁵⁵.

На критику оппонентов Булгаковский реагировал, отстаивая по-прежнему все положения своего доклада. Он подчеркивал, что в докладе нисколько не пытался очернить духовенство: о светлых явлениях упоминал поименно, однако «считал своим долгом не замалчивать всероссийского горя, происходящего от пьянства в среде духовенства».

Нужно заметить, что многие из оппонентов Булгаковского основывали свои возражения, не слышав самого доклада, лишь на газетных сообщениях о нем, не отражавших всего его содержания и смысла, очень кратких, сжатых, а иногда и не вполне точных.

²⁵⁴ Труды комиссии по вопросу об алкоголизме, мерах борьбы с ним и для выработки нормального устава заведений для алкоголиков / Под. ред. М.Н. Нижегородцева. Вып. V. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900. – С. 321–322.

²⁵⁵ Там же. – С. 323.

Отцы упорно не хотели признавать той грустной правды, о которой говорил в своем докладе Булгаковский, придирались к мелочам, говорили о частностях, переходя даже порой на личности.

Не выдумал же, в самом деле, Булгаковский все, о чем говорил. Бесспорно, он сгустил краски, но в его словах было много правды, хоть горькой и нелицеприятной для духовного сословия. Конечно, доклад не отражал всей действительности, в которой было много и положительных сторон, но докладчик пытался обратить внимание на необходимость коренных перемен в строе жизни духовенства. Но, к сожалению, так и остался непонятым своими собратьями...

В отличие от духовенства доклад отца Дмитрия вызвал сочувствие у многих светских лиц, и уж, конечно, не из чувства несимпатии к церковникам. Все жили в одной стране, у всех были глаза. Приглашенный на заседание Комиссии председатель Правления брянских заводов В.П. Голубев, известный благотворитель, устраивавший на Украине для рабочих больницы, школы и т.п., с горечью рассказывал, что в его имении крестьяне тратят в год на вино до 18.000 рублей, пьют и 16-летние девушки и 6-летние дети. «Это уже прямо вырождение народа, — с горечью констатировал он. — Без духовенства нельзя бороться с пьянством, между тем, если священник пьет, хотя и мало, на него нельзя уже рассчитывать». Голубев признался, что явился на заседание собственно с тем, чтобы засвидетельствовать свое глубокое уважение отцу Дмитрию Булгаковскому, поднявшему этот вопрос в Комиссии. Он выразил большую радость, «что в среде духовенства нашлось благородное лицо, не побоявшееся поднять этот рискованный вопрос — очевидно против всеобщей вражды среди духовенства». Однако он уверил присутствующих, что деловые люди вполне присоединяются к докладу отца Дмитрия и «готовы доказать это сочувствие предоставлением ему денег для осуществления борьбы с народным пьянством»²⁵⁶.

²⁵⁶ Труды комиссии по вопросу об алкоголизме, мерах борьбы с ним и для выработки нормального устава заведений для алкоголиков / Под. ред. М.Н. Нижегородцева.

Во время продолжающихся прений вокруг доклада Булгаковского было все-таки решено прекратить их и перенести вопрос о роли духовенства в специально образованную субкомиссию. Вместе с тем, откликаясь на замечание одного из присутствующих, что желательно выслушать другой доклад по тому же вопросу о том, что уже фактически делается духовенством, председатель ответил, что Комиссия с удовольствием выслушала бы такой доклад. Однако представители духовенства после минутного совещания возразили, что «это неудобно» и «нет надобности».

Не желал больше продолжать обсуждение доклада и сам Булгаковский, заявив, что «стесняется продолжать прения в виду попытки отдельных оппонентов переводить спор на личную почву»²⁵⁷.

Между тем полемика вокруг его доклада продолжалась в периодической печати. Уже вскоре после заседания 27 октября в «Церковном Вестнике» появилась заметка протоиерея Сергия Соллертинского с обзором выступлений представителей духовенства²⁵⁸. Заметка отца Сергия была достаточно корректная, хотя и не лишенная определенного пристрастия. Более предвзятая заметка, написанная также кем-то из участников заседания, появилась в «С.-Петербургском Духовном Вестнике». Резко критичное отношение автора к докладу Булгаковского зримо отразилось в тоне публикации. Из этой заметки можно отчасти видеть, какие высказывания в адрес отца Дмитрия заставили его уклониться от продолжения прений. Вот, например, как комментировал анонимный автор выступление промышленника В.П. Голубева: «Некоторого рода сенсацию произвела речь г. Голубева, отрекомендовавшего себя директором богатых брянских заводов. С тоном, вполне понятным у человека богатого, случайный гость собрания заявил, что счел своим долгом придти поблагодарить о. Булгаковского за его

Вып. V. — СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900. — С. 325.

²⁵⁷ Там же. — С. 328.

²⁵⁸ *С[оллертин]ский С., протоиерей*. К обсуждению доклада о. Д. Булгаковского // Церковный Вестник. — 1899. — № 44. — С. 1572–1574; № 45. — С. 1607–1610.

мужество, предложил ему свою помощь и если нужно – “деньги”. По-видимому, оратор находился в приятном заблуждении, что о. докладчик есть один из мучеников идеи, на которого за его мнимую храбрость могут обрушиться всякие невзгоды. Велико было его разочарование, когда из слов говорившего затем о. Ф.Н. Орнатского стало известно, что о. Булгаковский давно уже лишен места (? – *Г.Щ.*) и есть мученик, в лучшем случае своих недостатков»²⁵⁹. Тон, как видим, не очень корректный.

Подобные заметки появились и в других столичных изданиях.

Доклад отца Дмитрия послужил даже поводом к проведению в Петербурге 19 февраля пастырского собрания, специально посвященного «вопросу о борьбе духовенства с народным пьянством». Председатель и руководитель собрания, протоиерей Михаил Горчаков познакомил собравшихся с содержанием реферата Булгаковского и его выводами, сопроводив своими комментариями. Против главных тезисов этого доклада выступил начальник отделения канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода И.В. Преображенский, предложив собственный доклад под названием «Вчерашние речи нашего духовенства о мерах к искоренению пьянства в народе», посвященный главным образом движению среди духовенства против пьянства в 1889 году. Выступление Преображенского было направлено исключительно в защиту духовенства и его деятельности по народному оздоровлению.

Злополучный доклад отца Дмитрия привел к тому, что в среде столичного духовенства многие ополчились против него, даже его доброжелатели, такие, например, как протоиерей Василий Михайловский. Вот что писал Булгаковский в одном из своих писем в декабре 1899 года писателю Борису Борисовичу Глинскому: «У Михайловского был и еще кой у кого по Вашему делу, – говорить никто не хочет со мной, так

²⁵⁹ Петербургская хроника. Собрание комиссии по вопросу об алкоголизме // С.-Петербургский Духовный Вестник. – 1899. – № 45. – С. 532.

озлоблены по случаю моего доклада. Жестоковыйный народ. Необходимо выждать – пусть безумная накипь пройдет»²⁶⁰.

Именно этот доклад послужил причиной расстройства отношений между Булгаковским и редакцией журнала «Вестник трезвости». Доктор Н.И. Григорьев, присутствовавший в заседаниях Комиссии по вопросу о борьбе с алкоголизмом во время обсуждения доклада отца Дмитрия, был среди тех, кто не соглашался с его мнением и даже возражал ему. Свою позицию Григорьев высказал в «Вестнике трезвости»²⁶¹, после чего за всю историю журнала, издававшегося до 1917 года, имя Булгаковского в нем более никогда не фигурировало.

От всей этой негативной реакции на доклад в душе отца Дмитрия отложилось весьма тягостное впечатление.

Любопытно, что через несколько месяцев после описанных бурных дебатов вокруг доклада Булгаковского в журнале «Христианское чтение», издаваемом С.-Петербургской духовной академией, началась публикация монографии С.Г. Рункевича «Из истории Русской Церкви в царствование Петра Великого», посвященной учреждению и первоначальному устройству Святейшего Синода (1721–1725). Буквально на первых страницах своего исследования автор на основании обширнейшего фактического материала нарисовал такую удручающую картину состояния церковной жизни начала XVIII столетия²⁶², в сравнении с которой факты, приведенные в докладе Булгаковским, были лишь малой крупницей. Тем не менее отца Дмитрия обвинили в «неисторичности» и «клевете». Правда и С.Г. Рункевичу пришлось оговариваться, что представлять себе положение дела так, будто «духовенство и миряне этого времени старались превзойти друг друга не умом и добродетелями христианской жизни, а пороками», было бы

²⁶⁰ ИРЛИ РАН. Ф. 72 (Б.Б. Глинского). Д. 63.

²⁶¹ Два слова о докладе свящ. Д. Булгаковского: «Роль православного духовенства в борьбе с народным пьянством» // Вестник трезвости. – 1899. – № 58–59. – С. 48.

²⁶² Рункевич С.Г. Из истории Русской Церкви в царствование Петра Великого // Христианское чтение. – 1900. – Ч. I. – С. 43–64.

«несомненной ошибкой». Историк указывал, что описываемое время знало немало и положительных примеров среди пастырей Церкви, однако «все прекрасные лучи доброго примера и добрых начинаний поглощались господствующей повсюду тьмой». «Тьма, самодовольная, сильная своею массой, не хотела уступить места свету и идти по его лучам», – писал он. Рункевичу тоже немало досталось от разных критиков за «мрачную» картину церковной жизни начала Петровских реформ, что едва не помешало ему в получении докторской степени²⁶³. Между тем тот же протоиерей М.И. Горчаков написал о его исследовании прекрасный отзыв, благодаря которому С.Г. Рункевич в 1902 году был удостоен Академией Наук Уваровской премии²⁶⁴.

Несмотря на всю резкую критику со стороны духовенства в адрес доклада отца Дмитрия Булгаковского, он все же не отступился от своих убеждений. В июне 1900 года доклад был опубликован в «Журнале Русского общества охранения народного здравия», и в том же году издан отдельной брошюрой²⁶⁵.

В 1900 году отец Дмитрий принял участие в Парижской всемирной выставке по отделу социальной экономики, представив на нее свой литературно-художественный альбом «Эхо», за который был награжден серебряной медалью. В том же году его альбом, как выдающийся по своему содержанию и выполнению, был выставлен на стенах залы на Брюссельском Международном антиалкогольном конгрессе.

²⁶³ Подробно см.: *Щеглов Г.Э.* Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924). Жизнь и служение на переломе эпох. – Минск: ВРАТА, 2008. – 436 с., ил.

²⁶⁴ *Горчаков М.И., протоиерей.* История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Том первый. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода (1721–1725 гг.). Сочинение С.Г. Рункевича. СПб. 1900. Стр. 429+II / Отчет о сорок третьем присуждении наград графа Уварова // Записки Императорской Академии Наук. – СПб., 1902. – С. 15–62.

²⁶⁵ *Булгаковский Д.Г., священник.* Роль православного духовенства в борьбе с народным пьянством. (Доклад Комиссии по вопросу об алкоголизме 6-го окт. 1899 г.). – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900. – [2], 20 с. – (Извл. из «Журн. Рус. общ. охр. нар. здр.», за июнь 1900 г.).

Впоследствии в качестве продолжения альбома «Эхо» выходили другие иллюстрированные альбомы с картинами из жизни людей, преданных пьянству: «До чего доводит пьянство»²⁶⁶, «Горе-злосчастье»²⁶⁷, «Море слез»²⁶⁸, «Это ли жизнь?!»²⁶⁹. Нужно отметить, что в дореволюционной России среди альбомов «трезвенных картин» первое место принадлежало Булгаковскому.

Деятельность отца Дмитрия по изданию антиалкогольной литературы активно продолжалась. В ближайшие годы выходят его книги, брошюры и листки: «Против пьянства»²⁷⁰, «Что такое пьянство и как избавиться от него?»²⁷¹, «К пьющим и непьющим»²⁷², «Как перестать пить»²⁷³, «Новая русская хрестоматия с подбором статей о вредном влиянии спиртных напитков на здоровье, материальное благосостояние и нравственность»²⁷⁴, «На помощь. Сборник статей о вредном влиянии спиртных напитков на здоровье, материальное благосостояние и нравственность»²⁷⁵, «С хмелем спознался – с

²⁶⁶ Булгаковский Д.Г. До чего доводит пьянство. Картины из жизни. – СПб.: Тип. В.С. Балашев и К^о, 1900. – 23 с., с ил.

²⁶⁷ Булгаковский Д.Г. Горе-злосчастье. Альбом картин из жизни людей, преданных пьянству. Продолжение альбома «Эхо». – СПб.: Тип. СПб. акц. о-ва печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 1906. – [2], 2 с.; 19 л. ил.

²⁶⁸ Булгаковский Д.Г. Море слез. Картины из жизни людей, преданных пьянству. Продолжение альбома «Эхо». Изд. 4-е. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – 31 с., с ил.

²⁶⁹ Булгаковский Д.Г. Это ли жизнь?! Картины из жизни людей, преданных пьянству. Продолжение альбома «Эхо». – СПб., 1911.

²⁷⁰ Булгаковский Д., священник. Против пьянства. Чтение для нижних чинов с световыми (туманными) картинами. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К^о, 1899. – 36 с.

²⁷¹ Булгаковский Д., священник. Что такое пьянство и как избавиться от него? Чтение для народа с световыми картинами. – СПб.: Тип. В.С. «Балашев и К^о», 1899. – 32 с.

²⁷² Булгаковский Д., священник. К пьющим и непьющим. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1900 [ценз.]. – 1 л.

²⁷³ Булгаковский Д., священник. Как перестать пить. Изд. 2-е. – СПб.: В.В. Комарова, 1900. – 8 с.

²⁷⁴ Булгаковский Д., священник. Новая русская хрестоматия с подбором статей о вредном влиянии спиртных напитков на здоровье, материальное благосостояние и нравственность. Для школ в борьбе с народным пьянством. – СПб.: Сенатская тип., 1901. – 165 с., с ил.

²⁷⁵ Булгаковский Д., священник. На помощь. Сборник статей о вредном влиянии спиртных напитков на здоровье, материальное благосостояние и нравственность. Для народа. – СПб., 1901. – 207 с., с ил.

честью расстался»²⁷⁶, «Две доли»²⁷⁷, «Вино пить, беде быть»²⁷⁸, «Первые учителя винопития»²⁷⁹, «Вино на Руси по памятникам народного творчества литературным и художественным»²⁸⁰, «Вино в пословицах»²⁸¹.

О некоторых из названных изданий следует сказать особо.

Книга «Новая русская хрестоматия с подбором статей о вредном влиянии спиртных напитков на здоровье, материальное благосостояние и нравственность» была составлена Булгаковским в качестве пособия для школ, в которых уже начали вводиться уроки противоалкогольной направленности. В России в отличие от Соединенных Штатов Америки и Западной Европы это было еще достаточно новым явлением. Понимая, однако, что рано или поздно подобные уроки приобретут повсеместный характер, отец Дмитрий и решил составить специальное пособие, «согласно требованиям, предъявляемым к таким книгам за границей».

Подбирая статьи, он хотел, чтобы ученики увидели, как люди через пьянство доходят до нищеты, губят семью, делаются тунеядцами, удаляются от Бога, теряют совесть, расстраивают свое здоровье и безвременно сходят в могилу, чтобы через это они пришли к сознанию губительного влияния спиртных напитков и почувствовали навсегда отвращение к ним. В то же время хрестоматия знакомила со светлой стороной жизни трезвых людей, из которой дети должны были познавать, что сама жизнь как величайшее благо может быть таковой только для человека здорового и трезвого.

²⁷⁶ Булгаковский Д., священник. С хмелем спознался – с честью расстался. Народное чтение с световыми картинами. – СПб.: Д.Г. Булгаковский, 1901. – 24 с.

²⁷⁷ Булгаковский Д.Г. Две доли. Народное чтение с световыми картинами. – СПб.: Сенатская тип., 1902. – 42 с.

²⁷⁸ Булгаковский Д.Г. Вино пить, беде быть. Чтение для народа с световыми картинами. – СПб.: Сенатская тип., 1902. – 24 с.

²⁷⁹ Булгаковский Д.Г. Первые учителя винопития. Народное чтение с световыми картинами. – СПб.: Сенатская тип., 1902. – 16 с.

²⁸⁰ Булгаковский Д.Г. Вино на Руси по памятникам народного творчества литературным и художественным. – СПб.: Сенатская тип., 1902. – 58 с.

²⁸¹ Булгаковский Д.Г. Вино в пословицах. – СПб., 1902. – 20 с., с ил.

Хрестоматия разделялась на два отдела. В первом были помещены рассказы и стихотворения разных авторов и самого Булгаковского (рассказы), представляющие собой попеременно светлые и мрачные картины трезвой и нетрезвой жизни. Однако ввиду специального назначения книги отцу Дмитрию поневоле пришлось сокращать и изменять некоторые произведения других авторов и даже давать иные названия. Во втором разделе помещались статьи о вредном влиянии спиртных напитков на физиологическую сторону человека, а также несколько статей по гигиене. Отдел этот был составлен по книгам: «Беседы о главных потребностях телесной жизни человека» С.А. Бобровского, «О сбережении здоровья» Борисова, «Беседы о здоровье» Марии Волковой и Владимира Вольфсона, «О сохранении здоровья» С.М. Вишневого, «О сохранении силы и здоровья» Л. Ильинского.

Во избежание однообразия почти после каждой статьи автор приводил пословицы и краткие изречения великих людей и ученых. «Правда, — замечал он, — не все они будут доступны детскому пониманию, но полагаю, учитель разъяснит ученикам все непонятное».

Составленная отцом Дмитрием хрестоматия о вредном влиянии спиртных напитков на жизнь человека была первым опытом в русской учебной литературе, поэтому в последующих изданиях она уже выходила под названием не «Новая...», а «Первая русская хрестоматия...».

На основе «Новой русской хрестоматии...» в том же году был составлен, уже исключительно для народа, упомянутый выше сборник статей о вредном влиянии спиртных напитков «На помощь». Вот что писал об этом сборнике профессор С.-Петербургской духовной академии А.А. Бронзов: «Назначение книги — превосходное, что видно уже с самого первого взгляда. Выполнение задачи издателя образцово. <...> Иллюстрации, какими сборник снабжен, не лишены ценности, а в статьях по гигиене они прямо внушительны и поучительны»²⁸².

²⁸² Бронзов А., профессор. Библиография. Борьба с пьянством // Русский Паломник. — 1902. — № 8. — С. 139.

В брошюре «Первые учителя винопития» Булгаковский с великим негодованием восставал против того, как сами родители уже с раннего возраста приучают своих детей к спиртному. Когда родительский дом становится «первой винной школой, школой преступления, развращающей их на всю жизнь». Писатель видел в этом отвратительном явлении более важную причину, доводящую «до вина», чем такие, как бедность, семейные неурядицы, хозяйственные несчастья, служебные неудачи, смерть близких людей и другие житейские невзгоды, а также обычаи, наследственность, дурное товарищество и пр. Известно, что дети, как губка, впитывают все, что видят в родительском доме, копируют и перенимают привычки взрослых. Но хуже, когда родители не только являются дурным примером для своих детей, но еще и сами прививают пагубные пристрастия.

Булгаковский писал, что часто можно видеть в семьях, как родители заставляют своих детей выпивать по целой рюмке ради потехи, чтобы видеть детские пьяные кривляния. Как подносят детям вино ради компании: на крестинах, на свадьбах, на похоронах, в престольные и другие праздники; «подносят за работой, ради усталости; зимой в дороге, ради тепла; во время болезни, ради облегчения». Но это не все. Нередко матери примешивали вино к молоку, чтобы их грудные младенцы крепче спали, особенно в страдную пору, когда недосуг было за ними смотреть. А часто и сами пьяные кормили их своей грудью, «заражая кровь их винным ядом».

По мнению отца Дмитрия, явление это было не только ненормальным, но и невероятным: «Отцы и матери собственных детей, этих светлых ангелов, будущую свою надежду и опору, вместо охраны от опасностей, собственными руками толкают в бездонную пропасть». Именно в дурном воспитании детей, особенно в крестьянской среде, видел он «начало винопития».

В подтверждение своих слов автор привел целый ряд печальных свидетельств людей, пристрастившихся к спиртному

еще в родительском доме, и чья жизнь была изломана пьянством. Вот одна из таких историй. Это рассказ женщины-пьяницы, поведенный ей незадолго до смерти в больнице соседке по палате. Несчастной этой было не более двадцати пяти лет, «но жизнь уже наложила на лицо ее свое ужасное клеймо». «Помню как сейчас, – рассказывала она слабым прерывающимся голосом, – низенькую, маленькую комнату подвала, в которой жили мои родители. Отец мой был столяр и всегда пьяный; мать была в чахотке. Я тогда была совсем маленькой. Бывало сидишь, обхвативши руками бедную маму и вся дрожишь, с ужасом глядя на отца, мрачно ходившего из угла в угол. Часто случалось, что оставались мы с матерью без куска хлеба по целым дням. Помню, однажды сижу я около матери и плачу, так мне хотелось есть, долго крепилась, все не хотелось сказывать матери, что есть страшно хочется, жаль было ее бедную, да видно стало неумогу – расплакалась. Отец в эту пору схватил последний платок, в котором я зимой бегала в лавку, и скрылся. Бедная мать не могла от слабости шевельнуться, и только посмотрела на меня и заплакала. Вернулся отец по обыкновению пьяный; мать напомнила ему о платке, он бросился к ней и стал бить ее, почему попало. Я в слезы, он и меня за волосы. Мать лишилась чувств. Потом, когда пришла в себя, пролежала дня два, стало ей хуже, свезли ее в больницу, там она через неделю и померла. Мы с отцом очутились скоро на улице; за два месяца он задолжал за эту грязную, сырую и холодную подвальную яму, поэтому нас и выгнали, мне тогда было лет десять. Водку я уже пила, как взрослая, сперва из боязни, потому что отец давал и кричал, чтобы я пила с ним, а потом и сама не знаю, зачем я пила, не иначе как втянулась. Где только мы с отцом не перебывали; ходили и пили по таким трущобам, что страшно теперь вспомнить. Поступила я как-то на место, благодаря добрым людям, которые вырвали меня из омуты, и тут только я поняла, что отец искалечил меня, потому что я не могла жить без водки. Да, тяжело вспоминать прошлое, да видно Бог не лишает человека памяти для того,

чтобы он, вспоминая свою нехорошую жизнь, мог покаяться. Бежать бы мне от отца, куда глаза глядели, хотя бы в самый омут, и то бы лучше было. Страшно вспомнить о том, что я делала пьяная ради водки, и как мне теперь тяжело сознавать, что вся эта гибель моя началась от родного отца! Как много таких несчастных, как я! Отцы и матери приучают своих детей к страшному пороку, уродуют их на всю жизнь, и без поры, без времени сводят в могилу! Как я рада теперь, что умираю, что наступает конец страдальческой, и вместе распутной, и пьяной моей жизни»²⁸³.

Брошюра «Первые учителя винопития» была издана в виде чтений со световыми картинками, изготовленными по заказу автора. Рассказы, помещенные в брошюре, не могли оставить равнодушными слушателей, и, несомненно, производили вместе с картинками сильное впечатление.

Интересны брошюры Булгаковского «Вино на Руси по памятникам народного творчества литературным и художественным» и «Вино в пословицах». В описываемое время уже вышло огромное количество изданий, посвященных проблеме алкоголизма. Свое мнение по этому вопросу высказывали государственные и общественные деятели, духовенство, ученые, юристы, врачи, писатели. В периодической печати и в отдельных изданиях отмечались разнообразные причины народного пьянства и его вредные последствия, предлагались и обсуждались меры к уменьшению этого общественного недуга, а по возможности и искоренению. Изучая эту литературу, Булгаковский задался вопросом: «А как сам народ смотрит на вино и его употребление? Что говорит о нем, как относится к нему?» Чтобы ответить на эти вопросы, он обратился к памятникам народного творчества: былинам, сказкам, песням, пословицам, поговоркам и пр. Кроме того, он исследовал народные лубочные картинки, «в которых, как и в памятниках словесного творчества, народная жизнь бьет ключом, жизнь

²⁸³ Булгаковский Д.Г. Первые учителя винопития. – СПб.: Сенатская тип., 1902. – С. 9–11.

без всяких прикрас, счастливая и несчастная, будничная и праздничная». Для своего исследования писатель воспользовался многочисленными источниками, которые ему любезно помогал подбирать В.П. Ламбин.

В памятниках народного творчества всегда были свои излюбленные темы, глубоко волновавшие народную душу, как, например, любовь между красной девицей и молодцем, занимавшая одно из главных мест в народных произведениях. То же самое можно сказать и о вине. О нем часто вспоминалось в былинах, легендах и песнях, о вине были составлены целые сказки и повести, вино служило предметом для многих заговоров, о нем было сложено множество пословиц и загадок. «В этих народных памятниках, литературных и художественных, – писал Булгаковский, – находится больше правды, выстраданной целым народом, чем в самых лучших проповедях, исполненных церковного витийства или в ученых исследованиях, часто наполненных одними отвлеченными рассуждениями».

Исследуя народное творчество, писатель обнаружил любопытные особенности. Так он нашел, что в былинах «не видно ни упрека пьющим, ни предостережения от вина», в них не рисуется картин побоев или разорения хозяйства – неразлучных спутников неумеренного употребления хмельных напитков. Только один богатырь Василий Буслаевич составляет исключение, пропивший, прогулявший «все житье-бытье свое, все богатство», и еще один молодец, не послушавшийся наставлений своей матери и пропивший все отцовское имение. В былинах не видно и безобразного пьянства, тут только «во почестных пирах пьяны-веселы». Совсем другое уже замечается в песнях. Здесь то и дело пропиваются донага, тут постоянно раздается безутешный плач жен от пьянства их мужей, от их зверского битья, слышится плач девушек о пьянстве их возлюбленных, даже приводятся случаи скоропостижной смерти от пьянства в кабаках. В легендах видно, что народ, изведав все ужасы пьянства, приписывает происхождение вина и

страсть к нему невидимой злой силе – чёрту. Сказки по своему внутреннему складу ничем не отличаются от легенд, разве только тем, что в них больше фантазии, которая представляет пьющими вино и журавля, и змея-чудовище, и даже покойников. Повести о вине, в которых оно представляется как вредный напиток, доводящий человека до гибели, отличаются нравоучительным характером. Поэтому в повестях часто звучит предостережение. Заговоры – «это вопль обессиленного человека, который, потеряв надежду на естественные средства избавиться от злого запойства», ищет помощи за пределами видимого мира. Наиболее отличны от других памятников народной словесности пословицы. В них над вином и людьми, имеющими к нему страсть, произнесен уже строгий приговор. И, наконец, народные картинки (лубки) – «это свод народного юмора, поучение и предостережение от вина» в образах. В них в мрачных красках представлены последствия пьянства и свидетельства, что пьянство доводит не только до гибели временной, но и вечной.

Обобщая все это, Булгаковский сделал выводы, что народ смотрел на вино, как на предмет незаменимого удовольствия, утех и самого лучшего угощения. Вино в народе считалось средством к сближению людей, к примирению, выражению горя и радости. Без вина не обходилось никакого дела – ни частного, ни общественного. Оттого русский человек и не всегда относился с укоризной к тем, кто имел слабость к вину. Наоборот, он часто выражал пьяным свое участие и соболезнавание, зная, что до этого лиха довела его горькая доля, и что в «еленее вине» он ищет временного забвения среди гнетущей действительности. Выпить никогда не считалось делом зазорным. И только тогда, когда страсть к вину доходила до пагубных размеров, народ не молчал. Он не закрывал глаза на пьяный разгул и не выставлял его как удадь, не хвалил тех, кто через вино разорял хозяйство и губил здоровье, хотя и не бичевал их как преступников. Он не глумился над пьяницами, но и не скрывал тяжелых последствий пьянства.

На титульном листе книжки «Вино на Руси по памятникам народного творчества» имелось посвящение: «Посвящается Аркадию Александровичу Шумахеру»²⁸⁴. Это был один из деятелей по борьбе с народным пьянством, с которым у Булгаковского видимо были очень хорошие отношения.

После выхода в свет книжка «Вино в пословицах» была одобрена Учебным комитетом Министерства народного просвещения в ученические библиотеки низших учебных заведений и в библиотеки народных читален, а также для чтения в народных аудиториях.

Отзываясь о противоалкогольных изданиях Булгаковского этого времени, профессор А.А. Бронзов писал: «Искренне приветствуем доброе, истинно полезное дело о. Д.Г. Булгаковского и желаем ему и впредь вести его с неослабной энергией, настойчиво. За несомненный успех можно поручиться смело. Если бы и несколько лишь лиц его издания заставили задуматься и навели бы их на правый путь, то и в этом случае работа о. Димитрия была бы далеко не бесплодной. Но мы надеемся, что круг таких лиц в действительности окажется гораздо шире. Как хорошо было бы, если бы у нас побольше явилось таких настойчивых и таких разумных борцов с рассматриваемым ужасным пороком!...»²⁸⁵

²⁸⁴ Шумахер Аркадий Александрович – тайный советник, член Совета министра финансов, директор С.-Петербургской конторы Государственного банка, член Комиссии по вопросу о борьбе с алкоголизмом, почетный член С.-Петербургского попечительства о народной трезвости (по данным на 1908 г.). В конце XIX начале XX в. состоял членом Совета по делам казенной продажи питей.

²⁸⁵ Бронзов А., профессор. Библиография. Борьба с пьянством // Русский Паломник. – 1902. – № 8. – С. 139.

V

В новом звании

27 января 1902 года отец Дмитрий Булгаковский направил Литовскому архиепископу Ювеналию (Половцеву) прошение о сложении с себя священнического сана.

Свой поступок он мотивировал тем, что, «оставаясь в продолжение последних двенадцати лет без места и священнослужения, он почувствовал внутренний разлад, нарушивший душевный покой и повлекший за собой решение отказаться от священства»²⁸⁶. Это очень непростое решение, очевидно, стало результатом длительных раздумий и внутренней борьбы, возможно обострившейся в последние годы в связи с событиями вокруг его доклада в Комиссии по вопросу о борьбе с алкоголизмом.

Вот что пишет о мотивах снятия Булгаковским с себя сана историк литературы С.А. Венгеров, собиравший материалы о русских писателях для своего знаменитого словаря: «Надо думать, что Д[митрий] Г[аврилович] снял с себя сан под влиянием неустанной борьбы, которую вел на литературном поприще в течение последних 20 лет за народную трезвость. Он хотел, не стесняя никого своею рясой, видеть воочию пьянственный омут во всех его видах всюду в низах и верхах общества. Без сомнения, не одно это побудило его порвать связь с прошлым. Видимо он разочаровался в плодах пастырской деятельности, которую идеализировал, принимая на себя священнический сан...»²⁸⁷.

Учитывая, что авторитет духовенства в обществе в это время был на самом деле не очень высок, ряса, которую священник по закону обязан был всегда носить, действительно служила определенным препятствием к доверительному общению со многими людьми. «Наш духовный костюм зело

²⁸⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 183. Д. 643. Л. 1–1 об.

²⁸⁷ ИРЛИ РАН. Ф. 377 (С.А. Венгерова). Оп. 7. Д. 651. Л. 4–4 об.

соблазняет иных наших соотечественников, – писал в 1906 году петербургский протоиерей Николай Дроздов, – прямо-таки ненавидящих наше долговолосье и долгополье. Кому неведомо, что сектанты глумливо величают духовных “длинноволосой саранчой”, а свои – русачки православные – еще грубее называют нас “долгогривыми”, “жеребьячьей породой”. Сколько плевков, ругани посылается в сторону рясы и волос при каждой встрече с духовною особой»²⁸⁸. Ввиду этого мысль, высказанная Венгеровым, звучит вполне убедительно. Чтобы целиком реализоваться в том деле, которому Булгаковский посвятил себя, деле борьбы с народным пьянством, и чтобы ничто не сковывало его, он и решил отказаться от сана – одеть светскую одежду и свободно пойти туда, где можно было воочию увидеть «пьянственный омут». Он не был человеком половинчатых решений, потому и дерзнул на этот духовно-ответственный и довольно болезненный шаг.

По действующим правилам священник, добровольно решавший сложить с себя сан, после подачи прошения в течение трех месяцев увещевался епархиальным начальством «не уклоняться от принятого уже на себя звания», для чего назначался из духовных лиц специальный увещеватель. В случае неуспеха этой меры сан с разрешения Синода снимался обычным порядком – через расстрижение. Однако ради препятствия духовным лицами к оставлению сана процедура эта в России была обставлена, по словам современников, «драконовскими» законами. Человек, добровольно оставлявший сан, лишался всех прав состояния, за исключением дворян, и в течение 10 лет не имел права поступать на государственную службу, обрекаясь, таким образом, на голодное существование. В основном на снятие сана решались вдовцы, в силу запрещения церковными законами второбрачия для духовенства, чтобы иметь возможность вторично вступить в брак. Можно представить, в каком положении они оказывались нередко обремененные

²⁸⁸ Цит. по: *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни: Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период. – М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2004. – С. 503.

многодетными семьями после ограничения их гражданских прав. Многие действительно не выдерживали тяжести нужды и лишений, оканчивая свои дни весьма плачевно.

Вопрос о лишении или добровольном снятии священного сана имел в России свою непростую историю. Здесь в разные времена по-разному относились к священнослужителям, снявшим сан: то давали им свободу, не делая никаких правовых ограничений, то затрудняли выход из духовного звания, то вменяли этот выход в вину и подвергали тяжкому наказанию. Такая неустойчивость в законодательстве свидетельствовала о том, что в решении этого вопроса руководствовались не столько догматами или церковными канонами, сколько личным усмотрением.

Случаи отказа от сана известны были уже с V века. Император Гонорий в 408 году издал закон, по которому лицо, добровольно сложившее с себя духовный сан, зачислялось в куриалы, если владело имуществом, или в официалы. Известно, что митрополит Киевский Киприан (1396), опираясь видимо на седьмое правило IV Вселенского Собора (451) предавал слагающих с себя сан анафеме, однако это не было общим правилом. В древней России овдовевшие священнослужители чаще всего без затруднений могли оставлять сан, вступать во второй брак, поступать в податное или торговое сословие или оставаться причетниками. Также и лишенные сана за церковные правонарушения клирики подвергались лишь потере прав по священству и по должностям в Церкви. Указ 1665 года запрещал расстригам «быть у приказных дел», однако Великий Московский Собор 1667 года так определил о второбрачных клириках: «Не гнушатиcя ими и не безчестовати во всем в простолюдинском чину; и аще кто явится от таковых искусен и потребен в каких царских или гражданских делах, не возбранно есть быти им, кроме воинского чина». Согласно указу Императора Петра I, смотревшего на все с точки зрения государственной пользы, лицам, добровольно сложившим с себя священный сан, было дозволено быть миссионерами, занимать

учительские должности в архиерейских школах и «быть у дел в духовных управлениях», то есть чиновниками.

В XVIII веке высшая церковная власть не только не придерживалась ригористического взгляда на этот вопрос, но порой даже шла впереди светской власти. Это ярко выразилось в наказе Святейшего Синода депутату в комиссию по составлению проекта нового Уложения Новгородскому митрополиту Дмитрию (Сеченову), в котором, в частности, выражалось пожелание: «...чтобы в Комиссии по содержанию именного указа 30 августа 1724 года, священникам и диаконам, в не престарелых летах овдовевшим и вступающим во второй брак, **в порок этого не ставить** (выделено мной. — Г.Щ.) и по желаниям их принимать и определять в светские чины и военную службу, кто куда способен окажется, и производить бы их в чины по порядку и по достоинству и заслугам, дабы ни от других никакой отличности они не имели, и тем бы ревностные службы свои оказывали»²⁸⁹.

При Александре I, правда, возник недоуменный вопрос, как поступить с московским диаконом Лебедевым, подавшим на имя Государя прошение, в котором, описывая изобретенные им машины и предлагая новые механические проекты, просил для удобнейшего употребления его дарований, перевести из духовного звания в гражданскую службу с пожалованием чина и привилегии. Именным указом по этому случаю Синоду было велено доложить: «Были ли примеры такого перемещения из духовного звания в светское, и каким образом можно бы удобнее удовлетворить желание просителя?» Синод ответил, что слагали с себя сан, во-первых, вдовы священники и диаконы, по прошениям и по показаниям их, что они не способны пробыть без супружества и, во-вторых, женатые священники по произошедшим от болезни «телесным неспособностям», другие по внутренним признаниям своего недостойнства быть в духовном звании. Последним же случаям примеры были

²⁸⁹ Цит. по: Булгаковский Д. Снятие сана // Приходский Священник. — 1911. — № 12. — С. 5.

довольно редки. Но чтобы просили о снятии священнического или диаконского сана для определения в статскую службу или в светское звание по «какому-либо художеству или искусству, как просит диакон Лебедев, таковых примеров не было». Кажалось, что по отзыву Синода прошение Лебедева не может быть удовлетворено. Однако Император 13 декабря 1801 года повелел, чтобы прошение его было принято за внутреннее признание своего недостойнства оставаться в настоящем звании, и на этом основании уволить его в статскую службу.

Святейший Синод в то время лицам, снявшим с себя сан, при вступлении их в государственную службу не только не создавал препятствий, но даже для успешного поступления и движения их по службе свидетельствовал, что они, «будучи в духовном звании, несли службу с пользою государству». Когда в 1828 году в Государственном Совете встал вопрос о том, в какое состояние должны переходить священнослужители белого духовенства, оставляющие свой сан по собственному желанию, Синод отвечал, что им предоставлено на свою волю избирать такой род жизни, какой сами захотят – службу, купечество, мещанство и т.д.

Даже лиц порочного поведения, как, например, одного иеромонаха Донского монастыря, уличенного в блудной жизни, лишили сана без правоограничений. И когда обер-прокурор Синода князь П.С. Мещерский вошел в 1832 году в Государственный Совет с запиской об ограничении прав, то последний Общим собранием отклонил его предложение.

В 1833 году впервые в Государственном Совете начинает устанавливаться новый взгляд на слагающих с себя сан, вводится «увещание», но и тогда еще сохранялся прежний порядок относительно таковых лиц. Государственный Совет постановил: «Буде и за сим, по испытании или увещании, кто останется непреклонным в намерении, то с разрешения Св. Синода слагать с него сан и о сем давать знать местному губернскому правлению для сведения. Уволенным по собственному желанию из духовного ведомства оставлять права

по рождению или приобретенному дворянству, им принадлежащие, позволяя вступать в государственную службу всякого рода по познаниям и способностям. Тем же из них, кои в духовном звании имели ордена, или одну из трех ученых степеней – магистров, кандидатов и студентов, сохранять оное»²⁹⁰.

И только в 1838 году вопрос о сложении сана вступает в новую фазу – издается закон о правоограничении. Произошло это по делу снятия с себя сана воронежским протоиереем Покровским. Синод тогда определил – навсегда воспретить Покровскому проживать в Воронежской губернии, и вообще священнослужителям белого и монашествующего духовенства, сложившим с себя сан, не позволять никогда, ни под каким видом и предлогом иметь местопребывание в той губернии, где они священствовали, а также и проживание в обеих столицах. С этим мнением не согласился духовник Государя протопресвитер Николай Музовский, считая предложенную меру слишком суровой. По его мнению, мера эта могла стать поводом к тому, что многие достойнейшие и способнейшие к прохождению священнического служения в белом духовенстве будут искать средств избежать принятия сана «к великому ущербу духовенства».

Дело было представлено на Высочайшее усмотрение, и 23 февраля 1839 года Император Николай I наложил на докладе следующую резолюцию: «Полагаю, что звание священническое столь важно, что сколько должно быть разборчиву и осторожну при удостоении онаго, столько же должно затруднять добровольное онаго сложение: не отвергая, что быть могут случаи, которые сложение делают иногда необходимым, полагаю, однако, что никак нельзя допустить, чтобы лицо, носившее сие высокое звание, могло непосредственно посвящаться иному служению, какое бы оно ни было, без явного соблазна и как бы в доказательство, что мирские обязанности

²⁹⁰ Цит. по: Булгаковский Д. Снятие сана // Приходский Священник. – 1911. – № 12. – С. 6.

сильнее духовных. Поэтому, сколько мне ни прискорбно не разделять мнение моего отца духовного, считаю нужным постановить впредь: 1) диаконам, добровольно слагающим сие звание, воспретить вступать в какой бы то ни было род государственной службы ранее 6-ти лет; 2) священникам ранее 10 лет, возвращая каждого в первобытное состояние и не пользуясь впредь никакими выгодами, кроме состояниями сим присвоенными»²⁹¹. Это Высочайшее повеление, неправомерное с точки зрения церковных правил и противоречащее теоретическим началам юриспруденции, так и вошло в свод российских законов, действовавших до 1917 года.

Священнослужители, лишенные сана по духовному суду, подвергались еще большему наказанию: им запрещались въезд и жительство в обеих столицах в течение 7 лет, вступление в государственную или общественную службу для диаконов в течение 12, для священников – в течение 20 лет, участие в выборах земских и городских гласных.

Об этих «драконовских» ограничениях доктор права протоиерей Михаил Горчаков писал в 1910 году, что всякие политические, гражданские, общественные и личные правоограничения духовных лиц Православной Церкви, связанные со снятием или лишением их священного сана, «не имеют ни малейших оснований или определений ни в Священном Писании, ни в канонах Вселенской Церкви первых девяти веков христианства, ни в правилах и практике всех Поместных Восточных Церквей и всех последующих веков и настоящего времени, ни в истории законодательства и в практике Русской Церкви древней и новой России до 30-х годов прошлого XIX столетия»²⁹². А все, что не основывается на перечисленных правообразовательных источниках церковного права, не может

²⁹¹ Цит. по: *Булгаковский Д.* Снятие сана // Приходский Священник. – 1911. – № 12. – С. 6.

²⁹² Особое мнение протоиерея М.И. Горчакова, по докладу особой комиссии Государственного Совета, относительно проекта Государственной Думы об отмене ограничений политических и гражданских, соединенных с лишением или добровольным снятием сана или звания. – СПб.: Тип. МВД, 1910. – С. 6.

быть принято в Православной Церкви как обязательное церковное правило. Он отмечал, что подобные правоограничения одних удерживают к вступлению в священный сан, а других, возможно недостойных, напротив, удерживают в клире²⁹³.

Анализируя утверждение митрополита Филарета (Дроздова) о том, что снимающий добровольно сан оскорбляет благодать, преподанную ему в таинстве священства, Горчаков указывал на крайнюю слабость и неправомочность этого аргумента. Он пояснял, что на языке права не может быть понятия виновности в оскорблении благодати, так как проступка, который бы мог быть назван «оскорблением благодати», в сборниках правил нет. А раз подыскать состав такого проступка невозможно, то, следовательно, невозможно и наказывать за несуществующий проступок. Недоумевая, в чем может состоять виновность оскорбления благодати, он подчеркивал, что благодать не лицо и не учреждение, доступное оскорблению.

²⁹³ Более подробно об этом Горчаков писал в своей брошюре «Особое мнение»: 1) многие лица, подготовленные и способные к пастырскому служению, но энергичные и дорожащие свободой своей личности, совести и убеждений, удерживаются от вступления в состав духовенства, не желая и не рискуя, в случае выхода по каким-либо несчастным обстоятельствам, подвергать себя на многие годы правоограничениям не только в Церкви, но и в государстве, обществе, и семье; 2) многие лица, уже вступившие в клир, стесняются в свободном выражении и развитии своих убеждений и своей деятельности из опасения подвергнуться признанию со стороны власти иерархической их убеждений вольными, либеральными, несогласными с политикой и принципами «ведомства»; 3) все почти священнослужители находятся среди некоторых классов населения в подозрении, что они состоят в сани, служат и действуют не по призванию, а под страхом ограничения в общих правах гражданства, в случае неудовольствия на них власти и выхода из духовного сословия; такое подозрение крайне обидно для лиц, по призванию и искренне служащих в Церкви, но устранение подозрения встречает возражения в указаниях на затруднение выхода из звания; 4) многие лица, сознающие свои слабости и недостойнство в надлежащем прохождении церковных должностей, обязанностей и подвигов, не решаются просить власть о снятии с них сана, остаются в нем, опасаясь трудностей борьбы в жизни при ограничении прав, в случае выхода из состава клира, и загораживают путь к вступлению в клир достойным сана лицам, – более, чем они энергичным и сильным; 5) были примеры такого рода: духовные лица, из опасения подвергнуться действию постановлений об ограничениях в правах, в силу предполагаемых ими или действительно угрожающих им неблагоприятных отношений начальства, обращались в беглопоповцев, охотно принимавшихся отделившимися от Православной Церкви обществами и, 6) административная и судная церковная власть иногда терпит, из сожаления, в составе клира таких лиц, которые по своим «неблаговидным поступкам и порочному поведению» заслуживают лишения сана.

Ограничение прав, по мнению отца Михаила, как наказание было несправедливо, как мера предупредительная – недействительна и как принудительная – неблагоприятна. Ограничение как способ оказания уважения Церкви или служебному положению было унижительно и вредно для Церкви и для дела, представляя угрозу и составляя чуждый духу христианского учения акт мести, двойной кары, вопреки апостольскому правилу²⁹⁴: «не отмстиши дважды за едино»²⁹⁵.

Со времени введения в церковную жизнь гражданских законов, ограничивающих права лиц, слагающих с себя сан, почти непрерывно стал звучать «воплъ среди духовенства», а в литературе накопилось огромное множество возражений, протестов, мольбы по случаю создавшегося безвыходного положения.

Как уже говорилось, на добровольное сложение с себя священного сана в основном решались вдовцы, обремененные семействами и «не способные пробыть без супружества». В случае с Булгаковским мы видим, что он оставлял сан исключительно по идейным соображениям, хотя в его прошении звучал мотив и вдовства²⁹⁶. Решение о сложении с себя сана не было следствием религиозного разочарования. Оно было продиктовано главным образом тем, что отец Дмитрий, длительное время находясь за штатом (12 лет), бездействовал как священник, и в то же время не мог вполне реализоваться ввиду своего положения как деятель общественный в той области, которой посвящал свои силы. Возможно, он принадлежал к числу лучших представителей духовенства своего времени, однако порядок вещей, который царил в то время, ставил его перед выбором. В каком-то смысле Булгаковский стал жертвой своего времени. Насколько строго можно судить его за этот шаг с точки зрения церковной, сказать трудно. Человек

²⁹⁴ См. «Книгу правил», 25-е Апостольское правило.

²⁹⁵ Особое мнение протоиерея М.И. Горчакова, по докладу особой комиссии Государственного Совета, относительно проекта Государственной Думы об отмене ограничений политических и гражданских, соединенных с лишением или добровольным снятием сана или звания. – СПб.: Тип. МВД, 1910. – С. 26.

²⁹⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 72. III от. 4 ст. Д. 196. Л. 1.

отдавал себя на служение ближним, и, как кажется, отдавал целиком. Кто знает, скольких людей спас он своим делом от духовной гибели, и не к нему ли относятся слова: «Обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов» (Иак. 5. 20).

Может быть, он, долгое время оставаясь без служения, постепенно утратил чувство сакрального. И, возможно, утрата именно этого чувства послужила последней ступенью к окончательному решению о снятии с себя сана.

Можно также думать, что, снимая с себя сан, Булгаковский оставлял не священство, а сословие, желая видимым образом порвать с ним.

Назначенное Литовским архиепископом Ювеналием трехмесячное увещевание не принесло, как это в большинстве случаев и бывало, никаких результатов: отец Дмитрий дал «категорический ответ о нежелании оставаться далее в сане священника»²⁹⁷. После этого владыка Ювеналий направил в Святейший Синод рапорт, в котором излагал обстоятельства дела, а также просьбу Булгаковского вступить в государственную службу ранее установленного десятилетнего срока. Рассмотрев дело отца Дмитрия, Синод, учитывая то, что, будучи в сане он «вел себя одобрительно», определил: «...разрешить Литовскому епархиальному начальству снять с Димитрия Булгаковского священнический сан»²⁹⁸, что и было исполнено.

Над отцом Дмитрием, видимо, была совершена обычная процедура расстрижения: после прочтения синодального указа у него была отобрана «ставленная» грамота, снята духовная одежда – ряса, подрясник, и острижены волосы на голове и бороде. Затем он был облачен в обычную светскую одежду.

Так началась его новая жизнь.

В сентябре 1902 года было удовлетворено и прошение Булгаковского о вступлении в гражданскую службу. По докладу обер-прокурора Святейшего Синода Император позволил

²⁹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 183. Д. 643. Л. 3.

²⁹⁸ Там же. Л. 4.

«в виде особой монаршей милости» вступить просителю в государственную службу, минуя десятилетний срок, помимо, однако, Минской и Литовской епархий и города С.-Петербурга, «в коих Булгаковский состоял в священном сане»²⁹⁹.

Как гром среди ясного неба поразил Булгаковского запрет находиться в Петербурге. Уехать из столицы представлялось для него делом невозможным. Немедленно поспешил он подать на Высочайшее имя прошение, в котором объяснял, что в Петербурге приходским священником он вовсе не был, «а лишь состоял временно прикомандированным к Николаевской Чесменской богадельне всего лишь в течение десяти дней». Булгаковский всеподданнейше ходатайствовал, чтобы ему, ради «высокорадостного события» рождения Наследника всероссийского престола, была оказана монаршая милость – предоставлено право вступления на государственную службу в С.-Петербурге. При этом он сообщал, что ему предоставляется возможность получить штатное место в Министерстве финансов³⁰⁰.

Несколько лет пришлось Булгаковскому находиться в «подвешенном» состоянии, проживая в столице на полулегальном положении, пока, наконец, не решился окончательно его вопрос, так долго перевариваемый бюрократической машиной нескольких ведомств.

Сначала из канцелярии Его Императорского Величества был направлен запрос в Святейший Синод, не имеется ли со стороны ведомства православного исповедания возражений к вступлению Булгаковского в государственную службу в городе Санкт-Петербурге. Лишь 13 июля 1905 года Синод ответил, что не находит к тому никаких препятствий. 1 сентября того же года управляющий императорской канцелярией сделал Государю доклад о прошении «бывшего священника, ныне потомственного почетного гражданина» Дмитрия Булгаковского, на что Николай II «Всемиловитейше соизволил

²⁹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 183. Д. 643. Л. 5.

³⁰⁰ Там же. Л. 8.

на предоставление ему права вступить ныне же, до истечения 10-летнего со дня сложения им священнического сана срока, на государственную службу в С.-Петербурге»³⁰¹. О монаршей резолюции были уведомлены столичный градоначальник и Синод.

Наконец-то Д.Г. Булгаковский мог уже законно обосноваться в столице. По свидетельству А.С. Венгерова, в государственную службу он не вступил, предпочтя заниматься исключительно литературной деятельностью. Да и к тому же ему в это время было уже за 60 – не слишком подходящий возраст для начала чиновнической карьеры.

Венгеров пишет, что в 1902 году Д.Г. Булгаковский поступил вольнослушателем в С.-Петербургский университет на факультет естественных наук³⁰². Однако, сколько времени проучился он там и учился ли вообще, установить не удалось. В дореволюционном архиве С.-Петербургского университета (ЦГИА СПб. Ф. 14) не отложилось по этому поводу совершенно никаких документов.

Помимо многочисленных противоалкогольных изданий Булгаковский в 1903 году написал и издал специальную брошюру против карточных игр – «Что такое карточные азартные игры?»³⁰³. Составлена она была под впечатлением рассказов, которые ему довелось «недавно услышать» о тяжелых последствиях карточных игр. Особенно его поразил размах увлечения картами в провинции, где «от нечего делать» за игрой проводили дни и ночи. Ему захотелось сказать картежникам, что они занимаются не только пустым и недостойным серьезного человека развлечением, но и «заслуживающим глубокого порицания». В своей брошюре писатель постарался доказать крайнюю безнравственность карточных азартных игр, ставя целью «предупредить тех, кто еще не успел окунуться в эти игры».

³⁰¹ Там же. Л. 11.

³⁰² ИРЛИ РАН. Ф. 377 (С.А. Венгерова). Оп. 7. Д. 651. Л. 1 об.

³⁰³ *Булгаковский Д.Г.* Что такое карточные азартные игры? – СПб.: Сенатская тип., 1903. – 36 с.

В описываемое время карточные игры действительно практически вытеснили собой все невинные развлечения, которыми занимали себя многие для приятного времяпрепровождения и отдыха. «Кто теперь не играет в карты? – писал Булгаковский. – Играют старые и малые, родители и дети, пастыри и их пасомые. <...> По нашему мнению, карточные игры нетерпимы уже по одному тому, что к ним легко привыкают, ими незаметно увлекаются, игроки доходят до страсти, а где страсть, там и беда»³⁰⁴. В брошюре он постарался в убедительных красках показать все зло, происходящее от азартных карточных игр. Как отнимают они массу времени, незаметно скрадывая время жизни, вызывают в играющих зависть, раздражительность, обман, споры, пререкания, ссоры даже между самими близким людьми. Часто игры сопровождаются винопитием, незаметно приучая человека к алкоголю. «Карты – вину братья», «карты хмель любят», – подмечено народом. Огромный вред причиняют картежники и своим семьям, разоряя и разрушая их.

В подтверждение своих слов Булгаковский привел высказывания святых отцов, осуждающих карточные игры наравне с воровством и лихоимством, а человека, преданного им, считающих чуждым христианской жизни и Богу. «Игрок кум вору», – говорит и народная пословица.

Особое внимание автор уделил предостережению от увлечения карточными играми священнослужителей, которые по своему высокому призванию должны воздерживаться даже от самых невинных удовольствий и развлечений. Наряду с выдержками из Священного Писания о высоте и ответственности пастырского служения, он привел апостольские правила и постановления Вселенских Соборов, в которых клирики и миряне самым строгим образом предостерегаются от карточных игр, а замеченные в них подвергаются суровым церковным наказаниям.

³⁰⁴ Булгаковский Д.Г. Что такое карточные азартные игры? – СПб.: Сенатская тип., 1903 – С. 6.

В заключение автор привел несколько рассказов из жизни о том, что может делать с людьми страсть к карточной игре. Рассказы написаны очень живо и впечатляюще. Здесь бывший красавец-офицер, превратившийся, благодаря картам, в нищего-пропойцу, чиновник-самоубийца, погубивший через карты свою жизнь и жизни своих близких, священник с академическим образованием, некогда ревностный и идейный пастырь, забывший за картами свой пастырский долг и ставший дурным примером для окружающих. Судя по рассказам, Булгаковский лично знал каждого из указанных персонажей.

Прекрасно составленная брошюра не могла оставить читающего равнодушным.

На титульном листе ее имелось посвящение: «Екатерине Александровне Арбузовой». Кто была эта женщина, выяснить не удалось.

О карточных играх Д.Г. Булгаковский впоследствии выпустил еще одну брошюру – «Не беда ли?»³⁰⁵.

Продолжая свою литературную деятельность, он в 1903 году опубликовал роман из московской жизни 70-х годов XIX века – «Близнецы»³⁰⁶, в котором с осуждением изобразил предающуюся кутежам московскую аристократию. С.А. Венгеров относит этот роман к выдающимся произведениям автора, но мы не будем останавливаться на нем подробно.

В том же году вышел составленный Д.Г. Булгаковским сборник «Сила Всевышнего. Собрание рассказов о чудесах и знамениях Божиих, явленных в разное время в жизни праведных и грешных людей и душеполезные размышления о путях Провидения Божия»³⁰⁷.

Надо отметить, что многие его издания, особенно народные брошюры религиозно-нравственного, противоалкогольного и патриотического содержания, многократно переиздавались, что свидетельствовало об их популярности. Например,

³⁰⁵ Булгаковский Д.Г. Не беда ли? – СПб., 1912.

³⁰⁶ Булгаковский Д. Близнецы. Роман в 2-х ч. – СПб.: Типо-лит. В.В. Комарова, 1903.

³⁰⁷ Булгаковский Д.Г. Сила Всевышнего. Собрание рассказов о чудесах и знамениях Божиих, явленных в разное время в жизни праведных и грешных людей и душеполезные размышления о путях Провидения Божия. – СПб., – 1903.

брошюра «Во время войны. Что должен помнить и делать русский народ?»³⁰⁸, приуроченная к событиям русско-японской войны, только в течение одного 1904 года была переиздана шесть раз. Вот что писал о ней упоминавшийся выше профессор А. А. Бронзов: «Почтеннейший Д. Г. Булгаковский неутомимо трудится по части просвещения нашего темного люда, издавая книжку за книжкой. Особенно много сделано им для отучения народа от пьянства. Непрерывная борьба его с пьянством — несомненно, одна из лучших страниц в жизни трудолюбивого автора — страниц, какими каждый смело мог бы гордиться. В настоящее время перед нами пятое издание брошюры автора, касающейся “войны” и то, “что должен делать и помнить русский народ в это время”. Написанная с большой любовью к делу, с глубоким патриотическим чувством, книжка естественно получила одобрение со стороны Министерства Народного Просвещения, как полезная для ученических библиотек наших училищ, для бесплатных народных чтений; к этой рекомендации прибавить уже нечего. Остается только пожелать, чтобы почтеннейший автор и впредь продолжал столь же благотворно трудиться на избранном им преполезном поприще»³⁰⁹.

Хочется к слову привести здесь отрывок еще из одного отзыва, напечатанного в «Русском Паломнике» на брошюру «Как я перестал пить»³¹⁰. Вот что, в частности, говорилось в нем: «Написанная искренне, правдиво, безукоризненная и даже изящная с внешней стороны, означенная книга господина Булгаковского производит в высшей степени симпатичное впечатление»³¹¹.

5 июля 1905 года в Петербурге скончался известный столичный священник Александр Васильевич Рождественский, при жизни называемый современниками апостолом

³⁰⁸ *Булгаковский Д. Г.* Во время войны. Что должен помнить и делать русский народ? — Изд. 3-е. — СПб.: Тип. Артели печатного дела, 1904. — 15 с.

³⁰⁹ *Бронзов А., профессор.* Библиография. Брошюры Д. Булгаковского // *Русский Паломник.* — 1904. — № 14. — С. 246.

³¹⁰ *Булгаковский Д. Г.* Как я перестал пить. — СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1906. — 24 с.

³¹¹ *Русский Паломник.* — 1906. — № 45. — С. 722.

трезвости. Это именно он в 1898 году основал в Петербурге при Воскресенском храме у Варшавского вокзала знаменитое Александро-Невское общество трезвости, насчитывавшее ко времени кончины его основателя более 70 тысяч членов. С самого начала существования общества его деятельностью стал интересоваться и бывать в нем отец Дмитрий Булгаковский. Правда, сначала он не ко всему относился одобрительно. Например, когда отец Александр пригласил его присутствовать во время принесения одним из членов общества клятвенной присяги о полном воздержании от спиртных напитков, Булгаковский назвал такую присягу «кошунством». Несколько негативно на их отношения повлиял «скандальный» доклад Булгаковского о роли православного духовенства в борьбе за народную трезвость. Во время обсуждения его в Комиссии по вопросу о борьбе с алкоголизмом одним из наиболее убежденных противников доклада тогда как раз и выступил отец Александр Рождественский. Однако отношения между этими двумя тружениками на ниве народного отрезвления впоследствии сложились хорошие и носили дружеский характер. К сожалению, отец Александр рано ушел из жизни, ему было всего 32 года. Булгаковский очень почитал его и так же как когда-то под впечатлением ранней смерти доктора Н.П. Васильева издал в его память брошюру о важности поминовения усопших. Брошюра эта под названием «Молись за умерших»³¹² по содержанию была почти такая же, как и «Память о покойниках». На титульном листе ее имелось посвящение: «Памяти незабвенного ревнителя трезвости о. Александра Рождественского».

Уже в ближайшие годы после снятия Д.Г. Булгаковским священнического сана заметно пошатнулось его материальное положение. Лишившись пенсионного пособия, выдаваемого ему духовным ведомством, и не состоя нигде на службе, он начал постепенно терпеть нужду. Его литературные труды, несмотря на их многочисленность, не давали достаточных средств к жизни. Дошло до того, что он не имел порой даже

³¹² Булгаковский Д.Г. Молись за умерших. – СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1906. – 24 с.

самого необходимого, будучи вынужден влачить полунищенское существование. Под давлением стеснительных обстоятельств, чтобы хоть как-то поддержать себя, писатель распродал «разным книгопродавцам по самым ничтожным ценам все свои издания, в полную их собственность».

В начале 1907 года он не имел даже средств оплачивать комнату (Греческий пр., 27, кв. 20), в которой ютился. Такое положение заставило его обратиться за материальной помощью в Постоянную комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Императорской Академии Наук. В предреволюционной России это была одна из крупнейших благотворительных организаций. Образована она была в 1895 году с целью «приема и рассмотрения ходатайств нуждающихся ученых, литераторов и публицистов, равно и их вдов и сирот о производстве им денежных пособий и пенсий»³¹³. Пособия просителям, в случае положительного решения комиссии, выдавались трех видов: единовременные, рассроченные и специально утвержденная пенсия имени Императора Николая II.

14 февраля Д.Г. Булгаковский подал на имя председателя комиссии Петра Васильевича Никитина прошение, в котором кратко описал свое плачевное материальное и физическое состояние. «За последние четыре года я стал терпеть тяжелые материальные нужды и лишения. В данный момент даже не имею возможности оплачивать 15-ти рублевую комнату. По своему здоровью и летам не могу больше своими трудами поддерживать свое существование», – писал Булгаковский, обращаясь в комиссию с просьбой выделить ему рассроченное пособие³¹⁴.

Комиссия удовлетворила ходатайство обедневшего писателя и выделила ему 30 рублей в качестве аванса.

Однако уже через полтора месяца, 3 апреля, Булгаковский вынужден был обратиться в комиссию с новым прошением о материальной помощи. «Крайняя нужда в посторонней поддержке, – писал он председателю комиссии, – заставляет меня

³¹³ Правительственный Вестник. – 1895. – № 11.

³¹⁴ ИРЛИ РАН. Ф. 540. Оп. 2. Д. 1271. Л. 2.

снова обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбой. Помимо многих лишений, начиная с недоедания, я всю эту зиму страдал от острого суставного ревматизма, который лишил меня всякой возможности заниматься чем бы то ни было. Вследствие чего, здешний градоначальник просил директора Старорусских минеральных вод предоставить мне право бесплатно воспользоваться с 1 мая минеральными водами. Право это мне предоставлено и выслано на этот предмет свидетельство, от 23 февраля за № 40»³¹⁵. Проситель пояснял далее, что не может воспользоваться предложенным ему лечением, так как не имеет денежных средств на дорогу и содержание в Старой Руссе, хотя содержание там было довольно дешевым – 30 рублей в месяц за проживание и стол. Булгаковский знал это, так как пять лет назад уже лечился там от ревматизма.

Старая Русса – уездный город Новгородской губернии, славился своими соляными источниками и грязями. Еще со времен графа А.А. Аракчеева там был устроен курорт. Водой из местных источников пользовались как для питья, так и для ванн. Также в лечебных целях использовали грязевые ванны, для которых было специально устроено семь роскошных зданий. Здесь успешно лечили многие болезни, и в частности хронический суставной ревматизм.

«Мне некуда и не к кому обратиться со своею нуждою, – писал Булгаковский, – и единственная надежда на Постоянную Комиссию, которую убедительнейше прошу не бросить меня на произвол судьбы»³¹⁶. Однако комиссия отклонила просьбу, мотивируя свой отказ «недавней выдачею» денег просителю.

25 апреля Булгаковский снова побеспокоил Постоянную комиссию просьбой. «В настоящее время я решаюсь повторить, – писал он, – что по случаю острого суставного ревматизма мне необходимо, по совету врачей, отправиться в Старую Руссу для лечения. Вследствие чего, убедительно прошу Постоянную Комиссию не отказать мне в этот раз в пособии,

³¹⁵ Там же. Л. 5–5 об.

³¹⁶ Там же. Л. 5 об.

без которого не могу воспользоваться лечением»³¹⁷. Но и на это прошение ему было отказано «по недостатку средств».

Так и не смог Булгаковский воспользоваться предложенным ему и столь необходимым лечением.

Несмотря на болезненное состояние, писатель, тем не менее, продолжал по мере сил свои литературные труды. В 1908 году он начинает сотрудничать с новоучрежденным противоалкогольным журналом «Трезвые Вскходы»³¹⁸, издававшимся протоиереем Владимиром Павловичем Галкиным и священником Михаилом Владимировичем Галкиным (после революции порвал с Церковью и вел активную антирелигиозную деятельность. – Г.Щ.)³¹⁹.

Редакция уведомляла своих читателей, что журнал издается при постоянном участии протоиерея В.П. Галкина; священников Г.С. Григоровского и М.В. Галкина; Д.Г. Булгаковского, Е.Н. Поселянина, Е.А. Вороновой, Г.Т. Северцева-Полилова, Н.П. Смоленского, Д.И. Боголюбова, А.А. Клавина, П.П. Бельтюкова и др.

В первый год издания журнала Булгаковский поместил на его страницах несколько небольших рассказов, которые издал впоследствии отдельными брошюрами: «Терзание одно»³²⁰, «Жалость взяла»³²¹, «Касьяновы выселки»³²², а в 1911 году рассказ «Порождения ехиднины» о тайной продаже спиртных напитков³²³.

³¹⁷ ИРЛИ РАН. Ф. 540. Оп. 2. Д. 1271. Л. 6.

³¹⁸ Трезвые всходы – ежемесячный литературный журнал. СПб., 1908–1914. Редактора-издатели протоиерей В.П. Галкин, священник М.В. Галкин. Приложения: 1910 – Народное чтение № 1 (янв.); 1910 – проповеднические листки «Слово жизни», «За трезвость!»; 1910–1911 – календари трезвенника; 1911 – журнал «Народная трезвость».

³¹⁹ С 1922 г. работал старшим помощником редактора газеты «Безбожник» и секретарем председателя Антирелигиозной комиссии Е.М. Ярославского.

³²⁰ Булгаковский Д.Г. Терзание одно (рассказ) // Трезвые Вскходы. – 1908. – № 3. – С. 1–9.

³²¹ Булгаковский Д.Г. Жалость взяла (рассказ) // Трезвые Вскходы. – 1908. – № 4. – С. 23–39.

³²² Булгаковский Д.Г. Касьяновы выселки (рассказ) // Трезвые Вскходы. – 1908. – № 5. – С. 62–74.

³²³ Булгаковский Д.Г. Порождения ехиднины (О тайной продаже спиртных напитков) // Трезвые Вскходы. – 1911. – № 2. – С. 66–73.

VI

В стороне от жизни

В 1909 году вышла книга Д.Г. Булгаковского «В стороне от жизни»³²⁴ – повесть из жизни современного духовенства, в которой на основании личных переживаний он описал драму священника, снимающего с себя сан.

В годы оживления народного самосознания и роста общественного движения начала XX века снятие сана по идейным соображениям стало своеобразным знаменем времени. Участвовавшие случаи отказа от сана в это время встречались не только среди белого духовенства, но и в монашеской среде. Это явление стало находить свое отражение и в литературе. Так, в 1905 году известный беллетрист-бытописатель, в прошлом священник, снявший с себя сан С.И. Гусев-Оренбургский в своей повести «Страна Отцов» затронул этот вопрос. Один из его героев, отец Иван Гонибесов, перерождающийся из батюшки-хозяйственника в активного народолюбца, решает принципиально расстаться со своим званием. Однако если в повести С.И. Гусева-Оренбургского вопрос снятия сана по идейным побуждениям затрагивался эпизодически, то Д.Г. Булгаковский разработал его детально, посвятив ему исключительно все произведение.

Как «Страна Отцов», так и повесть «В стороне от жизни» написаны под влиянием общественного подъема, происходившего в годы первой русской революции. Причем Булгаковский, кажется, пытался найти ответ, куда же должно пойти и куда пойдет духовенство в народном движении за преобразование жизни. Будет на стороне народа или правительства?

Фон повести – духовная среда. Главный герой – молодой священник Павел Воскресенский – искренний, ревностный, энергичный пастырь, но в то же время идеалист, увлеченный

³²⁴ Булгаковский Д.Г. В стороне от жизни. Повесть из жизни современного духовенства. В 2-х ч. – СПб.: Тип. «Народная Польза», 1909. – 114 с.

социальными идеями. Остро чувствующий необходимость перемен в «привычном» укладе жизни духовенства, он пытается найти себя в активной деятельности по преобразованию народной жизни. Свою пастырскую программу, выработанную еще в годы учебы в семинарском кружке, отец Павел определяет так: «Вмешаться в самую гущу жизни во всех ее страданиях».

Однако со своими идеалистическими устремлениями отец Павел выпадает из окружающей его сословной среды. Рядом с ним мы видим целую галерею типов: молодой священник Дмитрий Троицкий, недавно только окончивший семинарию, целиком погряз в заботах о том, как бы получше устроиться, получить подорожное приходя и обзавестись «зоологией»; священник Евгений Исполатов, всей душой отдавшийся конезаводству, и др.

Разность взглядов и идеалов неминуемо приводит отца Павла к столкновению, а затем и к разочарованию. Он все больше убеждается, что духовенство «дейтельно стоит в стороне от жизни». Объясняя это свое наблюдение священнику Евгению Исполатову, он говорит: «Духовенство обычно занято одною религиозно-нравственною стороною своих прихожан. Между тем люди живут далеко не одним религиозным культом. Мы видим, например, как свирепо и неистово врываются в человеческую жизнь стихийные силы природы и приносят людям разного рода бедствия. С этими враждебными силами весь народ, все человечество ведет неустанную борьбу за жизнь и счастье. Только одни представители религии равнодушно стоят в стороне от всех борцов. Везде натиск, напряжение сил, а у священника мертвые слова, вроде наиздания: “о пользе страданий, о терпении, о кротости”. А всего ужаснее, что пастырь Церкви пытается уверять людей видеть в стихийных бедствиях благо, посылаемое человеку небесным провидением». На вопрос своего собеседника о том, что же, по его мнению, должен делать пастырь, отец Павел отвечает: «Ему надо идти рука об руку со светскими борцами,

с людьми реальной работы, техники и науки»³²⁵. Это было твердым убеждением и самого Д.Г. Булгаковского.

Встречаясь с соседними священниками и все больше присматриваясь к их отношению к прихожанам и пастырской деятельности, отец Павел Воскресенский видел в своих собратях «совсем не то настроение, какое было у него, не те порывы, какими болела его душа, и убеждался, что он и его товарищи служат разным богам».

Под влиянием такого настроения у него возникает общий вопрос об осуществлении христианских идеалов в жизни. Он вдруг ясно сознал, «что христианство далеко ушло от жизни, что пастыри превратились в требоисполнителей, что между ними и пасомыми нет почти никакой связи». Под впечатлением сознанного он публикует в местном духовном журнале энергичную статью под названием «Христианство и жизнь». В ней он «во всей наготе» ставит перед читателями вопрос «об отношениях между собой непримиримых идеалов – земных и Евангельских», указав, что двуличное решение этого вопроса, «практикуемое представителями религии, подрывает доверие к Церкви Христовой в самом ее корне».

В то же время несочувствие к его общественно-приходской деятельности со стороны духовной и светской власти, и даже прямое преследование, вызывают в нем еще большее разочарование в священническом служении в принципе, и, в конце концов, приводит к решению о снятии сана.

Однако отец Павел при всем своем искреннем желании «вмешаться в самую гущу жизни» не совсем верно понимает цели и задачи священнического служения. Именно в этом и кроется главное внутреннее противоречие, приведшее его к кризису.

Между тем решение принято, и уже ничто не может остановить отца Павла в его желании отказаться от священства, ни доводы официального увещателя, ни уговоры и слезы

³²⁵ Булгаковский Д.Г. В стороне от жизни. Повесть из жизни современного духовенства. В 2-х ч. – СПб.: Тип. «Народная Польза», 1909. – С. 13–14.

родных, ни даже письмо праведного Иоанна Кронштадтского. Он оставляет сан.

В повести показано столкновение привычных сословных представлений о пастырстве и новых веяний, начавших проникать в духовную среду. Столкновение приводит к ломке, а где ломка, там неизбежно борьба и страдания.

В своей повести Булгаковский пытается также обратить внимание на такие проблемы, как безразличие представителей духовенства к вопиющим социальным проблемам, а скорее даже беспомощность в отношении решения их. Указывает на отдаленность архиерея от духовенства и паствы, унижение духовенства со стороны светской власти (чиновников, законов) и пр. Любопытно мнение героя о церковно-приходских школах. Вопрос «Оставить ли школы в ведении духовного ведомства или передать в ведение Министерства народного просвещения?» довольно бурно обсуждался в начале XX века. Мнения, как в правительственных, так и церковных кругах, высказывались разные. Одну из позиций, причем довольно категоричную, выражает отец Павел Воскресенский. «Помоему, – говорит он своей супруге, – прежде всего, самые школы эти следовало бы давно если не совсем закрыть, то непременно присоединить к министерским, а еще лучше к земским. Ты знаешь, когда заведены были церковно-приходские школы, архиереи внушали духовенству, что только из этих школ разливается истинный свет просвещения, согласный с духом Христовой Церкви и русской народности. И духовенство этому верило, сочувствовало их росту и содействовало их распространению. Между тем, что это за школы? Это снотворные этапы, своего рода громоотводы народного самосознания на пути его развития. Они придуманы Победоносцевым в тех целях, чтобы ими заглушить зарождающееся в народе самосознание. Это кадры черносотенцев»³²⁶.

В повести вместе с тем вскрываются пороки, ставшие обычным явлением в духовной среде того времени, такие,

³²⁶ Булгаковский Д.Г. В стороне от жизни. – С. 85–86.

как винопитие, курение, сословная замкнутость, излишнее увлечение материальной стороной жизни. Вот одна из картин праздничной посиделки духовенства: «Вечером продолжалось угощение. Становилось шумно. Почти все обращались друг к другу фамильярно, хлопали один другого по плечу, говорили на “ты”, прозрачно намекая на разные скандалы. Раздавались восклицания: “Черт тебя побери!”, “Ах, ты жулик!”. Наряду с этим повторялись дружеские воззвания: “Дорогой, уважь! Выпьем! Чокнемся!”... Громко хохотали, много курили; слышались шутки, остроты; кто-то запел: “Среди долины ровныя...”»³²⁷.

Среди героев повести, наряду с духовными лицами, постоянно присутствуют представители сельской интеллигенции – агроном, доктор, сельские учителя. Эти персонажи революционно настроены, довольно резко критикуют и обвиняют духовенство.

Любопытна заключительная часть повести. На сцене вместе с оставляющим духовное поприще отцом Павлом Воскресенским появляется будущий деятель на том же поприще, духовно совершенно чудовищный тип – академист Василий, сын диакона Никодима, одного из персонажей. Прагмат и циник, он безо всякого стеснения обосновывает свою будущую пастырскую деятельность на чисто коммерческих началах. «Никаких я взглядов, собственно говоря, не держусь, – разглагольствует Василий, – и от всяких идеалов Бог меня избавил. Я гораздо проще смотрю на дело. Народу нужен поп, вот я на днях восприяв благодать священства, и буду предлагать ему свои услуги, и за его счет жить. Тут, как видите, полюбовная сделка». Подобные рассуждения вызывают изумление и недоумение у присутствующих. Однако на вопрос попадьи, как он с такими взглядами решается быть священником, академист с насмешливой улыбкой отвечает: «Поощадите, мать честная. Отчего же мне, скажите, и у престола Божия не стоять вместе с вашим благоверным супругом, ведь мы с ним одного поля

³²⁷ Булгаковский Д.Г. В стороне от жизни. – С. 15.

ягоды. Только он обслуживает свою должность с разными аксесуарами, а я собираюсь играть свою роль без таковых, и более упрощенным темпом, но результат у меня будет с ним один и тот же. Говорю я немного грубовато, но зато не виляю хвостом»³²⁸.

И в этом особенный трагизм ситуации: идеалист Павел Воскресенский оставляет священство, а на его место приходит безыдейный циник Василий.

Булгаковский обращает внимание на назревший кризис, он предчувствует и близящуюся развязку. «Видимо, хлынула новая волна, которая одних потопит, а других вынесет наверх», – с грустью говорит один из его героев, после беседы с академиком Василием.

Писатель Борис Глинский, хорошо знавший Булгаковского, писал в «Историческом Вестнике» в своем отзыве на эту книгу: «Повесть написана, как видно, рукой человека, близко знающего вообще жизнь духовенства и испытавшего на себе многое из того, что выпало на долю его героя, почему не будет большой ошибкой предположить, что повесть “В стороне от жизни” есть в значительной мере произведение автобиографическое»³²⁹. Сам Булгаковский через десяток лет писал одному из своих знакомых об этой повести: «...в ней я о себе писал»³³⁰.

Тем не менее, несмотря на определенную автобиографичность произведения, его героя не следует напрямую отождествлять с Д.Г. Булгаковским. Автор, безусловно, во многом сочувствует своему главному персонажу, влагает в его уста собственные представления, мысли. Но герой его все же значительно идеализирован и по времени относится к другому поколению священников. Безусловно, искреннее желание целиком посвятить себя служению ближним объединяет их обоих.

³²⁸ Булгаковский Д.Г. В стороне от жизни. – С. 110.

³²⁹ Б[орис] Г[линский]. Отзыв на книгу «В стороне от жизни». Повесть из жизни современного духовенства в 2-х частях. Д.Г. Булгаковского. СПб. 1909 г. // Исторический Вестник. – 1909. – № 6. – С. 1066–1068.

³³⁰ РГИА. Ф. 1628 (Голубинский Е.). Оп. 1. Д. 534. Л. 1.

Наверно, общая черта автора и его героя – принципиальность. Булгаковский, скорее, один из тех, кто окружал отца Павла Воскресенского, сочувствуя его устремлениям (священники Николай Чистосердов, Максим Покровский), но не он сам. Единственное, что в повести, безусловно, автобиографично – это переживания и размышления ее героя, связанные со снятием сана.

Написанная на живом материале, повесть изображает правдивую картину жизни своего времени. Поэтому интересна она не только в бытовом, но и в историческом плане.

Во время издания книги произошла серьезная ошибка наборщиков: половина глав из первой части выпала, а вместо них была набрана половина глав из второй части (дважды). Из-за этого получилась сюжетная путаница, сразу в которой не разберешься. Несмотря на это Булгаковский более не пытался переиздавать повесть в исправленном виде.

Определенным продолжением идей, высказанных Булгаковским в повести устами отца Павла Воскресенского, стала изданная им в скором времени брошюра «Путь к свету»³³¹, представляющая собой очерк народного образования в разных странах. Объясняя читателю естественность человеческих устремлений к счастливой жизни, обуславливающих развитие культуры, науки и вообще цивилизации, автор указывал на огромную как бытовую, так и нравственную пользу образования человека. «При свете науки, – писал он, – чем больше человек изучает самого себя, т.е. те законы, по которым живет его тело, и чем глубже проникает в свою душу, постигая все ее движения и проявления, тем лучше ценит он и понимает как собственную жизнь, так и жизнь других. Он делается более совершенным, лучшим, душа его становится мягче, добрее, он уже перестает быть “волком” для другого, а делается ближним, братом»³³². Изучение окружающего мира открывает перед человеком его красоты, дает понимание, что все в нем делается

³³¹ Булгаковский Д.Г. Путь к свету. Из летописи народного образования в разных странах и в России. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – 32 с.

³³² Там же. – С. 5.

по известным законам, и человек уже не думает, «что гром гремит от разездов на огненной колеснице пророка Илии по небу». Человек уже знает, что его благосостояние зависит не от судьбы или какого-то доброго или злого рока, а от собственной энергии, его силы воли, его предприимчивости, его разумного отношения ко всему тому, что составляет потребность его бытия и всей человеческой жизни. При свете науки человек знает как вести борьбу с грозными стихиями природы, знает, что сопротивляться им не только не грех, но и необходимость. «Он уже знает, – продолжает Булгаковский, – как вступить в борьбу с разными невзгодами, вроде эпидемических болезней, знает, что надо делать, когда нападают на поля вредные насекомые, знает, что во время тех или других общественных бедствий – наводнений, засух, градобитий, неурожаев недостаточно одних умиловительных церковных молебнов с кадильным дымом и св. водою, а необходимо при этом вступить в борьбу со всеми невзгодами»³³³.

Именно поэтому многие страны мира и стремятся, говорит он, как можно больше распространить образование в народе, затрачивая на это огромные материальные средства. Англия, Америка, Япония, Германия, Франция, Швейцария, Швеция, Норвегия, Италия – все эти государства прилагают большие усилия к тому, чтобы поставить народное образование на высокую ступень, сознавая, что именно на нем зиждется благосостояние народа и государства.

Обрисовав положение народного образования в указанных странах, Булгаковский приходит к неутешительным выводам в отношении России. Везде спешат распространить народное образование, в том убеждении, что «ученье – свет», а «не ученье – тьма», что жить во тьме тяжело, что из тьмы идут к человеку все беды и несчастья, и потому всеми силами стараются разогнать тьму, и только в России не спешат к свету. «Тут точно боятся, как бы свет учения не повредил глазам, и людям не пришлось бы еще больше бедствовать»³³⁴.

³³³ Булгаковский Д.Г. Путь к свету. Из летописи народного образования в разных странах и в России. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – С. 6.

³³⁴ Там же. – С. 29.

В России состояние народного образования было действительно несравнимо хуже, чем в названных странах. Здесь, например, не было ни одного народного университета, как в других государствах, бедны были народные библиотеки, а в деревне вообще чувствовался вопиющий книжный голод. В сельских школах не только не хватало книг для чтения, но даже учебных пособий. Заграничные университеты в летнее время открывали для народа свои аудитории, лаборатории, музеи, библиотеки, устраивали летние курсы, в России же ничего подобного не было.

Несравнимо лучше за рубежом было поставлено учебное дело в плане обеспечения школ помещениями, учебными пособиями, содержанием. Учителя там получали жалование в переводе на русские деньги в среднем от 75 до 125 рублей, а в России 10 и в редких случаях 30–50 рублей. «Там население относится к учителю с полным доверием и любовью, – писал Булгаковский, – считает его чуть ли не первым человеком среди себя, а у нас какой-нибудь полуграмотный писарь, старшина и сельский староста относятся к нему до того неуважительно, что заставляют его стоять в волостном правлении, когда он приходит туда за жалованием или с каким заявлением. Там учитель всегда жизнерадостный и доволен своею общественной деятельностью, а у нас учитель ноет и при первом удобном случае бежит на другую должность, хотя бы в винную казенную лавку»³³⁵.

Несравнимо разнилась и забота о здоровье школьников. Если в заграничных школах много внимания уделялось школьной гигиене, то в русских школах, нередко в общежитиях, устроенных при школах, дети «спали на сыром холодном полу, в грязи, как поросята».

Булгаковский констатировал, что в других странах школа развивает в своих питомцах предприимчивость, самостоятельность, сознание человеческого достоинства, старается привить им любовь к книге, чтобы они и по окончании школы

³³⁵ Булгаковский Д.Г. Путь к свету. – С. 30.

продолжали свое самообразование. Поэтому дети там после окончания низшей школы спешили поступить в среднюю, а затем переходить в высшую. Русская же школа, по его убеждению, «своим неумелым ведением дела» не только не развивала любви к книге, но «отравляла все лучшее, данное ребенку природой». Он писал, что нередко приходится встречать такого рода явления, когда ребенок, спустя четыре-пять лет после окончания школы, вовсе забывает грамоту и на вопрос, грамотен ли он, не знает что ответить. У него в продолжение этого времени ни разу не было в руках книги, и не потому, что негде было достать, а потому, что школа не привила ему любви к чтению.

За границей, по словам Булгаковского, школа старалась дать верный взгляд на жизнь, обогатить своих питомцев необходимыми знаниями, что вызывало расположение к ней со стороны родителей. В России же, напротив, родители с неохотой отдавали своих детей в школу, так как не видели особой разницы между грамотными детьми и неграмотными. «Там стараются понимать жизнь учеников, — продолжал он, — а у нас это считается лишним, а в некоторых случаях и опасным, пожалуй, по доносу урядника или жандарма, учителю не обратиться от неприятностей. Так что учитель у нас сам по себе, а ученик сам по себе. Там учат для жизни, а у нас для экзаменов и годовых отчетов»³³⁶.

В качестве иллюстрации различного отношения к народному образованию автор указал, сколько денег выделяется на образование во Франции, Германии, Англии, США и сколько в России. Привел также статистику, сколько грамотных приходится на 100 человек в указанных странах и сколько у нас, и сколько газет приходится на каждые 100 человек. Цифры были разительные. Так, например, в названных странах на 100 человек приходилось 92, 98, а иногда и 100 % грамотных, тогда как в России на 100 человек только 22.

³³⁶ Булгаковский Д.Г. Путь к свету. — С. 31–32.

«Как мы, несчастные, страшно отстали от других! – восклицал он. – Что же делать? Догонять других! Употребить все силы, все средства стремиться к свету – единственному источнику всех благ. Надеяться на постороннюю помощь не стоит больше; только от самих себя надо требовать героических подвигов, самим налечь на работу. Работать и сообща, работать и в одиночку, только работать, работать над своим духовным просвещением, чтобы прозреть и другими глазами увидеть себя и все вокруг себя»³³⁷.

Удивительно! Как много и как мало изменилось с того времени у нас в отношении к образованию.

³³⁷ Там же. – С. 32.

VII

С НОВЫМИ СИЛАМИ

В феврале 1910 года Д.Г. Булгаковский снова обратился в Постоянную комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам с просьбой о выделении ему единовременного пособия на проезд и содержание в Старой Руссе, где ему «крайне необходимо» было полечиться от острого суставного ревматизма. Писатель сетовал, что хотя он в свое время и получил бесплатный билет на лечение, однако к величайшему своему несчастью не смог воспользоваться им, не имея средств на проезд и содержание в лечебнице. Он указывал, что на два месяца ему требуется всего лишь 60 рублей. «Билет этот у меня до сего времени сохранился, — писал он, — и Правитель Канцелярии градоначальника сообщил мне, что он не потерял своей силы, так как градоначальник обещал переменить его»³³⁸. В частности, Булгаковский сообщал, что ревматизм «особенно» мучил его в прошлом 1909 и текущем 1910 годах.

На этот раз комиссия удовлетворила просьбу бедного писателя. Ему было выдано пособие на два месяца по 30 рублей «с выдачей их в мае и июне»³³⁹.

Благодаря этому Булгаковский наконец-то смог выехать на лечение в Старую Руссу, что видимо, помогло ему поправить расстроенное здоровье. Об этом можно судить по заметно возросшей работоспособности, позволившей ему в ближайшие годы написать и издать еще много новых книг и брошюр. Это был поистине неутомимый человек.

Несмотря на свой возраст, болезни и лишения, Д.Г. Булгаковский практически не знал отдыха в работе. Как-то один из его знакомых высказался о его поразительной энергии,

³³⁸ ИРЛИ РАН. Ф. 540. Оп. 2. Д. 1271. Л. 9 об.—10.

³³⁹ Там же. Л. 11.

несмотря на преклонные годы. На это писатель, улыбаясь, добродушно ответил: «Нечему удивляться, я ведь недавно вступил только в возмужалый возраст». А ему было тогда уже далеко за 60. Всегда жизнерадостный, по свидетельству современника, Дмитрий Гаврилович до невозможности ограничивал себя во всем в смысле житейских удобств. А когда замечали ему о его лишениях, он вспоминал свою первую Alma Mater – Орловскую духовную семинарию, говоря: «Она дала мне такой закал, благодаря которому мне везде и всегда хорошо»³⁴⁰.

Свидетельствуя о поразительной работоспособности Булгаковского, тот же современник сообщает, что отличительной чертой его деятельности было то, что на каждую работу писатель смотрел как на ученический урок, на приготовление которого назначал себе срок, и притом самый кратчайший, так что приходилось ему «делать из одного часа два», как он выражался. И когда заканчивал свою работу в назначенное время, то это чрезвычайно его радовало и служило «самым лучшим вознаграждением»³⁴¹.

В 1910 году вышел составленный Д.Г. Булгаковским «Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за все время их существования»³⁴², посвященный их 15-летней годовщине. В нем автор постарался показать, насколько эти учреждения, созданные Министерством финансов после введения казенной продажи питей, оправдали ожидания правительства и общества. В первой части очерка были представлены статистические данные по всем учреждениям Попечительств в каждой губернии Европейской России и Западной Сибири, а также подробно обрисована их деятельность. Особый интерес в этом издании представляли ответы комитетов

³⁴⁰ ИРЛИ РАН. Ф. 377 (С.А. Венгерова). Оп. 7. Д. 651. Л. 13.

³⁴¹ Там же. Л. 12 об.

³⁴² *Булгаковский Д.Г. Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за все время их существования (1895–1909 гг.).* В 2-х ч. Сост. по официальным источникам. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – 240 с.

Попечительств по специально составленной и разосланной автором анкете.

В рецензии на книгу, напечатанной в «Историческом Вестнике» говорилось: «К чести автора следует отнести беспристрастие, с которым он указывает и на отрицательные стороны Попечительств в их настоящем положении. Он собрал отзывы многочисленных комитетов народной трезвости и свидетельствует, что в народе мало заметно улучшение на пути к трезвости, а также мало заметно и то, чтобы прививались к нему здоровые понятия о вреде употребления крепких напитков»³⁴³.

Однако, несмотря на все несовершенства и затруднения в деятельности Попечительств, Булгаковский был уверен, что при существующих условиях жизни они крайне необходимы. Обращаясь к скептически настроенному читателю, он писал: «Вы увидите среди сельского населения тысячи чайных, тысячи библиотек, тысячи книжных складов, тысячи народных аудиторий, тысячи народных театров. И все эти тысячи учреждений, точно выросшие из земли, возникли благодаря заботам Попечительств. Благодаря им устроены во многих местах приюты для отречения, лечебницы для алкоголиков, постоянные дворы с ночлежными помещениями. Одних народных домов открыто несколько сот. До десяти тысяч пунктов устроено народных чтений, где собирается 200–700 человек на каждое чтение; а всего по России бывало в год десятки тысяч народных чтений, на которых перебывали миллионы поселян. Миллионы книг взято из библиотек; миллионы народу перебывало на одних народных гуляньях и спектаклях; миллионы провели время трезво в чайных. А сколько открыто воскресных школ и вечерних курсов, откуда вышли сотни тысяч получивших, кроме грамоты, разные прикладные знания? Сколько устроено светских и церковных хоров, оркестров? Ужели все

³⁴³ *Фаресов А.* Отзыв на книгу Д.Г. Булгаковского «Очерк деятельности попечительств о народной трезвости». СПб. 1910 // Исторический Вестник. – 1911. – № 1. – С. 337–340.

это носит показной характер и деньги потрачены казною напрасно?! Бесспорно, у Попечительств встречаются дефекты, но это нисколько не умаляет их высокого значения»³⁴⁴.

Автор признавался, что когда приступал к составлению очерка, то, «также как и другие, мрачно был настроен против Попечительств», думая, что вся история их существования выйдет у него «в бедных красках». Однако, чем больше пришлось разбираться, в материале, оказавшемся у него в руках, и чем больше он следил за их учреждениями на местах, тем глубже приходил к светлым выводам об их деятельности. «Я увидел, что Попечительства, – писал он, – несмотря на короткое время своего существования, сделали многое; без сомнения, будущая история по борьбе с народным пьянством, скажет о них: **“и их тут плуг был”**»³⁴⁵.

По словам «Исторического Вестника», этот труд был единственным в своем роде изданием, вышедшим «весьма своевременно», как раз тогда, когда обсуждался вопрос о передаче учреждений Попечительств из ведения Министерства финансов в ведение Министерства внутренних дел. Действительно, всесторонне характеризуя деятельность Попечительств о народной трезвости, очерк давал богатый материал для суждения о том, в чем следовало бы улучшить эту деятельность, и в какой мере Министерство финансов к этому более пригодно, нежели Министерство внутренних дел.

В 1911 году издатели журнала «Трезвые Выходы» протоиерей Владимир Галкин и священник Михаил Галкин начали выпускать еще один журнал – «Приходский священник», посвященный главным образом злободневной церковно-общественной проблематике. Журнал поднимал на своих страницах довольно острые темы. Среди лиц, принимавших в нем участие, столичных профессоров духовной академии и священнослужителей значился и Д.Г. Булгаковский.

³⁴⁴ Булгаковский Д.Г. Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за все время их существования (1895–1909 гг.). В 2-х ч. Сост. по официальным источникам. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – С. 237–238.

³⁴⁵ Там же. – С. 238.

В 12 номере журнала за 1911 год он опубликовал статью «Снятие сана»³⁴⁶, посвященную вопросу правовых ограничений, связанных со снятием духовного сана или звания. Дело в том, что вопрос об отмене таких правоограничений был поднят в 1907 году в Государственной Думе так называемой вероисповедной комиссией. Предложения комиссии тогда были следующие: 1) предоставить лицам, добровольно сложившим духовный сан или монашество, пользоваться всеми правами, принадлежащими им по происхождению и приобретенными образованием и службой до вступления в духовное звание, 2) возвращать чины и 3) время состояния на штатной духовной службе засчитывать в срок выслуги на пенсию. Рассмотрев проект, Дума приняла решение об отмене всех существующих правоограничений, как несоответствующих началам правового государства, «предоставив полную свободу к снятию духовного сана». Однако предложенный законопроект не был принят Государственным Советом, который высказался за сохранение некоторых ограничений для лиц, лишенных духовного сана или звания по церковному суду. Тогда при Государственном Совете была образована особая согласительная комиссия, которая стала на позицию сохранения некоторых правовых ограничений. Возмущенный таким «несправедливым и неправильным направлением» решения вопроса, известный канонист, член Государственного Совета протоиерей Михаил Горчаков, как «строгий сторонник и последователь права и справедливости», составил «Особое мнение», в котором доказывал необходимость полной отмены всякий правовых ограничений, связанных со снятием сана. К концу января 1911 года особая комиссия завершила свою работу. Изменения, внесенные в законопроект Государственным Советом, были приняты в комиссии целиком³⁴⁷. Составленное

³⁴⁶ Булгаковский Д. Снятие сана // Приходский священник. – 1911. – № 12. – С. 5–8.

³⁴⁷ Лица, лишенные сана или звания по суду духовному, не могли быть приняты в государственную службу – для священнослужителей и монашествующих в течение 3-х лет, а для дьяконов – в течение 2-х лет. Кроме того, сохранялись ограничения на проживание в местах прохождения духовной службы или звания.

и напечатанное «Особое мнение» отца Михаила Горчакова, к тому времени уже почившего, согласительной комиссией было проигнорировано³⁴⁸.

И вот в преддверии окончательного решения правительством этого наболевшего вопроса Булгаковский решил своей статьей привлечь к рассматриваемому вопросу внимание общественности. В ней он представил краткую историческую справку отношения церковных и гражданских властей в России к сложению священнослужителями сана и историю введения правовых ограничений. Поскольку главным апологетом этих ограничений со стороны церковной власти был митрополит Филарет (Дроздов), то автор привел критические возражения протоиерея Михаила Горчакова на доводы Московского святителя. Заимствованы они были из брошюры Горчакова «Особое мнение». Дельные, прекрасно аргументированные они не оставляли никаких сомнений в неправомерности и надуманности «обоснований» защитников введения полицейских кар к лицам, слагающим священный сан. В то же время они раскрывали подлинно церковный взгляд на эту проблему.

В завершение Булгаковский кратко осветил попытку решения этого «больного вопроса» в Государственной Думе. Заключение думской вероисповедной комиссии, по его мнению, были настолько интересны, что многие из них он привел дословно. Вот, например, как комиссия расценивала сохранение запрещения лицу, снявшему сан, оставаться на прежнем месте жительства: «Это будет равносильно высылке из пределов губернии и лишению возможности получить какой-либо заработок, всегда трудно находимый в незнакомой местности. Что же касается устранения возможности соблазна, то больший соблазн произойдет в таком случае, если человек, принявший священный сан необдуманно или по примеру родителей, либо в силу полученного специального образования, но без внутреннего призвания, будет вести себя несоответственно

³⁴⁸ *Панков А.* Несправедливый законопроект. (По поводу закона о последствиях лишения духовного сана) // Приходский священник. – 1911. – № 17. – С. 4–6.

своему высокому служению, хотя и не в такой степени, чтобы быть лишенным сана и подвергнуться связанными с сим правоограничениями, — будет исполнять свои обязанности не за совесть, а за страх. Несомненно, что страх подвергнуться ограничениям, которые по тяжести своей соответствуют уголовным карам, служит фактором, задерживающим освобождение Церкви от недостаточно высоких по своему достоинству служителей»³⁴⁹.

Комиссия также считала нецелесообразным запрещать въезд и жительство в столицах бывшим духовным лицам, которых не предполагается ограничивать в праве поступления на гражданскую службу. В противном случае выходило бы несоответствие: человек допускался к несению «ответственных обязанностей по государственному управлению» и в тоже время был неспособным для въезда или проживания в столицах, «хотя бы и по служебной командировке».

Комиссия высказалась и по поводу отношения к прежней службе лиц, оставляющих священство, как в духовном сане, так и гражданской службе до принятия сана. В этом вопросе она исходила из того, что с точки зрения государственной «необходимо признавать почтенной всякую полезную деятельность на всяком посту», а с точки зрения церковной считала полезным привлечь на служение лучшие силы и «обставить это служение насколько возможно хорошо». «Несомненно, — отмечала комиссия, — что человек, прослуживший более или менее значительное время на гражданской службе, получивший чины, с трудом может решиться принять духовный сан, если даже и чувствует склонность, так как в случае несчастья (смерть жены) или разочарования, если он выйдет из духовного звания или за какой-либо проступок будет исключен, ему не только не возвратятся те чины, которые он приобрел прежней службой и сложил при принятии духовного сана, но и служба в духовном ведомстве не будет зачислена в срок выслуги известного числа лет на пенсию». Отмечалось также,

³⁴⁹ *Булгаковский Д.* Снятие сана // Приходский священник. — 1911. — № 12. — С. 8.

что этот страх – видеть вычеркнутой целую полосу жизни – удерживает некоторых лиц в духовном сани, хотя бы они и считали себя недостойными и были «наемниками». «Однако, – замечала комиссия, – если человек и не стоит на той степени нравственной высоты, на которой должен находиться пастырь Христова стада, то это еще вовсе не значит, что он не удовлетворяет общегражданской нравственности, и поэтому с государственной точки зрения нет никакого основания лишать права или принудительно удерживать его в духовном сани, и этим, с одной стороны, причинять ему страдания, а с другой – не возвышать авторитета Церкви»³⁵⁰.

В марте 1911 года законопроект, предложенный особой комиссией Государственного Совета, снова обсуждался в Думе. Именно в ожидании государственного решения по этому вопросу и была опубликована Д.Г. Булгаковским рассматриваемая статья. «Чем кончится и скоро ли кончится этот вопрос, покажет ближайшее будущее», – завершал он свой очерк. Однако ближайшее время показало, что вопрос этот решен не был.

26 мая законопроект об изменении законов, ограничивающих права духовных лиц, добровольно сложивших с себя духовный сан или звание, или лишенных духовного сана или звания, был представлен Императору. Николай II на законопроекте собственноручно начертал: «Не утверждаю»³⁵¹.

Публикуя статью Булгаковского, редакция «Приходского священника» поспешила сделать пометку, что она не во всем согласна с мнением автора. «Помещаем ее, – писала редакция, – в надежде видеть в печати мнения наших сотрудников; ждем откликов читателей из провинции. Пусть мысли многих, при всем своем разнообразии, прольют луч света на этот жгучий и больной вопрос». Однако статья, как ожидала редакция, никакого особого резонанса не вызвала. Любопытное письмо по этому вопросу было прислано священником

³⁵⁰ Булгаковский Д. Снятие сана // Приходский священник. – 1911. – № 12. – С. 8.

³⁵¹ Государственная Дума и Государственный Совет // Приходский священник. – 1911. – № 21. – С. 13.

Тобольской епархии, несколько раз исполнявшим обязанности увещателя. Он сообщал, что в последнее время случаи снятия сана в епархии участились. Причем, если раньше из духовного звания выходили только вдовцы, то теперь слагали с себя сан и семейные. Главную причину этого автор письма видел в материальной необеспеченности духовенства, а также в общем укладе жизни. «Таксирование различных треб, – писал он, – звон металла, заглушающий иногда в храмах слова молитвы, а рядом с этим грубость наших крестьян, унижение, насмешки, а порой прямые издевательства над нуждой, над трагедией нашего “мирного жития”, цепи кулаков и мироедов, которые, как железные когти, охватывают тебя со всех сторон, давят каждый идеальный порыв, и, при всем этом, отсутствие поддержки сверху, – ах, это так тяжело, как трудно даже представить вам, живущим в столице»³⁵².

Автор корреспонденции прислал письмо священника, решившего сложить с себя сан. Обязанный увещевать своего собрата отказаться от этого намерения, он сам призадумался над грустной действительностью. Письмо это весьма примечательно, поэтому помещаем его в том виде, как оно было напечатано в «Приходском священнике». «Многоуважаемый о. Николай. <...> Вы просите откровенно сказать причину моего сложения сана. Рад поделиться. Причина одна. Хотелось бы много пользы принести, во всю развернуть свои идеальные порывы, отцом для крестьян быть... Много хорошего можно было бы сделать, о чем мы мечтали с женой, когда шли на приход... А теперь сил нет. Все убито... Нужда убила. Горе убило... Если бы не надо было думать о себе, своей семье, если бы проклятая утроба не требовала каждый день обеда, а совесть молчала бы, когда одна за другой отдавались позиции идеальных дум и мечтаний, если бы... Простите меня. Мятутся мысли. Мне так тяжело...

³⁵² *Священник из Сибири. Снятие сана // Приходский священник. – 1911. – № 18. – С. 8.*

Скажу одно... Эта грязная мошна, из которой с глубоким вздохом голыш, бедняк достает тебе, может быть, последний грош или пятак... И ты, пастырь, должен брать его, иначе не будешь сыт, – это заставляет дрожать как в лихорадке и все-таки дрожащей рукой я, сам нищий, сам голыш, брал этот грош... Не знаешь, что делать, куда деться и уходишь скорее от него, чтобы скорее прекратилась душевная пытка...

Говорить ли вам, о. Николай, о том, что не видели мы с моей милой, сейчас заболевшей Надюшей, никаких радостей, мы не могли позволить себе самых невинных удовольствий...

Она плакала. Пошли дети. Она еще больше плакала. А потом заболела, и вот уже второй год вижу, как на моих глазах тает мая любимая, родная свеча...

В первое время растерялся, а потом привык. Только пойду, когда ей хуже случается, прижмусь к ней головой и, верите ли, слезы на глазах, и сказать ничего не умею. Только шепчу: “Милая Надя, прости”. Знаю, чувствую, что из-за меня страдает, что я здесь виноват...»³⁵³.

В 1911 году Д.Г. Булгаковский решил начать собственное издание специального журнала, направленного на борьбу с алкоголизмом.

В России в это время сравнительно немного издавалось противоалкогольных журналов: «Трезвая жизнь» – Александро-Невским обществом трезвости; «В борьбе за трезвость» – Московским епархиальным обществом трезвости; «Деятель» – Казанским обществом трезвости; «К свету» – Власьевским обществом трезвости; упоминаемые уже «Трезвые Вскходы» и «Вестник Трезвости». Вот и все. За границей же, в каждой почти стране, подобные журналы насчитывались десятками. Потребность в России, таким образом, в подобных изданиях была очевидной.

³⁵³ Там же.

Представив необходимые документы и программу журнала в Петербургский комитет по делам печати Министерства внутренних дел, Булгаковский 15 октября 1911 года получил свидетельство (№ 3136) на издание в Петербурге журнала «Всероссийский Вестник Трезвости». Журнал должен был выходить два раза в неделю по следующей программе: 1) правительственные распоряжения, 2) телеграммы, 3) статьи по алкоголизму, 4) повести и рассказы, 5) стихотворения, 6) меры и способы борьбы с пьянством, 7) по обществам трезвости, 8) случаи на пути алкоголизма, 9) постановка дела трезвости за границей, 10) новости, 11) свет и тени в борьбе с алкоголизмом, 12) в Государственной Думе, 13) отзывы о новых книгах, 14) иллюстрации, 15) почтовый ящик, 16) бъявления.

Подписная цена на год составляла три рубля.

Издателем и редактором значился сам Д.Г. Булгаковский.

Журнал должен был печататься в типографии «Труженик» (Вознесенский пр., 55)³⁵⁴.

Вскоре, однако, издатель решил расширить программу журнала и поменять типографию, о чем сообщил в Комитет по делам печати. 25 ноября ему было выдано новое свидетельство, в котором к указанной ранее программе, добавлялись еще пункты: 17) дело трезвости в России, 18) школа и школьный алкоголизм, 19) гигиена простого народа, 20) общественная жизнь, 21) политические новости, 22) научные заметки, 23) список вновь вышедших книг по алкоголизму³⁵⁵. Местом печати указывалась типография Штаба Отдельного Корпуса Пограничной Стражи³⁵⁶.

³⁵⁴ РГИА. Ф. 777. Оп. 17. Д. 184. Л. 1.

³⁵⁵ В самом же журнале «Всероссийский Вестник Трезвости» была заявлена программа: 1) Меры и способы борьбы с пьянством. 2) Дело трезвости в России. 3) Постановка дела трезвости за границей. 4) Случаи на пути алкоголизма. 5) Свет и тени в борьбе с алкоголизмом. 6) Школа и школьный алкоголизм. 7) Гигиена простого народа. 8) Общественная жизнь. 9) Правительственные распоряжения. 10) Государственная дума. 11) Политические новости. 12) Научные заметки. 13) Статьи по алкоголизму. 14) Повести, рассказы и стихотворения. 15) Смесь. 16) Отзывы о вновь вышедших книгах по алкоголизму. 17) Список вновь вышедших книг по алкоголизму ежемесячно. 18) Иллюстрации. 19) Почтовый ящик. 20) Объявления.

³⁵⁶ РГИА. Ф. 777. Оп. 17. Д. 184. Л. 2.

Нужно заметить, что программа журнала в общем не отличалась от программы подобных журналов, например журнала «Трезвая жизнь». Однако, почти не отличаясь по структуре, журнал по замыслу издателя должен был отличаться по содержанию, о чем и было сказано в первом его выпуске.

Первый номер «Всероссийского Вестника Трезвости» вышел 6 декабря 1911 года. Во вступительном слове к читателям Д.Г. Булгаковский кратко намечал задачи, направление и цели издания. Он указывал, что задачи его определяются самим названием журнал, а цели те же, что и всякого печатного слова. Что же касается частных, например как определить поле борьбы с алкоголизмом, редактор-издатель считал говорить об этом излишним, так как читатель со временем сам увидит это поле. Объяснение причин алкоголизма народных масс, мер и средств борьбы с народным пьянством и тому подобное – все это такие предметы, которым трудно наперед установить масштаб. «Нельзя скрывать, – писал он, – что борьба с пьянством – дело нелегкое. Болезнь развивалась веками, глубоко въелась в народный организм; питейные обычаи и предрассудки по части питейной широкой волной вошло в народную жизнь. Поэтому требуется упорная, настойчивая борьба с вековым врагом. И с этой борьбой надо спешить, потому что жизнь не стоит: она непрерывно предъявляет свои запросы более и более сложные, не ожидая, когда русский народ очистится от проказы. Не надо забывать, что ценность русского народа на международном рынке упала до последней степени, особенно со времени несчастной японской войны. Мы боимся, как бы опередившие нас государства не причинили нам неизбытного горя, пользуясь нашей отсталостью вообще и алкогольной проказой в частности. Нас могут упрекнуть, зачем мы говорим такие мрачные вещи? Но что делать, когда над нашей несчастной Родиной нависли темные тучи, во всяком случае, хуже закрыть глаза перед опасностью»³⁵⁷.

³⁵⁷ От редакции // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 1. – С. 2.

Редактор-издатель указывал, что насущные вопросы, связанные с проблемой народного пьянства, журнал намерен решать не столько с теоретической точки зрения, сколько с чисто деловой. При этом редакция не бралась рекомендовать мероприятия для всех местностей и всех сословий, считая это дело трудным, но время от времени, по указанию опыта, обещала освещать пути, по которым идет дело трезвости в России и за границей. Обещалось всегда сообщать о «выдающихся случаях на пути алкоголизма», отмечать свет и тени в борьбе с этим бедствием. Причем факты эти должны будут проходить на страницах журнала красной полосой.

Еще говоря о программе журнала, Булгаковский указывал, что редакция не будет заниматься вычислением количества выпитого вина, сколько истрачено на это денег, сколько и какие беды и несчастья случились от него между пьяницами и пр., зная наперед, «что выпито вина много, чересчур много, денег пропито много, страшно много, бед и несчастий и всякого рода бесчинства, преступлений, бывших от вина, и не пересчитать». Журнал, прежде всего, должен будет содействовать развитию в народном сознании необходимости борьбы с пьянством, гражданского долга общности борьбы, и этим путем созидать общественное движение против пьянства.

Издатель заявлял, что редакция журнала будет стараться «во всю мочь звать под свой флаг» представителей государственной власти, земских деятелей, врачей, духовенство, ученых, писателей и всех, кому дорого благо России, «чтобы дружными силами с разных позиций вести войну со злейшим врагом, войну ожесточенную, решительную». Призывать всех борцов трезвости к выработке общего плана государственной и общественной систематической борьбы с этим врагом. «Будем звать всех, — обращался он к читателям, — правых и левых, старцев и юношей к настойчивому, неутомимому труду над осуществлением выработанного систематического плана. Всех зовем, кому дорого благо русского народа, кто еще не потерял веры в его светлое будущее, зовем идти вместе с нами с

плугом в руках расчищать к светлому будущему заваленную разным отвратительным грузом дорогу»³⁵⁸.

Как видно, журнал намечался по своему направлению как практически-деловой. В самом названии «Всероссийский» звучала претензия, возлагавшая на редакцию определенные обязательства – быть всероссийским рупором и проводником идей трезвости. Кроме того, то, что журнал должен был выходить каждые две недели, требовало от редакции большого напряжения и наличия солидного редакторского «портфеля», а само издание достаточную финансовую поддержку.

Первая статья нового журнала – «Деятель на поприще борьбы с алкоголизмом»³⁵⁹, была посвящена Михаилу Николаевичу Нижегородцеву, председателю Комиссии по вопросу об алкоголизме при Русском обществе охранения народного здоровья. Кроме личного почитания этого человека Булгаковским к написанию статьи послужило отмеченное в 1911 году М.Н. Нижегородцевым 35-летие врачебно-научной и общественной деятельности.

В конце номера в разделе «Из провинции» было помещено письмо учителя Ивана Глазунова из села Гришино-Горское Витебской губернии, в котором он умолял помочь ему «словом и делом в борьбе со страшным злом человечества – пьянством». Он рассказывал, что в их местности пьянство охватило широкой волной все население, пьют все – мужчины и бабы, пьют многие девушки и даже дети. «В нашей школе 45 учащихся, – писал учитель, – и все они уже знают вкус в водке, а многие даже были пьяны. Четыре года я борюсь в своей школе с этим страшным злом, питейное дело растет, а с ним вместе растет и народное горе. Какие страшные деньги пропиваются народом, сколько через пьянство губится здоровья, сколько через вино проливается горьких слез, крови – нет тому ни меры, ни счету. При виде такой ужасной картины руки

³⁵⁸ От редакции // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 1. – С. 4.

³⁵⁹ Деятель на поприще борьбы с алкоголизмом // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 1. – С. 5–6.

невольно опускаются. Поддержки и помощи нет, а один в этой глуши не воин»³⁶⁰.

Письмо это было напечатано неслучайно. На обложке в конце журнала редакция поместила воззвание, приглашавшее к сотрудничеству во «Всероссийском Вестнике Трезвости» всех, кто близко стоит к народу: духовенство, врачей, земских деятелей, сельских учителей, фельдшеров и пр., а также грамотных людей из крестьянской среды. Редакция обещала, что будет охотно предоставлять место на страницах своего журнала всему, что касается сельского быта и вообще жизни простого народа во всех его проявлениях. Считая ценными все факты, так или иначе освещающие вопрос по алкоголизму и разным общественным явлениям, она указывала, что даже мелким провинциальным известиям и заметкам в журнале найдется место. Редакция была убеждена, что у каждого деревенского жителя отыщется что написать, лишь бы было желание. Если бы, по ее мнению, деревенские люди откликнулись на этот призыв, то деревня бы «записала». Многие бы тогда смогли рассказать свои думы, высказать свои мнения, убеждения насчет разных общественных явлений по назревшим вопросам, свои взгляды, впечатления, желания.

«Мы верим, – говорилось в обращении, – что по нашим деревням хранится под спудом много хорошего материала, достойного увидеть свет Божий. Тут найдутся интересные дневники, рассказы, повести, стихотворения, планы, задачи, проекты. Мы знаем, как часто сельский обыватель мучается сомнением в раздумье – примут ли в печать его произведения: знаем и то, как он затрудняется выбором подходящего места, куда послать свою работу. Потому-то редакция спешит сказать во всеуслышание, что страницы ее нового журнала отныне открыты для всех: просим активного участия в нашем журнале, ничтоже сумняся».

³⁶⁰ Из провинции. Гришино-Горское Витебской губ. // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 1. – С. 35.

Редакция обещала установить «самые скромные» требования в отношении внешней формы изложения корреспонденции. Кроме того, предполагалось издавать лучшие рассказы, повести, стихотворения после напечатания в журнале отдельными книжками и выпусками «в продажу в пользу их авторов». А также время от времени редакция намеревалась составлять беллетристические сборники сотрудников журнала, обращая вырученные деньги в их пользу.

Главной целью воззвания было пробудить к литературной деятельности деревню.

Письмо сельского учителя И. Глазунова, опубликованное в первом номере, Булгаковский не оставил без внимания. Он откликнулся на просьбу, предложив целую подборку своих противоалкогольных брошюр и световых картин. Уже через несколько недель писатель получил от группы учителей Гришино-Горского народного училища теплое письмо благодарности: «Кружок учителей и учительниц в борьбе с алкоголизмом не находит слов, чтобы в достаточной мере выразить Вам, печальник о народном благе, глубокоуважаемый Дмитрий Гаврилович, нашу искреннюю благодарность за выписанные нами световые картины и брошюры. Как картины, так и брошюры проникнуты искренностью и глубокой правдивостью: на зрителей они производят сильное впечатление, – у многих даже вызывают слезы. Словом, картины и брошюры Ваши выше всякой похвалы. Дай Бог Вам силы и здоровья продолжать великое дело – освещать народную тьму, призывать людей к разумной и трезвой жизни. Мы, учителя и учительницы, от души желаем Вам всего лучшего на этом пути. И. Глазунов, А. Никифоровская, Я. Бал<неразборчиво>, Анна Ширкевич, Ф. Ширкевич, М. Ширкевич».

Во «Всероссийском Вестнике Трезвости» кроме самого Д.Г. Булгаковского в качестве авторов принимали участие: Н.Д. Красильников, Д. Елецкий, Иван Хоружевец, священник

В. Попов, А. Хитрюк, Н. Вакуловский, А.Н. Севастьянов и др.

Надо думать, что ближайшим помощником Булгаковского по изданию журнала был Н.Д. Красильников³⁶¹, так как именно ему вскоре после выхода в свет первого номера издатель решил передать редакторство, о чем заявил в комитет по делам печати. 12 декабря 1911 года было получено соответствующее свидетельство³⁶², однако по какой-то причине Булгаковский быстро переменял свое решение и заявил в комитет, что снова возлагает редакторство на себя, получив 15 декабря новое свидетельство³⁶³.

19 декабря вышел второй номер «Всероссийского Вестника Трезвости».

В конце номера был опубликован отзыв о журнале, присланный в редакцию из местечка Желудок Виленской губернии священником М. Чабовским: «С удовольствием приветствую появление нового журнала, посвященного на борьбу с народным пьянством – этим ужаснейшим бичом России и всего человечества. Да благословит Господь успехом новый труд редактора-издателя – неустанного борца на благо дорогой России»³⁶⁴.

В том же разделе было опубликовано письмо сельского учителя С. Яновского из Могилевской губернии, обращав-

³⁶¹ **Красильников Николай Дмитриевич** (1870 – ?). Родился в крестьянской семье в с. Лысково Макарьевского уезда Нижегородской губернии. Получил высшее образование, специальность – инженер-технолог. В 1918 г. написал и распространил 12 брошюр из серии «За демократию против социализма», «Христианство и социализм», «Гипноз социализма» и т.п., за что несколько раз в 1918 г. подвергался аресту, а в 1919 г. осужден на 1 месяц тюрьмы. В 1919–1922 гг. член петроградского Александро-Невского братства, выступал с лекциями в храмах и города и на братских собраниях. С 1921 г. состоял членом Петроградской церковной частной комиссии. 10.07.1922 арестован за «антисоветскую деятельность», в 1922–1923 гг. находился в ссылке в Архангельской губ. 23.02.1923 осужден по делу епископа Иннокентия (Тихонова), приговорен к 2 годам ИТЛ в Архангельской губ. Дальнейшая судьба неизвестна. 11.17.1998 реабилитирован. (Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века. – http://www.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html?ans).

³⁶² РГИА. Ф. 777. Оп. 17. Д. 184. Л. 3.

³⁶³ Там же. Л. 4.

³⁶⁴ Из провинции. Из м. Желудок Виленской губ. // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 2. – С. 77.

шегося к издателю за практической помощью в организации противоалкогольной борьбы. «В бытность мою летом 1909 года на учительских курсах в Петербурге, – припоминал он, – я имел честь лично беседовать с Вами по интересовавшему Вас в то время вопросу о роли народной школы в деле борьбы с народным пьянством. Соглашаясь, что за школой надо признать некоторое значение в этом деле, Вы любезно предложили мне право обратиться к Вам за советом и помощью, если бы я что-либо предпринял в этом отношении»³⁶⁵.

Яновский рассказал далее, что несколько лет назад он перевелся на новое место службы в Могилевскую губернию, где кроме учительских обязанностей работал еще «по мелкому кредиту». Мысль о борьбе с пьянством он совсем позабыл. Однако, приглядываясь ближе к народной жизни, он пришел к убеждению, «что даже кооперация, в частности кредитные товарищества, не поднимут благосостояние крестьян, если народное пьянство все так же будет угнетать, не встречая на своем пути препятствий, в роде обществ трезвости, чтений по алкоголизму, бесед с детьми в школе и трезвенного примера жизни самого учителя»³⁶⁶. В последние годы он постоянно наблюдал случаи, когда крестьяне, взяв в кредитном товариществе ссуду на приобретение необходимого для своего хозяйства, по пути домой пропивали часть денег, иногда большую, и, не имея уже возможности купить необходимого, чрез некоторое время пропивали и остальное. Видя этот замкнутый порочный круг, Яновский решил воскресить свою давнюю мысль о необходимости борьбы с пьянством. Он решил начать с устройства небольшой библиотечки из книг о вреде алкоголизма и чтений с «волшебным» фонарем. Однако, не располагая личными средствами, он обращался теперь к Булгаковскому за помощью в этом деле.

Писатель сразу же откликнулся на это письмо. Отвечая Яновскому на страницах «Вестника» он сообщал: «В

³⁶⁵ Из провинции. Письмо С. Яновского // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 2. – С. 77–78.

³⁶⁶ Там же.

непродолжительном времени Вам будут высланы бесплатно необходимые книги по алкоголизму и, может быть, световые картины. И добрый пример учителя, и его сердечная убежденная речь перед школьниками, и световые картины, и беседы с народом – все это, несомненно, принесет пользу в борьбе с народным пьянством. Работайте, добрый учитель!»³⁶⁷

В конце номера Булгаковский обращался к своим читателям: «Разослав на днях разным лицам, обществам и учреждениям по два так называемых показательных нумера своего нового журнала “Всероссийский Вестник Трезвости”, покорнейше прошу Вас, дорогие читатели, сказать мне Ваше мнение о новом журнале: понравился ли он Вам, и если понравился, то чем именно? А если, к сожалению, нашлись в нем недостатки, то откровенно скажите о них в особом письме. Ваше мнение будет для меня в высшей степени дорого: в первом случае оно воодушевит меня в дальнейших трудах, а во втором – побудит употребить все старания на то, чтобы новый журнал отвечал требованиям подписчиков»³⁶⁸.

1 и 15 января 1912 года вышли очередные номера «Всероссийского Вестника Трезвости» (№ 1 и 2). Ничем особо примечательным они не выделялись, как, впрочем, и предыдущие номера – рассказы, стихотворения, небольшие заметки, хроника и пр. Журнал пока явно не тянул на «Всероссийский», выглядя довольно скромным изданием. «Почетное место, занимаемое его редактором-издателем в антиалкогольной литературе, громкое название нового детища заставили ожидать во много раз большего, чем предложил журнал читательской среде», – напишет о нем позже журнал «Трезвые Выходы»³⁶⁹. Пока что дело выглядело именно так.

31 января вышел третий номер «Всероссийского Вестника Трезвости», оказавшийся, к сожалению, последним. В этом номере, также ничем выдающимся не выделявшимся, было

³⁶⁷ От редакции. Ответ С. Яновскому // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 2. – С. 80.

³⁶⁸ От редактора // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 2. – С. 80.

³⁶⁹ Дело трезвости в 1911 году // Трезвые Выходы. – 1912. – № 1. – С. 11.

опубликовано «открытое письмо» некоего В. Миштовта из города Тетюши Казанской губернии. Тут же в сноске указывалось: «Помещаем это письмо потому, что автор его очень симпатично отнесся к нашему журналу, а еще более потому, что в письме совершенно верно освещены наши думы и желания. Ред.».

«Приношу Вам самую теплую свою и многих благодарность из “медвежьего угла” за идею издавать “Всероссийский Вестник Трезвости”, – начинал свое письмо автор, – именно по той программе, что я нашел в первом номере его и с теми непочатыми силами, к которым Вы обращаетесь с просьбой о сотрудничестве».

Автор рассказывал, как совершенно случайно ему в руки попался первый номер журнала и как «никакого особо острого впечатления он не произвел» на него «ни своим заглавием, ни своим изящным видом». Однако он признавался, что ему пришлось «немного устыдиться, уличив себя в излишнем скептицизме и глубоко задуматься», когда он дошел до задней обложки журнала и прочел воззвание редакции с дружеским призывом к сотрудничеству. «С призывом не только к патентованным литераторам, молодым писателям, – писал Миштовт, – но и ко “всем грамотным людям из крестьянской среды” – к самому народу... И только... Коротко, просто, ясно, а главное, от глубины души, от чистого сердца! Скептицизма как не бывало, ибо сейчас же мелькнула в голове мысль: “не без добрых душ на свете”, есть еще люди, желающие добра России, есть еще люди, которые не побоятся, когда нужно, сказать великому народу: “Осмотришься кругом себя, пора одуматься, смотри – беда ждет тебя, если ты пойдешь дорогой, какой идешь! Не допусти, чтобы надменные соседи посмеялись над тобой”! И страстно захотелось мне также просто, легко и свободно откликнуться на призыв Редакции»³⁷⁰.

Автор писал, что ему особенно теперь захотелось стать «в ратных рядах на литературном поприще», объясняя свое

³⁷⁰ Миштовт В. Открытое письмо // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1912. – № 3. – С. 82.

желание тем, что в последнее время развелось слишком много «тенденциозной бесполезной и даже прямо вредной литературной дребедени». Он отмечал, что редакция журнала смотрит на вещи трезво, и не желает печь, как блины, «патентованных» писателей и «опекать» их. «Она дает возможность каждому желающему принести хотя каплю пользы на благо своего погибающего собрата, не автора, нет!.. погибающего от пьянства собрата. Цель редакции – правда-матка, и только», – заканчивал свое письмо Миштовт³⁷¹.

Никаких уведомлений о прекращении издания журнала редакция не делала. Однако Булгаковский, зная, видимо, что в силу известных ему обстоятельств возможно не сможет продолжить издание, поместил на последней странице номера стихотворение А.Н. Севастьянова под названием «Разочарование».

Умереть бы что ли? Сердце жить устало,
Всюду неудачи надломили силы;
И какой-то даже радостью стало,
Ожиданье ранней для себя могилы.
Лишь пока кипела кровь в груди могучей,
Верилось так свято, искренно молилось,
Для любви сердечной и для страсти жгучей,
Силы и здоровье много приносилось.
Но прошли святые, страстные порывы,
Кровь в груди уставшей скоро охладела,
А для личной жизни, для своей наживы,
Далее бороться, право, надоело³⁷².

Эти грустные строки, видимо, раскрывали душевное настроение Булгаковского. Нужно отметить, что, начиная новое большое дело, он был уже в довольно преклонном возрасте, когда желания не всегда соответствуют силам.

Возможно, несколько приоткрывает причину прекращения издания «Всероссийского Вестника Трезвости» обращение

³⁷¹ Там же. – С. 83.

³⁷² *Севастьянов А.Н. Разочарование* // *Всероссийский Вестник Трезвости*. – 1912. – № 3. – С. 96.

к читателям, опубликованное в журнале «Трезвые Вскходы», также переживавшего в то время серьезный кризис. Книжка сдвоенных номеров (№ 10–12) за 1911 год, в которой было опубликовано это обращение, вышла с большим запозданием уже в 1912 году. Извиняясь перед читателями, редакция указывала, что запоздание и сравнительно меньший объем книжек, чем было предположено вначале, объясняется единственной, «роковой в каждом деле» причиной – «отсутствием достаточных материальных средств».

«Тяжело издавать каждый вообще журнал, а антиалкогольный в особенности, – писала редакция. – Правда, интерес к делу борьбы с народным пьянством в нашем обществе за последнее время возрос, трезвенная волна поднялась, число антиалкогольных кружков и союзов увеличилось, но все это до известных пределов и не настолько, чтобы мог пышным цветом цвести даже самый прекрасный, даже самый сердечный антиалкогольный журнал.

Те, кто когда-либо стояли близко к литературному делу, знают, как горька, как тяжела доля редактора и издателя. Тут уже не только нет мечтаний о своих барышах, – и я твердо убежден, что ни один еще антиалкогольный журнал не основался и не работал с этой именно целью, – в нашем деле, дай Господь, концы с концами свести, обдумать с волнующейся душой, чем, из чего и какими средствами покрыть ежегодно образующийся дефицит.

Знайτε и помните, идти на издание антиалкогольного журнала – это тяжкое мученичество, вечные угрозы, это такой невыносимый крест борьбы за каждый день существования журнала, что возложить его на плечи не дай Бог никому.

Был у нас журнал “Народная трезвость”... Где он? А “Трезвость и бережливость”? “Вестник попечительства о народной трезвости”? Где “Всероссийский Вестник Трезвости”, народившийся в этом году и после пяти номеров угасший? А ведь его издавал Д.Г. Булгаковский»³⁷³.

³⁷³ Читателям // Трезвые Вскходы. – 1911. – № 10–12. – С. 141–142.

В 1912 году изменилась личная жизнь писателя: он женился. Супругой его стала некая Анна Павловна. Кто она была по происхождению, чем занималась, какого была возраста, неизвестно.

Видимо у Булгаковского еще теплилась надежда возродить журнал, а может быть в этой надежде его поддерживала супруга. 14 ноября 1912 года Петербургский комитет по делам печати, отвечая на заявку Булгаковских, выдал на издание «Всероссийского Вестника Трезвости» новое свидетельство, в котором издательницей значилась Анна Петровна Булгаковская, а редакторами оба супруга³⁷⁴.

Журнал, однако, так и не возродился.

Наряду с многочисленными изданиями по вопросу об алкоголизме, Д.Г. Булгаковский не пропускал случаев общественных явлений. Когда в 1911 году праздновался юбилей М.В. Ломоносова, он выпустил в свет посвященную ему брошюру, в виде чтения со световыми картинами³⁷⁵. Известно, что с этой темой он выступал на чтениях, устраиваемых по воскресным дням Всероссийским Трудовым Союзом христиан трезвенников, сначала в манеже Мраморного дворца, а затем в зале Государственной типографии³⁷⁶.

К 100-летию Отечественной войны 1812 года писатель подготовил замечательный иллюстрированный сборник «Великое былое. Воспоминания об Отечественной войне, по поводу ее столетней годовщины»³⁷⁷. Сборник составили шесть разделов, напечатанные также и отдельными изданиями: 1) «Поэтические произведения, вышедшие в Двенадцатом году и в позднейшее время. С подробной характеристикой»³⁷⁸;

³⁷⁴ РГИА. Ф. 777. Оп. 17. Д. 184. Л. 5.

³⁷⁵ Булгаковский Д.Г. Ломоносов. Чтение со световыми картинами. Изд. 3-е. – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 32 с., с ил.

³⁷⁶ Хроника. Чтения, устраиваемые Всероссийским Трудовым Союзом христиан трезвенников // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1912. – № 1. – С. 27.

³⁷⁷ Булгаковский Д.Г. Великое былое. Воспоминания об Отечественной войне, по поводу ее столетней годовщины. Сборник иллюстрирован 113 народными картинками и рис. лучших художников. – СПб.: Типо-лит. СПб. тюрьмы, 1912. – 286 с., с ил.

³⁷⁸ Булгаковский Д.Г. Поэтические произведения, вышедшие в Двенадцатом году и в позднейшее время. С подробной характеристикой. – СПб.: Тип. СПб. одиночной

2) «Отголоски старины об Отечественной войне. Рассказы очевидцев. Воспоминания современников и старожилов. Письма. Дневники. Записки. Анекдоты. (С 39-ю рисунками)»³⁷⁹; 3) «Народные карикатуры-картинки, вышедшие в Отечественную войну. С их общей характеристикой»³⁸⁰; 4) «Наши ополченцы и партизаны в Отечественной войне»³⁸¹; 5) «Двадцать восемь портретов главнейших русских полководцев Отечественной войны»³⁸²; 6) «С нами Бог. Религиозные чувства русского народа в Отечественную войну»³⁸³.

В сборник вошли живые и увлекательные рассказы, стихотворения, биографии, безобидные шутки, добродушные остроты и карикатуры. Шутки и остроты над неудачами врага и карикатуры чуть ли не на каждый шаг Наполеона, где действительное было перемешано с вымыслом, не только доставляли читателю легкое и забавное чтение, но и знакомили его с народным творчеством.

Памятники русской поэзии и литературы о 1812 годе, помещенные в сборнике, были подобраны автором с большим умением и вкусом. Булгаковский использовал только то, что по нравственным и художественным соображениям было достойно внимания, обходя все грубое и пошлое, особенно из солдатских и народных песен. Между тем в подобных сборниках нередко можно было встретить материал без всякого разбора и критической оценки.

тюрьмы, 1912. – 83 с.

³⁷⁹ *Булгаковский Д.Г.* Отголоски старины об Отечественной войне. [Рассказы очевидцев. Воспоминания современников и старожилов. Письма. Дневники. Записки. Анекдоты]. – СПб.: Тип. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 84 с., с ил.

³⁸⁰ *Булгаковский Д.Г.* Народные карикатуры-картинки, вышедшие в Отечественную войну. С их общей характеристикой. – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 25 с., с ил.

³⁸¹ *Булгаковский Д.Г.* Наши ополченцы и партизаны в Отечественную войну. С 23 нар. картинками прошлого столетия. – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 31 с., с ил.

³⁸² *Булгаковский Д.Г.* Двадцать восемь портретов главнейших русских полководцев Отечественной войны. С общ. характеристикой и с кратким описанием их действий на театре войны. – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 52 с., с портр.

³⁸³ *Булгаковский Д.Г.* С нами Бог. Религиозные чувства русского народа в Отечественную войну. – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 8 с.

Сборник был иллюстрирован 113 картинами и рисунками, как писал автор, «лучших художников», что придавало ему еще большую привлекательность.

14 февраля 1912 года в Учебном комитете при Святейшем Синоде слушался отзыв члена комитета П.Ф. Полянского (будущего митрополита, священномученика) о книге «Великое былое». Давая положительную рекомендацию изданию, рецензент отмечал: «Сборник – ценное, добросовестно исполненное издание. Картинки и рисунки занимают в книге очень видное место и по своему выполнению говорят в ее пользу»³⁸⁴. По рекомендации П.Ф. Полянского сборник был одобрен Учебным комитетом для ученических библиотек духовно-учебных заведений.

В отзыве Училищного совета при Святейшем Синоде, рекомендовавшего сборник для церковно-приходских школ, в частности говорилось: «Все отделы в книге занимательны, назидательны, способны пробудить в душе читателя добрые и благородные стремления и чувства»³⁸⁵.

Брошюры, составившие сборник «Великое былое» Ученый комитет Министерства народного просвещения рекомендовал для ученических библиотек низших учебных заведений и признал «заслуживающим внимания» при пополнении бесплатных народных читален и библиотек³⁸⁶.

Кроме этого сборника Д.Г. Булгаковским было издано еще несколько брошюр, посвященных войне 1812 года: «Величие духа русского народа в Отечественную войну»³⁸⁷ и «Незабвенная память о заслугах Православного духовенства в Отечественную войну»³⁸⁸. Кроме того, были подготовлены

³⁸⁴ От Учебного комитета при Святейшем Синоде // Церковные Ведомости. – 1912. – № 11. – С. 68.

³⁸⁵ От Училищного совета при Святейшем Синоде // Церковные Ведомости. – 1912. – № 10. – С. 62.

³⁸⁶ Определения особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1912. – Апрель. – С. 119, 125.

³⁸⁷ *Булгаковский Д.Г.* Величие духа русского народа в Отечественную войну. – СПб., 1812.

³⁸⁸ *Булгаковский Д.Г.* Незабвенная память о заслугах Православного духовенства в Отечественную войну. – СПб., 1812.

серии световых картин: «От Немана до Москвы» (11 картин), «От Москвы до Тарутина» (11 картин), «От Тарутина до Бerezины» (8 картин) и т.д.

В первых числах января 1913 года Д.Г. Булгаковский выпустил юбилейную брошюру «Трехсотлетие царствования дома Романовых»³⁸⁹, содержащую объяснения к 118 световым картинам, посвященным различным сюжетам из истории царствующего Дома. «Что сделано в отдельности каждым из 17 царей, это и будет содержанием световых картин», – писал он в предисловии.

Однако едва брошюра увидела свет, как 24 января столичному градоначальнику поступила из С.-Петербургского Комитета по делам печати официальная бумага, в которой говорилось, что в брошюре Булгаковского усмотрены «признаки преступления» и на основании статьи 1213 «Устава уголовного судопроизводства» постановлено «наложить на нее арест»³⁹⁰. Получив эту бумагу, градоначальник тотчас же сделал необходимые распоряжения об аресте всего тиража – 2000 экземпляров (в документах ошибочно фигурировала цифра 20.000 экземпляров).

В тот же день в типографию «Двигатель» по улице Казначейская, 6, где была отпечатана брошюра, прибыл инспектор типографий для наложения на нее ареста. Хозяин типографии, инженер-технолог Товия Абрамович Животовский, заявил инспектору, что ни одного экземпляра названной брошюры в типографии нет. По его заверениям брошюра была отпечатана 12 января, а 17 числа весь тираж целиком сдан заказчику, за исключением нескольких экземпляров, представленных в Комитет по делам печати.

Так как в типографии, по словам ее хозяина, тиража брошюры не осталось, было решено произвести ее арест по месту

³⁸⁹ Булгаковский Д.Г. Трехсотлетие царствования дома Романовых. [Объяснительный текст к световым картинам, относящимся к 300-летию юбилею царствования дома Романовых]. – СПб.: Тип. «Двигатель», 1913. – 32 с.

³⁹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Д. 567. Л. 1.

жительства Д.Г. Булгаковского, проживавшему в это время на Петербургской стороне по улице Большая Зеленина, 9.

Булгаковский был весьма удивлен, когда к нему в квартиру явился пристав с предписанием арестовать его произведение. Однако писатель сказал, что в квартире брошюры нет, так как часть ее он отдал книготорговцам, а другую часть несколько часов назад забрал хозяин типографии «Двигатель» в качестве залога до полного расчета за ее напечатание. При осмотре квартиры брошюр в ней действительно не оказалось. Тогда приставы снова отправились на Казначейскую, 6. В присутствии хозяина и понятых они осмотрели типографию, где на самом деле обнаружили 942 экземпляра брошюры «Трехсотлетие царствования дома Романовых». Все экземпляры были тогда же арестованы и перенесены в полицейский участок.

Началось судебное разбирательство...

В чем же было преступление Булгаковского, усмотренное Комитетом по делам печати? Заключалось оно в том, что брошюра была издана без разрешения Министерства Императорского Двора, что и составляло преступление, предусмотренное 2-й частью 1024 статьи «Уложения о Наказаниях Уголовных и Исправительных», гласившей, что «виновные в напечатании, без надлежащего разрешения, сочинений и статей, касающихся Особы Его Величества и прочих Особ Императорской Фамилии» подвергаются денежному взысканию до трехсот рублей и аресту до трех месяцев³⁹¹. Как только брошюра из типографии поступила в С.-Петербургский Комитет по делам печати, она тотчас же была передана на рассмотрение в Министерство Императорского Двора. Оттуда 18 января и был получен ответ, что брошюра Д.Г. Булгаковского «Трехсотлетие царствования дома Романовых» может быть разрешена к напечатанию «лишь со сделанными в тексте исправлениями»³⁹². О каких именно исправлениях шла речь, неизвестно. Между

³⁹¹ Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных [Электронный ресурс]. – <http://www.frip.ru/newfrip/cnt/news/history/01/014/4>. – Дата доступа 14.11.2008.

³⁹² РГИА. Ф. 777. Оп. 19 (раздел II). Д. 16. Л. 2.

тем Комитет по делам печати счел необходимым наложить на брошюру арест, основываясь на указной выше статье закона.

Сразу же после происшедших событий Булгаковский стал хлопотать о снятии с брошюры ареста, для чего обратился к прокурору с соответствующим прошением. Однако на состоявшемся 6 февраля судебном заседании было решено, на основании вышеназванной статьи, оставить арест в силе³⁹³, «впредь до изменения ее (брошюры. – Г.Щ.), согласно указаниям и по получении разрешения Министерства Императорского Двора»³⁹⁴.

Дело тянулось до самой осени 1913 года. Еще в сентябре Булгаковский просил старшего инспектора типографий в Петербурге выдать ему справку о том, что брошюра «по настоящее время не освобождена из-под ареста». Справка эта необходима была писателю для предоставления в суд, где рассматривался иск на сумму 92 рубля, предъявленный ему Т.А. Животовским за типографскую печать³⁹⁵.

Между тем хлопоты Д.Г. Булгаковского увенчались успехом, и ему удалось получить официальное разрешение Министерства Императорского Двора на распространение брошюры. Чем закончился суд с Животовским, выяснить не удалось.

В том же 1913 году вышла брошюра Д.Г. Булгаковского «Живем ли мы по-христиански»³⁹⁶, посвященная 1600-летию юбилею со времени издания Миланского эдикта³⁹⁷. В память этого важного события в истории Христианской Церкви, автор полагал своевременным вспомнить о том, каким путем пер-

³⁹³ ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Д. 567. Л. 8.

³⁹⁴ РГИА. Ф. 777. Оп. 19 (раздел II). Д. 16. Л. 9.

³⁹⁵ Там же. Л. 11.

³⁹⁶ *Булгаковский Д.Г. Живем ли мы по-христиански. Апология христианства по поводу 1600-летнего торжества христианской веры.* – СПб.: Тип. М. Пивоварский и А. Типограф, 1913. – 24 с.

³⁹⁷ Миланский эдикт издан в 313 г. императором Константином Великим, предоставлявший всем жителям Римской империи – христианам и нехристианам – неограниченную свободу принимать, исповедовать и пропагандировать любую веру. Издание этого эдикта положило конец эпохе официального преследования христиан в империи.

вые христиане достигли торжества своей веры, какие гонения они перенесли от язычников, как христианская вера дошла до русской земли и как жили по этой вере наши православные предки. Вместе с этим он задавался вопросом, насколько дорожат его современники христианской верой, евангельскими заветами, соблюдают ли церковные установления, одним словом – живут ли по-христиански?

Дав краткий очерк гонений на христиан первых веков с описанием множества ярких примеров мученичества за веру, Булгаковский продолжил свое повествование историей христианства на русской земле, также представив примеры святого мученичества. Обильна была русская земля и другими примерами святости, дав целый сонм подвижников: святителей, благоверных князей, преподобных, отшельников, столпников, затворников, Христа ради юродивых. «Целое облако святых, им же несть числа и названия, сделавшись наследниками царствия Божия, пребывают донныне молитвенниками и ходатаями пред престолом Божиим за нас немощных и за свою родную землю», – заключал он.

Далее автор задает вопрос: «Что нам сказать о себе? Так ли мы дорожим христианской верой, как дорожили первые христиане и наши предки?»

Отвечая на этот вопрос, он изобразил неутешительную картину современной русской жизни. Наблюдая всё усиливающееся охлаждение к вере, Булгаковский писал: «В светской печати началась какая-то неумолкаемая травля всего, что относится к св. Церкви и ее представителям – православному духовенству; стали осуждать и осмеивать все, что так дорого было для наших предков. Все стало мешать людям, что относится к религии. С переоценкою всех ценностей люди дошли и до религии. Раздались голоса, что религия мешает наукам и всестороннему развитию общества; уроки веры и благочестия в школах – одна лишь трата времени, что часы, назначенные по программе на Закон Божий, надо перевести на другой какой-либо предмет – на ремесла или гимнастику.

И началось сначала тайное, а потом открытое гонение на христианство – раньше против обрядов религии, а потом стали высмеивать самое вероучение и даже св. таинства. И стали церкви во время Богослужения пустеть – раньше в городах, а после и по деревням»³⁹⁸.

«В высшей степени странно, – продолжал он свое скорбное повествование, – вдруг людям стало тяжело жить; началось разочарование жизнью, и в томлении духа стали повсюду ощущать пустоту в жизни, чувствовать, что дальше нечем жить, не стало внутреннего содержания. Жизнь потеряла всякую ценность, не стало в ней ничего привлекательного. Отсюда эпидемия самоубийств захватила широким потоком все слои общества. Люди добровольно стали уходить от жизни, кончая всякие расчеты с нею. Дело дошло до того, что даже дети сходят со сцены житейской, дети – 15-, 10- и 7-милетние»³⁹⁹. И все из-за того, что люди охладели к вере, стали забывать Бога, перестали молиться.

Булгаковский привел примеры из недавнего времени, как один застрелившийся 16-летний гимназист оставил записку со словами: «Я никогда не верил в Бога и не могу верить в вечную жизнь», а повесившийся 15-летний мальчик написал своим родителям: «Умираю, потому что не вижу цели и смысла жизни». «И таких записок, – продолжал автор, – оставляют сотни и тысячи людей разного возраста обоего пола. Что случилось с нашею бедною Родиною, с русским издавна богобоязненным и благочестивым народом?.. Это ведь не одно религиозно-нравственное охлаждение, а что-то другое, более ужасное и опасное. Стали люди с каким-то одичанием, не то с хвастовством отрекаться от своей веры, не верить в загробную жизнь. Видимо, наступило время религиозного распада».

Автор писал, что повсюду в России вместо братской евангельской любви идут вражда, ссоры, драки, суды. Не видно прежней благотворительности, сострадания к бедным,

³⁹⁸ Булгаковский Д.Г. Живем ли мы по-христиански. – С. 19–20.

³⁹⁹ Там же. – С. 20.

больным, нет прежней отзывчивости и участия к горю ближнего. Лесть, ложь, двоедушие, хитрость воцарились повсюду вместо прежних добродетелей. Люди переставали верить в Промысел Божий, стали полагаться лишь на свои силы, приписывая все случающееся в жизни стечению обстоятельств или просто слепому случаю.

На вопрос к своим современникам, дорога ли им православная вера, как она была дорога их предкам, и оберегается ли она ими от безбожников и сектантов, Булгаковский сам же отвечал: «Мы не только уклонились в нашей жизни от источника Божественного света, от заветов христианских и живем вне всяких правил и требований Христовой Церкви, но даже никогда не думаем о том, как живем»⁴⁰⁰.

Как результат упадка религии и морали началось общее нравственное разложение. Повсюду стали слышны «несмолкаемые вопли на всякие озорства, которые широкой рекой разлились не только по городам, но и деревням». Участились повсеместно убийства, самоубийства, хулиганство во всех его видах, мошенничество, обман, растрата казенных денег, своекорыстие, апатия ко всему доброму, неуважение к личности.

Булгаковский писал, что в семьях почти утратились благочестивые традиции. Дети поднимают руку на родителей, отцы и матери бросают своих детей на произвол судьбы. Скандалы с утра до вечера, пьянство, разврат, нет целомудрия, супружеской верности, родительских наставлений никто не слушает.

Не лучше обстояло дело и в учебных заведениях, где распущенность, по мнению автора, дошла до последних границ. Поверхностное отношение к науке, нерадение и лень, пьянство, дерзкое обращение учащихся с преподавателями и воспитателями стало заурядным явлением. «Тут не помогут никакие новые уставы и никакая строгая дисциплина, если только в школе снова не загорится свет Христовой веры, которая в осно-

⁴⁰⁰ Булгаковский Д.Г. Живем ли мы по-христиански. – С. 21.

ву всякой премудрости кладет страх Господень», – заключал он.

По его убеждению, все эти негативные явления развились исключительно только из-за охлаждения к вере и религиозного упадка. «Никакие строгие суды и тяжкие наказания за совершенные преступления общественные или государственные не в состоянии удержать людей от преступления, – писал он. – Никакая школа, никакое образование сами по себе не имеют столь могучей силы, которая могла бы остановить человека с развращенной волей и сказать ему: “этого делать нельзя”. Только одна вера, вера в Бога, вера в загробную жизнь, вера в страшный суд Божий может направить на путь истинный и влить животворящую силу. Как восходящее солнце быстро гонит тьму, так божественное настроение веры почти сразу водворяет светлый день во внутреннем человеке. Он преобразается и получает как бы новую природу»⁴⁰¹.

Булгаковский призывал читателей снова обратиться к Христу, так как только в Его божественном учении и вере в Него весь смысл человеческой жизни и человеческого счастья. Ведь только вера дает человеку истинное удовлетворение и истинную радость, открывает ему глаза на красоту мироздания, дает настоящее познание. «Итак, Христос и вера в Него – наш путь, истина и жизнь, – заключал он. – Будем бодрствовать и молиться, чтобы не впасть в искушение. Блюдайте убо... яко дние лукавы суть (Ефес. 5. 5–16)»⁴⁰².

Явления, о которых писал Булгаковский, были действительно знаменем времени, представляя своеобразный фон русской жизни последнего предреволюционного десятилетия. Социально-общественное брожение 1905–1907 годов, охватившее Российскую империю, обнажило духовное состояние народа, обнаружив, насколько неглубока оказалась его религиозность. Теряя свою веру, русский народ вместе с тем терял и свой нравственный облик.

⁴⁰¹ Булгаковский Д.Г. Живем ли мы по-христиански. – С. 23.

⁴⁰² Там же. – С. 24.

Люди духовно чуткие, думающие обращали на это внимание, предчувствуя грядущие бедствия. В прессе того времени, преимущественно церковной, много писали о крайне неудовлетворительном морально-нравственном состоянии русского общества, его религиозном индифферентизме.

17 апреля 1906 года известный монархист Лев Александрович Тихомиров, наблюдая происходящие в русском обществе перемены, с горечью записал в своем дневнике: «В России весь народ переживает какой-то глубочайший перелом. Он, по-видимому, теряет даже свою религиозную веру. Испытание превыше сил. Замечательно, что даже у Троицы-Сергия совсем нет богомольцев. Лавра и посад опустели. Вот хвалились-то: “Русь святая”, “Народ-богоносец” и т.п.!.. Неужто этого ничего не было? Не могло же так быстро исчезнуть»⁴⁰³.

Созвучен этим грустным строкам отрывок из письма Волынского архиепископа Антония (Храповицкого) к Киевскому митрополиту Флавиану (Городецкому), написанного 26 марта 1908 года. Вот что писал владыка Антоний об одном из самых почитаемых в России монастырей – Свято-Успенской Почаевской лавре: «У нас на Успенье почти не было богомольцев (собрали 1/3 обычного народа), а на пр[еподобного] Иова тоже немного – не больше прошлогоднего, так что о[тец] наместник весьма опечален»⁴⁰⁴.

Очевидно, что Церковь теряла свой авторитет, свое влияние на русское общество. И это было не вдруг, не случайно. Кризис обнаруживался по мере изменения самого общества – изменения его самосознания, в том числе и повышения образовательного уровня народа. Время настоятельно требовало перемен и в церковной жизни. Осознание необходимости реформ возбудило тогда в церковных кругах мысль о созыве Поместного Собора, к которому и началась постепенная и кропотливая подготовка. Собор ожидался и в 1906 году, и в 1913,

⁴⁰³ 25 лет назад. Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. – 1930. – № 4–5. – С. 142.

⁴⁰⁴ В церковных кругах перед революцией (Из писем архиепископа Антония Волынского к митрополиту Киевскому Флавиану) // Красный архив. – 1928. – № 6. – С. 211.

однако Император не решился на его проведение. Между тем кризис усугублялся.

Наблюдая печальную действительность русской жизни, Д.Г. Булгаковский предчувствовал ее неминуемый распад. Тот распад, который обернулся в 1917 году революцией и дальнейшими потрясениями гражданской войны и гонениями на Церковь Христову. Не случайно он обозначил свою брошюру как апологию христианства, и неслучайно центральное место в ней было уделено мученичеству. Подобное ожидание трагедии, ощущение близости развязки было в то время определенным моральным климатом в церковной и околоцерковной среде⁴⁰⁵. Но в то время мало кто мог представить себе, во что именно выльется народное безверие.

⁴⁰⁵ Фирсов С.Л. Церковь в Империи. – СПб.: Изд. «Сатисъ», 2008. – С. 134.

VIII

Народные чтения

Как уже говорилось выше, с конца 1890-х годов Д.Г. Булгаковский начал принимать участие в народных чтениях. С каждым годом эта его деятельность расширялась и становилась более разнообразной. Его личные выступления против алкоголизма можно было слышать в залах Соляного Городка, Городской думы, в доме Фон-Дервиза, в Первом Доме трудолюбия, С.-Петербургского попечительного общества, в залах народных читален и других местах. Очень часто во время своих выступлений он демонстрировал световые картины с помощью так называемого волшебного фонаря – оптического прибора для проецирования какого-либо небольшого предмета на белую плоскость (экран). В качестве таких предметов служили прозрачные картинки, рисованные или воспроизведенные фотоспособом на стеклянной пластине. Нарочито для народных аудиторий Булгаковский задумывал, а затем заказывал или сам изготавливал целые серии световых картин различной тематики – против алкоголизма, образовательные, касающиеся гигиены и здоровья, составляя к ним специальные чтения в виде брошюр. Иногда, напротив, световые картины создавались в качестве иллюстраций уже к вышедшим в свет его изданиям.

Как-то в одном из своих писем С.А. Рачинский писал: «Беллетристика о пьянстве, конечно, заслуживает внимания. Но она бледнеет перед ужасной действительностью, повсюду нас окружающей. Иллюстрации к нашей проповеди колют глаза. Нужно только уметь ими пользоваться»⁴⁰⁶. Именно эти колющие глаза примеры окружающей действительности Булгаковский и старался использовать в качестве наглядного

⁴⁰⁶ Отрывки из писем С.А. Рачинского // Трезвость и Бережливость. – 1903. – № 2. – С. 30.

материала в выпускаемых им иллюстрированных альбомах и световых картинах противоалкогольного содержания.

Подготовленные таким образом чтения Булгаковского почти всегда встречали весьма лестные отзывы в печати («Новое Время», «Исторический Вестник», «Сын Отечества», «Свет», «Петербургская газета» и др.). Вот, например, что писала в 1898 году об одном из выступлений Булгаковского «Петербургская газета»: «Беседа священника о. Д.Г. Булгаковского о пьянстве и его последствиях устроенная вчера, 11 октября, в зале Соляного городка, привлекла такую массу публики, что в 7 часов вечера уже объявлялось всем желающим послушать о переполнении зала до тесноты. О. Булгаковский в красноречивых словах объяснял переполненной аудитории вред пьянства на здоровье человека, причем туманными картинками иллюстрировал последствия этой пагубной страсти. В борьбе с пьянством, по словам о. Булгаковского, необходима сила воли. Организм, приученный к алкоголю, требует этого вредного напитка, а ум противится, сознавая вредные последствия. Вот тут-то и требуются усилия воли и приобретение полной власти над самим собой. Свое чтение о. Булгаковский заключил пожеланием, чтобы возможно большее количество его слушателей “взяли себя в руки” и восторжествовали над могущей быть страстью пьянства»⁴⁰⁷.

Вскоре та же газета восторженно сообщала о другой публичной лекции, проведенной Булгаковским 19 октября в одной из аудиторий Соляного городка и собравшей многочисленную и разнообразную публику. «Популярное изложение лекции, — писала газета, — иллюстрируемой туманными картинками, произвело большое впечатление на всех слушателей, так что по окончании лекции можно было расслышать несколько раз повторившееся и сказанное от души по адресу лектора “Спасибо, батюшка!”. Закончил лекцию Булгаковский сове-

⁴⁰⁷ Беседа священника о. Д.Г. Булгаковского о пьянстве и его последствиях // Петербургская газета. — 1898. — № 280. — С. 2.

том, как избавиться от этого губительного порока. Пьяницу лечить ничем нельзя, если он сам не захочет решительно бросить пьянство. Посему, восстановление и укрепление пошатнувшейся воли, решимость в борьбе со страстью, помощь ближнего в этой борьбе – лучшие средства к искоренению порока, средства, которые, без всякого сомнения, найдутся у любого человека, хотя не у всех в одинаковой мере, у некоторых даже в очень незначительной, но постепенными упражнениями они могут быть доведены до высокой степени развития»⁴⁰⁸.

Следует несколько слов сказать о том, что вообще представляли собой народные чтения в России. К сожалению, они, как и все вообще внешкольное образование, развивались при самых неблагоприятных условиях. Хотя вопрос об устройстве народных чтений выносился на обсуждение представителей правительства еще в конце 1860-х годов, общие правила для их устройства были изданы лишь в 1894 году. Но и эти правила оказались до крайности стеснительны, особенно для провинции, так как открытие чтений требовало разрешения из Петербурга со стороны министра народного просвещения, министра внутренних дел и обер-прокурора Святейшего Синода. Нередко разрешение давалось только через три-четыре года, а чаще совсем не давалось. При таких условиях немного находилось охотников устраивать народные чтения. Кроме того, чтения должны были производиться под непосредственным наблюдением и ответственностью ближайших представителей духовного или учебного ведомства, каждый раз нужно было указываться, кто именно предполагает устраивать чтения, и устроители должны были получить одобрение местного административного, учебного и духовного начальств. Между тем благоприятное значение для развития народных чтений имел изданный в том же году устав Попечительств о народной трезвости, которым, между прочим, было предоставлено право устраивать народные чтения и собеседования с целью

⁴⁰⁸ Пьянство и его вредные последствия // Петербургская газета. – 1898. – № 289. – С. 3.

предоставить населению возможность проводить свободное время вне питейных заведений.

Мало того, что открытие народных чтений было обставлено множеством формальных сложностей, поразительной бедностью страдал каталог произведений, допущенных к прочтению в народных аудиториях, как в количественном, так и в качественном отношении. Кроме того, помещения для проведения народных чтений в большинстве случаев мало были пригодны для этого, оставляя желать намного лучшего. Обыкновенно для чтений использовались здания учебных заведений, городских дум, помещения, нанимаемые у частных лиц или предоставляемые ими бесплатно, казармы, сараи и т.д. Специальных зданий, выстроенных для помещения аудиторий и соединяемых обыкновенно с библиотеками, а иногда и с театрами, было крайне мало.

Непременную принадлежность народных чтений составлял «волшебный фонарь».

Благоприятное значение для развития дела народного просвещения имели новые Высочайше утвержденные в 1901 году правила о народных чтениях, внесшие некоторые облегчения в порядок их устройства. Разрешение чтений было предоставлено директору народных училищ, при чем чтецами могли быть только лица, относительно которых не встречалось препятствий со стороны губернатора. На основании этого закона в том же году соответствующими министрами были приняты правила о чтениях, устраиваемых Попечительствами о народной трезвости, и правила о народных чтениях по медицине, гигиене, ветеринарии и животноводству. Эти правила давали возможность устраивать чтения без всяких формальностей, просто по своим комитетским постановлениям, явочным порядком без всякого разрешения административных властей. Позднее, когда по Министерству внутренних дел было издано распоряжение от 4 марта 1906 года о публичных собраниях и некоторые губернаторы хотели подчинить этому распоряжению и народные чтения, устраиваемые Попечительствами,

Министерство финансов отстояло свои права и доказало, что распоряжение по другому министерству не применимо к нему и что у него на этот предмет имеется свой собственный, Высочайше утвержденный закон. Благодаря этому, Попечительства в самое короткое время устроили тысячи пунктов народных чтений, распространили тысячи световых картин с волшебными фонарями по своим районам.

Особенностью народных чтений было то, что они были доступны как грамотным, так и неграмотным.

Несмотря на все неблагоприятные условия, народные чтения в России почти повсеместно пользовались громадным успехом, возбуждая особенный интерес в сельском населении и среди жителей небольших городов. Число их посетителей с каждым годом неуклонно росло. На чтения шли дети, взрослые, старики, с жадностью слушая все, что им читалось. О чтениях как об особенной новости заговорили по всем деревням. По крестьянским хатам даже стали спорить, кому из семьи пойти на чтения, а кому оставаться дома до следующей очереди.

Вот отзыв о народных чтениях одного из лекторов: «Чтение вести трудно, желающих слушать слишком много; на каждом чтении присутствует так много, что лампа гаснет от недостатка воздуха. Недовольных масса, остающихся за дверями аудитории; приходится впускать менее половины желающих».

«Аудитория переполняется слушателями так, — рассказывал другой лектор, — что трудно бывает пробраться через зал из конца в конец. Все проходы вплотную запружены народом. Тут крестьяне, прислуга, приказчики, низшие служащие разных учреждений. Вот старуха молится на экран; на нем показывают Московский Успенский собор; вот глубоко вздыхает старик в полушубке... Там, подле него приютилась целая его семья; мелькает несколько шляпок; а там в самом углу сбились в кучку разные рабочие и заводские. Вся эта пятисотенная толпа заблаговременно заняла места в ожидании чтения. Вот,

раздается звонок чтеца и все стихают, иногда даже не верится, что слушает тебя пятисотенная толпа, и только по удушливой атмосфере, да и по тому усилию, с которым приходится на-прягать голос, чувствуешь, что в зале много народу»⁴⁰⁹.

Желание слушать чтения было в народе поразительным. Особенно охотно посещались те чтения, где показывались световые картины. У всех было одно желание – захватить место в аудитории, поместиться хоть на окне, хоть на печке. После же чтений слушатели всегда благодарили лекторов в самых сердечных выражениях.

Между тем повсюду слышались жалобы на недостаток световых картин.

Развитие дела народных чтений, в особенности Попечительствами о народной трезвости, и потребность материала для них, подвигли Булгаковского, как уже говорилось, к созданию специальных подборок световых картин, главным образом направленных против пьянства. «Все эти картины, взятые из жизни людей преданных пьянству, – писал он, – исполнены по моему специальному заказу. В них рисуется пьянство со всеми его ужаснейшими последствиями. Каждая бытовая сцена сопровождается подробным объяснением в нарочито составленных книжках. Цель издания картин та же, что и брошюр – одним помочь выбраться из беды, а других предостеречь от несчастья».

Размер картин был общепринятый – восемь с половиной на восемь с половиной сантиметров (без рамки).

Однако подготовка световых картин требовала достаточно много времени и значительных денежных затрат. Нужно было платить художникам, изготовителям пластин, а затем еще раскрашивать их от руки – самому или нанимать работников. Дороже всего обходилось изготовление пластин фотоспособом, дававшим, впрочем, наилучшее качество изображения. Из перечня петербургских мастерских по изготовлению

⁴⁰⁹ Цит. по: *Булгаковский Д.Г.* Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за все время их существования (1895–1909 гг.). В 2-х ч. Сост. по официальным источникам. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – С. 184–185.

световых картин видно, что у Д.Г. Булгаковского в 1912–1913 годы была своя такая мастерская, размещавшаяся на Измайловском проспекте, 5.

Ассортимент картин на стекле, изготовленных Булгаковским, насчитывал к 1914 году, согласно изданному им каталогу, 667 наименований. В последующие годы число их увеличилось еще на несколько сот, доведя общее количество почти до 1000.

Световые картины, изготавливаемые по заказу Булгаковского, отличались «мягкостью тонов и прочностью красок». Цена одной картины составляла 1 рубль и более, нераскрашенная картина стоила в два раза дешевле. Иногда «в надежде на широкое распространение» картин цены на них снижались «до последней степени» – по 75 копеек за штуку. Рамки к ним продавались отдельно – от 7 до 3 копеек за штуку.

Помещая в своих изданиях информацию о подборках световых картин, писатель указывал: «Право производства и продажи световых картин к вышеупомянутым народным чтениям принадлежат исключительно автору-издателю».

Световые картины Д.Г. Булгаковского с сопроводительными чтениями все больше и больше завоевывали зрительские аудитории, пользуясь большим успехом при публичных чтениях не только в Петербурге, но и других местах России. Они обращали на себя внимание официальных учреждений, различных организаций, обществ и частных лиц.

Десятки брошюр Булгаковского были одобрены Ученым комитетом Министерства народного просвещения для учительских библиотек всех низших училищ, в бесплатные народные библиотеки и читальни, а книжки со световыми картинками одобрены для публичных народных чтений⁴¹⁰.

В 1909 году Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей циркуляром рекомендовало его брошюры и световые картины как «весьма желательные» для

⁴¹⁰ Определения особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1898. – Ноябрь. – С. 35; 1900. – Август. – С. 133; 1902. – Июнь. – С. 121, 125.

приобретения всем уездным комитетам Попечительств о народной трезвости⁴¹¹.

Комитет Попечительства о трудовой помощи, состоящий под Августейшим покровительством, при обсуждении в заседании 12 февраля 1909 года о приобретении ряда изданий Д.Г. Булгаковского для домов трудолюбия нашел, что они «могут оказать благотворное влияние на призреваемых». А комитет по образованию войск, при рассмотрении в 1910 году его световых картин и брошюр, признавал «полезное их направление».

Главный морской штаб в том же году рекомендовал его брошюры и чтения со световыми картинами для обращения в командах и приобретения в береговые и судовые командные библиотеки⁴¹².

В 1913 году Учебный отдел Министерства путей сообщения, признавая брошюры Д.Г. Булгаковского против пьянства «полезными», рекомендовал их для библиотек и Общества трезвости при железнодорожных мастерских, паровозных депо и т.п.⁴¹³

В 1914 году Училищный совет при Святейшем Синоде брошюры, относящиеся к световым картинам против пьянства, одобрил для библиотек церковно-приходских школ⁴¹⁴.

Составленные Д.Г. Булгаковским рассказы и чтения к световым картинам по своему содержанию были очень трогательны и даже пронзительны, способные пронять до слез. По мере того как распространялись они по стране, ему все чаще и чаще приходилось получать письма благодарности из разных мест и от разных людей и обществ.

Вот некоторые отзывы, которые приводит сам Булгаковский из писем, приходивших к нему из разных уголков России.

⁴¹¹ Циркуляр от 25 июня 1909 г. № 1733.

⁴¹² Циркуляр Главного Морского Штаба. – 1910. – № 32.

⁴¹³ От учебного отдела. Реестр книг и учебных пособий, одобренных Учебным комитетом Министерства путей сообщения в заседаниях 8 октября и 2 ноября сего года // Вестник путей сообщения. – 1913. – № 49. – С. 851–852.

⁴¹⁴ Церковный Вестник. – 1914. – № 1.

«Все книжки написаны чрезвычайно простым, общепонятным слогом, без подделки под народный язык; тон рассказа искренний, сердечный. Некоторые книжки должны быть особенно отмечены с наилучшей стороны. Таковы, например “Жизнь Касьяна” – чтение с туманными картинками; очень недурны также: “Рушилась семья”, “Водка сильна, но сильнее воля своя”, “Стоны Земли Русской”, “Душа всякого дела”, “Путь к свету” и др. Мы прочитали и просмотрели более двадцати брошюр, изданных Д.Г. Булгаковским, и некоторые из них вышли уже вторым изданием, что указывает на успех их в народе. Пусть и впредь идут они вширь и вглубь среди тех, кто так сильно нуждается в разумном, искреннем и убежденном слове против страшного народного порока», – говорилось в «Иллюстрированном приложении» к № 13 «Русского Инвалида» за 17 января 1910 года.

«Изданные Вами по вопросу об алкоголизме брошюры и световые картины полны глубокой жизненности и потрясающей правды. Они получают особый исключительный интерес. Желающих видеть Ваши картины и читать Ваши брошюры очень много», – писал Булгаковскому редактор «К-ских епархиальных ведомостей» (14 февраля 1910 г.)⁴¹⁵.

«Я очень благодарен Вам за Ваши световые картины, – писал член одного из губернского комитетов Попечительства о народной трезвости (9 февраля 1910 г.). – При демонстрации их, аудитория каждый раз переполняется народом. Видимо, Ваши картины оставляют глубокий след в душе зрителей»⁴¹⁶.

«Я знаю Вас, как примерного борца за трезвость. Чудны ваши книжки по борьбе с пьянством. Польза от них несомненна. Их слушает народ с глубоким вниманием. Выше всякой похвалы и световые Ваши картины к волшебному фонарю. Дай Бог Вам продолжать многие годы великое дело», – писал

⁴¹⁵ ИРЛИ РАН. Ф. 377 (С.А. Венгерова). Оп. 7. Д. 651. Л. 24.

⁴¹⁶ Там же.

председатель Легостаевского общества трезвости Томской губернии.

«Надо отдать справедливость, Ваши световые картины и книжки должны занять первое место в борьбе с алкоголизмом», – отзывался в январе 1910 года священник Семипалатинской области Иоанн Никифоров.

«Высоко ценя Вашу просветительную деятельность в деле отрезвления народа, – писал в 1912 году священник села Варлакова Оренбургской губернии Константин Васильевич Лукин, – я глубоко признаю, что Ваши брошюры и световые картины пока единственные у нас в России, которые могут оказать громадную пользу в борьбе с пьянством».

«Ваши издания, – писали в октябре 1913 года из Павловского уездного комитета Попечительства о народной трезвости, – по содержанию и изложению вполне доступные народному пониманию, дают прекрасный материал для публичных чтений, направленных к поднятию умственного и нравственного уровня простых людей. Световые картины Ваши смотрятся с интересом. То и другое служит богатым средством оздоровления народных масс».

«Световые картины Ваши по исполнению весьма удовлетворительны. Брошюры к ним составлены прекрасно и на слушателей производят желательное впечатление», – сообщал в октябре 1913 года комитет Екатеринодарского отдела Кубанского Попечительства о народной трезвости.

«Брошюры Ваши читаются охотно в Церквах моего благочиния, – писал протоиерей города Боброва Т. Баженов, – и народ слушает с большим вниманием, отчего есть и плоды... За что Вам и приносится глубочайшая благодарность»⁴¹⁷.

«Как материал для чтения, – писал священник села Парабель Томской губернии Малахия Пинтусов⁴¹⁸, – так и картины

⁴¹⁷ Там же.

⁴¹⁸ **Пинтусов Малахия Александрович** (1878–1930) – священник. Окончил церковно-приходскую школу. Работал учителем в одной из южных волостей Томского уезда Томской губернии. В 1906 г. рукоположен в сан священника к Спасской церкви с. Парабель Томской губернии. Занимал должность учителя церковно-приходской школы, а также духовного следователя 6 округа (с 1910 г.). В конце

Ваши сверх всякой похвалы. То и другое производит потрясающее впечатление на слушателей – некоторые из них от избытка чувств плачут»⁴¹⁹.

«Сердечно благодарен Вам за выписанные мною от Вас брошюры против пьянства. Все они глубоко потрясающего содержания; добавить или изменить что-либо в них не приходится. Самые такие и нужные для народа», – писал председатель Саратовского общества трезвости.

«Ваши световые картины против пьянства в смысле исполнения и содержания их не оставляют желать ничего лучшего», – писали в апреле 1913 года из Екатеринбургской уездной земской управы.

«Книги Ваши по борьбе с алкоголизмом, по изложению и содержанию, вполне отвечают своему назначению, а также и световые картины по их замыслу и техническому исполнению великолепны и на зрителей производят хорошее впечатление. Так, некоторые учителя народных школ, где производились чтения по борьбе с алкоголизмом, сообщают, что чтения эти настолько приятны, что многие благодарили за них. Некоторые отцы и матери выражали свое “спасибо”, а у других заметны были слезы. В будущем можно ожидать от этих чтений благотворных результатов», – сообщала в ноябре 1913 года Днепровская уездная земская управа.

«Книжки Ваши против пьянства читаются с захватывающим интересом, – писал в октябре 1913 года священник поселка Полетаевского Самаро-Златоустовской железной дороги (Великий Устюг). – Все в них доступно народному пониманию и вполне отвечает времени. Некоторые из них написаны с таким чувством, что невольно вызывают слезы и у меня лично, и у публики. Такое же сильное впечатление производят на зрителей и Ваши световые картины по своему замыслу и техническому исполнению».

1929 г. арестован, содержался в тюрьме с. Колпашево. В 1930 г. по приговору расстрелян.

⁴¹⁹ ИРЛИ РАН. Ф. 377 (С.А. Венгерова). Оп. 7. Д. 651. Л. 24.

А вот отрывок из письма известного московского священника протопресвитера Николая Любимова, бывшего в то время председателем Московского епархиального общества трезвости: «Ваши литературные труды против пьянства, а равно и световые картины давно стяжали Вам заслуженную славу».

«Книжки Ваши просты по содержанию и отвечают жизненной правде, изложены простым языком, понятны народу. Световые картины Ваши производят на жителей безусловно глубокое впечатление. От них можно ожидать добрых результатов», – писали в 1913 году из управления Луньевским округом (Урал) наследника П. Демидова, князя Сан-Доната⁴²⁰.

Именно эти отзывы поддерживали писателя, согревали сердце и давали силы продолжать работу в трудных ситуациях. Это было особенно нужно в минуты душевного упадка, наступавшего при виде всеразрастающегося повсюду порока и пьянственного разгула. А такие минуты действительно были. В это время Д.Г. Булгаковский уже не столь оптимистично смотрел на плоды своего дела, которому посвящал силы. Выпуская в начале 1914 года проспект «Народные издания по борьбе с алкоголизмом»⁴²¹, он с горечью писал: «С введением казенной продажи питей, хотя и началась повсюду решительная борьба против алкоголизма то устно, то посредством печати, но к несчастью ужаснейший порок не уменьшается. Страшно подумать, величайшая в свете Русская земля от пьянства вырождается и гибнет. Облегла ее беспросветная мгла, в атмосфере слышится тяжелый дух, похожий на трупный. При виде такого бедствия, постигшего Россию, берет иногда раздумье, стоит ли продолжать борьбу с “Зеленым Змием”, и невольно опускаются руки. Но почему-то и в эту пору все-таки остается в душе надежда, что не напрасно ведем мы борьбу с чудовищем, и с этою надеждою снова охотно берешься за

⁴²⁰ Отзывы см.: *Булгаковский Д.Г.* Народные издания по борьбе с алкоголизмом. [Проспект]. – СПб.: Сенатская тип., 1914. – [8] с.

⁴²¹ *Булгаковский Д.Г.* Народные издания по борьбе с алкоголизмом. [Проспект]. – СПб.: Сенатская тип., 1914. – [8] с.

работу, снова начинаешь верить, что рано или поздно будет вырвано жало у этого Змия. Так идут годы за годами то без надежды на успех, то с верою в светлое будущее.

Как плод этой окрыляющей веры, время от времени выходят из печати прежние и новые мои труды по борьбе с алкоголизмом. Думаю, что может быть они, проникнув в среду людей, сбившихся с прямого пути, одним помогут выбраться из беды, других предостерегут от несчастья, а детям откроют глаза на спиртные напитки и настроят их на решимость никогда не пробовать их»⁴²².

В этих словах уже не звучит той надежны на загорающуюся «светлую зарю в жизни народов и нашего отечества» и начало новой эпохи «с лучшей нравственностью и с лучшим благосостоянием» народной жизни, о которых писал Булгаковский, препровождая в 1898 году в свет свой альбом «Эхо». Это уже слова полные горького разочарования и предчувствия чего-то страшного и неизбежного.

Еще за несколько лет до этого Булгаковский в предисловии к альбому «Море слез» описывал ужасную реальность разрастающегося народного пьянства. «Велико и ужасно наше пьянство, — писал он. — Язва эта покрыла всю русскую землю. Что больше сказать — девушки не только по городам, но и даже по деревням начинают пить, пьют и не стыдятся; дети пьяные шатаются по улицам; ребята-школьники пьют; часто пропускают в школе уроки от головной боли после храмовых праздников, свадеб, крестин. Куда ни посмотришь, везде пьют и допьяна напиваются. Ни голодовки, по случаю недородов, ни эпидемические болезни, ни разорительные войны, ни общественные неурядицы не уменьшают пьянства. Точно все сделали между собой уговор разрушить все, что есть хорошего и не думать о том, что ожидает впереди»⁴²³.

Как бы то ни было, Д.Г. Булгаковский между тем уже снискал себе к тому времени как борец с народным пьянством

⁴²² Булгаковский Д.Г. Народные издания по борьбе с алкоголизмом. [Проспект]. — СПб.: Сенатская тип., 1914. — С. 1.

⁴²³ Булгаковский Д.Г. Море слез. Картины из жизни людей, преданных пьянству. Продолжение альбома «Эхо». Изд. 4-е. — СПб.: Отечественная тип., 1910. — С. 3.

заслуженную известность. Об этом может свидетельствовать кроме приведенных выше отзывов еще и такой факт. В 1913–1914 годах столичный литератор и просветитель И.П. Мордвинов разрабатывал проект создания первого в России «трезвенного музея». Проект этот он опубликовал в журнале «Трезвая Жизнь»⁴²⁴. Среди разнообразных отделов музея предполагался и отдел, посвященный известным деятелям, внесшим заметный вклад в дело отрезвления народа. Среди намеченных персоналий «представителей неорганизованной (личной) борьбы за трезвость», таких, например, как А.Н. Аксаков, профессор С.И. Барановский, профессор Густав Бунге, Д.А. Дриль, А.И. Кошелев, Л.Н. Толстой, Д.А. Челышев и др., значился и Д.Г. Булгаковский⁴²⁵. В музее должны были быть представлены собрание его сочинений и портрет.

Но проекту музея, к сожалению, не суждено было воплотиться в жизнь, и он так и остался на бумаге. Наступали другие времена, которые вскоре перевернули всю русскую жизнь.

⁴²⁴ Мордвинов И. Трезвенный музей // Трезвая Жизнь. – 1913. – № 7–8. – С. 130–135; № 11. – С. 560–571; № 12. – С. 682–691; 1914. – № 2. – С. 242–251; № 6. – С. 733–752.

⁴²⁵ Там же. – С. 734.

IX

На закате...

20 июля 1914 года царский манифест возвестил о начале войны с Германией. Началось военное время с его тревогами, скорбями и лишениями.

Уже в конце первого года войны Д.Г. Булгаковский издал пять выпусков брошюр «Война 1914 года»⁴²⁶ – комментарии почти к 500 изготовленным по его заказу световым картинам, посвященным разнообразнейшим сюжетам начавшейся войны. Также им были изданы брошюры религиозно-патриотического содержания: «Во время войны. Что должен делать и помнить русский народ»⁴²⁷ и «С нами Бог» (посвящение всероссийскому доблестному воинству и народу)⁴²⁸. Эти издания первых месяцев войны были написаны на высоком патриотическом подъеме, общем тогда для всего русского общества. Тогда еще многим верилось, что победа русской армии будет, хотя и нелегкой, но скорой и славной. «И будет величественная слава России расти и разрастаться, – писал Булгаковский – и вечно будет несокрушима Русь православная, и будет она всегда страшна врагам, ее завистникам, и все злые их замыслы будут разбиваться о ее могучую грудь, как о каменную стену. С нами, с нами Бог, разумеите языцы и покоряйтесь!»⁴²⁹

Однако уже после первого года войны патриотический подъем в обществе стал заметно ослабевать. Крупные военные неудачи принесли разочарование в несокрушимости русского оружия, недоумение, тревогу. Общее горе темной тучей повисло над Россией. Повсюду слышались вопросы:

⁴²⁶ Булгаковский Д.Г. Война 1914 года. Объяснение световых картин, относящихся к войне 1914 года. Вып. 1–5. – Пг.: Тип. Петрогр. градоначальства, 1914.

⁴²⁷ Булгаковский Д.Г. Во время войны. Что должен делать и помнить русский народ. – СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1914. – 8 с.

⁴²⁸ Булгаковский Д.Г. С нами Бог. – Пг.: Тип. Петроград. градоначальства, 1914. – 8 с.

⁴²⁹ Там же.

«Скоро ли кончится война? Сколько несчастья, сколько жертв человеческих! Кругом беда, страшное горе!» Откликаясь на эти настроения, Булгаковский в мае 1916 года издал брошюру под названием «Не падайте духом», в которой пытался поднять упавший дух своих соотечественников. «Неумолкаемый идет стон по деревням, — писал он, — стонут русские люди в городах. С кем ни заговоришь, раздастся вопль и терзание души. Что это стало с русскою землею? Ужели русский человек, в горе терпеливый, в несчастьях выносливый, ослабел и приходит в отчаяние? Ужели нынешняя война, правда, обрушившаяся на нас величайшими бедствиями, такая ужасная, что становится не под силу великому нашему духу? Верно, эта война, как Россия стоит, действительно, внесла с собою такое опустошение, что и русский человек, при всем своем величии духа, застонал. Но так не должно быть. Прочь же малодушие! Прочь отчаяние!»⁴³⁰

Булгаковский напоминал о славных победах русского оружия в былые времена — на Куликовом поле, под Полтавой и др. «Можно ли в это время, когда идет последний расчет с неприятелями, нам падать духом? Надо каждому из нас забыть о себе, о личных удобствах, а думать только об одном — нанести врагам решительное поражение. Эта война должна дать всему миру вечный мир, создать новую эру, которая навсегда сделает войну бесполезной. Значит, в настоящее время решаются великие задачи, все становится на карту. Раз навсегда мы должны расправиться с засильниками земли русской — грабителями немцами, разделаться с лоскутниками-австрияками, разделаться так, чтобы они, как самостоятельное государство, сошли с карты Европы; покончить с турками — этими вековыми угнетателями христиан-славян; дать внушительный урок неблагодарным болгарам, забывшим свою благодетельницу сердобольную Россию, которая еще на нашей памяти освободила их своей драгоценной кровью от турецкого ига

⁴³⁰ Булгаковский Д.Г. Не падайте духом. По поводу войны в 1914, 1915, 1916 годах. — Пг.: Тип. О-ва распр. рел.-нравств. просв., 1916. — С. 1–2.

в 1877 году. Таки образом, мы с нашими верными союзниками должны совершить великое дело, а все великие дела не делаются легко, они требуют больших трудов и часто с тяжелыми жертвами. Спрашивается, возможно ли в такую пору думать о себе и плакаться на тяжелые условия жизни?»⁴³¹

Одновременно с этой брошюрой Булгаковский выпустил еще несколько изданий, посвященных войне: «Русский солдат на войне в прежнее время и теперь в 1914, 1915 и 1916 гг.»⁴³² и «Великая война в 1914, 1915, 1916 годах. Выдающиеся события на пути защиты России в ее целостности, чести и достоинстве»⁴³³.

Содержание первой части книжки «Русский солдат на войне в прежнее время и теперь» почти целиком было заимствовано из брошюры «Русский солдат на войне», изданной еще в 1892 году. Вторую часть составил ряд историй из событий современной войны, собранных в качестве иллюстраций к рубрикам: «Храбрость и отвага», «Неустранимость», «Верность присяге», «Преданность делу», «Самоотверженность», «Находчивость» и т.д. Как видно из названий, здесь были представлены главные качества, необходимые солдату на войне. Подобранные истории красноречиво иллюстрировали то, что русский солдат, как и в прежнее время, еще сохраняет все эти лучшие воинские свойства.

Книжка «Великая война в 1914, 1915, 1916 годах» представляла собой краткую летопись наиболее выдающихся событий ведущейся войны. Начиналась она императорскими манифестами, касающимися объявления войны Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Описывались события первых дней войны, ознаменованные всенародным патриотическим подъемом. Рассказывалось о заседаниях Государственной Думы и выступлениях председателя Совета министров

⁴³¹ Булгаковский Д.Г. Не падайте духом. По поводу войны в 1914, 1915, 1916 годах. – Пг.: Тип. О-ва распр. рел.-нравств. просв., 1916. – С. 3–4.

⁴³² Булгаковский Д.Г. Русский солдат на войне в прежнее время и теперь в 1914, 1915 и 1916 гг. – Пг.: Тип. «Т-ва газ. Свет», 1916. – 51 с.

⁴³³ Булгаковский Д.Г. Великая война в 1914, 1915, 1916 годах. Выдающиеся события на пути защиты России в ее целостности, чести и достоинстве. – Пг.: Тип. О-ва распр. религ. нравств. просвещен., 1916. – 58 с.

И.Л. Горемыкина, министра иностранных дел С.Д. Сазонова, министра финансов П.Л. Барка. Затем описывались первые военные столкновения: бой под Томашевым, бой под Львовом, в Августовском лесу и пр. Рассказывалось о разных замечательных случаях и подвигах из фронтовой жизни.

В этих изданиях Булгаковский старался поддержать патриотический дух солдат, возбудить в них жертвенную любовь к Вере, Царю и Отечеству. «Никому, кажется, не мила так родина, как русскому человеку. Горячо он любит все свое родное. <...> И эта пламенная любовь и преданность к своей родине проявляются у него особенно с неудержимой силой в то время, когда Отечеству угрожает опасность от врагов. Тогда всякий готов бывает на всякую жертву, лишь бы ничего не утратить из своего дорогого достояния. <...> И, слава Богу, русский народ всегда сознавал, что защита Веры, Царя и Отечества – дело правое, святое, а смерть за это дело – священный долг его»⁴³⁴. «Мы никого не боялись, с кем бы ни приходилось воевать. И теперь все готовы лечь костями за свою милую Родину. Чего нам бояться? Бог поможет, и расправимся с нашими врагами-завистниками»⁴³⁵. Как видим, он искренне надеялся, что война непременно закончится для России победой, и наступит новая жизнь.

Кроме изданий на военную тематику в эти годы продолжали переиздаваться его многие прежние брошюры и книжки. Из новых изданий этого времени можно назвать народную брошюру «Главное для здоровья»⁴³⁶, в которой автор дает полезные практические советы, как вести правильный и здоровый образ жизни.

Между тем жизнь писателя клонилась к концу, силы таяли, здоровье слабело.

Последние годы Д.Г. Булгаковский, вероятно ввиду неважного материального положения, вынужден был часто

⁴³⁴ Булгаковский Д.Г. Русский солдат на войне в прежнее время и теперь в 1914, 1915 и 1916 гг. Изд. 2-е. – Пг.: Гос. тип., 1916. – С. 3–4.

⁴³⁵ Булгаковский Д.Г. Великая война в 1914, 1915, 1916 годах. – С. 51.

⁴³⁶ Булгаковский Д.Г. Главное для здоровья. Изд. 2-е. – Пг.: Тип. Петрогр. градоначальства, 1915. – 15 с., с ил.

менять жилье. Вот адреса, по которым он проживал в Петербурге с 1909 по 1916 годы: в 1909 году по 2-й Рождественской улице в доме 1; в 1910 году по улице Кирилловской в доме 14; в 1911–1912 годах по Измайловскому проспекту в доме 5; с конца 1912 по 1915 год по улице Большая Зеленина в доме 9. В начале 1916 года писатель проживал на Невском проспекте в доме 136, но в том же году, видимо в связи с осадным положением Петрограда, где уже ему «не под силу было оставаться», переехал в Гатчину, поселившись на улице Мало-Гатчинская в доме 25. Жена его еще оставалась в столице, по крайней мере, в книге «Весь Петроград» за 1916 год указывается, что она проживала по улице Лиговская в доме 35, а из того же издания за 1917 год видно, что она из города уехала.

В Гатчине Д.Г. Булгаковский прожил около года, но и оттуда ему пришлось, по собственному выражению, бежать. Переехал он в Ярославскую губернию, поселившись в деревне Пищалино Любимского уезда⁴³⁷.

Там в деревенской глуши Булгаковский, видимо, занялся разбором и приведением в порядок своих бумаг. У него оставалось одно неоконченное исследование, начатое более 20 лет назад, — о Валаамском монастыре. Желая довести его до завершения, писатель решил обратиться за помощью к кому-нибудь из своих знакомых. Он напомнил о себе известному церковному историку и археологу Сергею Алексеевичу Белокурову, с которым познакомился много лет назад. Белокуров служил в московском главном архиве Министерства иностранных дел. В ученном мире он был известен как издатель исторических материалов самого разнообразного характера («Материалы для русской истории» (М., 1888), «Из духовной жизни московского общества XVII в.» (М., 1903) и др.), также много изданий вышло под его редакцией («Чтения московского общества истории и древностей Российских» и др.), и под его наблюдением были изданы труды академика Е.Е. Голубинского. Из самостоятельных работ Белокурова крупнейшие:

⁴³⁷ Ныне деревня Любимского района Ярославской области.

ЗАЛА 18

ШКАФЪ 113.

ПОЛКА 7.

№ 206.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО
КЪ НАГЛЯДНОМУ УСВОЕНЮ
РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ.

ДЛЯ
НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛЪ И ЛЮДЕЙ, НЕ УЧИВШИХЪ ГРАММАТИКИ.

СОСТАВИЛЪ
УЧИТЕЛЬ, СПЕЦИАЛИСТЪ **Д. Булгаковскій.**

ЦЕНА 30 К., СЪ ПЕРЕС. 40 К.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по заказу, № 3.

Церковь Рождества Богородицы в деревне Лужки Шарковщинского района Витебской области – место служения священника Дмитрия Булгаковского в 1885–1888 гг. (фото автора, 2009 г.)

Местночтимая икона Божией Матери Лужецкой Рождества-Богородицкой церкви (фото автора, 2009 г.)

Взв. ввиду низкотелой сущности
1020 р. и пожертвованное Пана-
тико. на 2 Пятарониз и в сего на
торона, сколько будет нужно, ^{всего} ^{просто}
пожертвовать ^{просто} против Анти-вну
Оу-Хсвну. Консисторию разра-
тнить пригласить Кравдана,
по воеводислению Оу-Хсвну церковь
маленькая с крестом, но в сего церковь
подъ пригласит Оу-Хсвну
Оу-Хсвну церковь. В сего церковь
Оу-Хсвну, пригласит Оу-Хсвну
Стараніз, и в сего в сего
церковь, и открыт в ней в сего
ний, так как, в сего, в сего
возможности, в 5 1/2 верст, в сего
в Кавказе в сего церковь, в сего
мелко в сего, в сего в сего
почву, как в сего в сего.

Дисненский благочинный свя-
щенник 1865 г. ^{в сего} ^{в сего} ^{в сего}
Сентябрь 1865 г.
N 25.

Фрагмент рапорта Дисненского благочинного священника Вениамина Соколова на имя Литовской духовной консистории о подготовке возобновления сгоревшей Лужецкой Рождества-Богородицкой церкви (ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1185)

Претекст

При вселеніи въ Армавиръ явился некий
пасторъ, но неавторизованный, принявъ пово-
ломъ въ амвразіи пастъ въ селеніи Воеводъ,
свернулъ въ настоящее время раскольникъ. Мо-
жетъ быть случилось и съ самимъ А. такъ какъ
въ сентябрѣ на мѣсто православнаго священна-
го бѣжалъ некто изъ пѣшихъ, прикоманди-
рованъ въ Пестеръ-устьи поповодомъ бѣгства
свѣдѣнныи Кавказоуправляющимъ Армавирской
церкви, но при сѣмъ случаѣ явился не
законно на поповскій постъ православнаго
духовнаго пастъ въ селеніи Воеводъ, гдѣ въ
настоящее время проживающаго Про-
хорова съ въ селеніи, тамъ сѣмъ по-
сѣдки Воеводъ сѣмъ съ прикомандъ въ
Пестъ свѣдѣнныи пастъ, но законно
поставленнаго въ сѣмъ поповскій сѣмъ
при сѣмъ случаѣ сѣмъ въ сѣмъ.

2 Cornwallis

Фрагмент рапорта священника Дмитрия Булгаковского Литовскому архиепископу Алексию (Лаврову-Платонову) о необходимости перемещения святого престола в связи с ремонтными работами (ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1185)

ЛА 18 319
РАФЪ 2
ЛКА 532

РАБА БОЖІА КСЕНІА
ИЛИ
ЮРОДИВЫЙ АНДРЕЙ ТЕОДОРОВИЧЪ.

ПОГРЕБЕНА НА СМОЛЕНСКОМЪ КЛАДБИЩѢ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

С. Д. БУЛГАКОВСКАГО.

478/10

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. В. Комарова. Невскій, 136—138.
1890.

СТРАННИКЪ
Александръ Михайловичъ КРАЙНЕВЪ.

зала 34
шкафъ 83.
полка 8.
№ 438.

ЗНАМЕНІЕ БОЖІЕЙ МАТЕРИ

Съ изображеніемъ Знаменія Божіей Матери

Свящ. Д. Булгаковскаго

ЗАЛА 18
ШНАФЪ 181
ПОЛКА 6
№ 276

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ 2-Е, КНИГОПРОДАВЦА И. А. ТУЗОВА

1893

ЦѢНА 5 КОП.

Не ймали ніякі поміщи, не ймали ніякі надѣжды,
развѣ Тебѣ, Владычице.

цѣла 20
никафъ 25
полка 3
№ 113

КАЗАНСКАЯ

ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА

БОЖІЕЙ МАТЕРИ

и

БЫВШІЯ ОТЪ НЕЯ ЧУДЕСА.

Съ 5-ю рисунками.

Священникъ

Димитрій Булгаковскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Эдуарда Гоппе.

Вознесенскій проспектъ, 53.

1896.

Чудотворная икона Казанской Вожіей Матери.

Благодать Роднагого отъ Мене и Мои да бу-
детъ съ сими иконами.

Слова Богоматери — во древнему преданію.

Земля убо широта, и моря глубина, и Го-
горолицы чюдеса не изощена.

Патріархъ Гермогенъ.

Се бо отнынѣ ублажать Мя вси роди
(Лук. I. 48), такъ во умилени сердца отвѣ-
чала Преблагословенная Дѣва Марія на востор-
женно-пророческое привѣтствіе родственницы
Своей Елизаветы. И вѣрно, весь родъ христіан-
скій прославляетъ Богоматерь съ восходомъ солнца до захож-
денія его, съ вечера до утра. И не умолкнуть уста человѣчески
възывать къ Ней до скончанія вѣка. Ибо Она — неисчерпаемый
источникъ милосердія, прибіжище всѣхъ скорбящихъ и не-
изреченное сокровище всего міра, чистѣйшая Херувимъ и
славнѣйшая безъ сравненія серафимъ.

Предстои у престола Сына Своего, Господа Нашего
Исуса Христа, Она неутомляемо съ материнскимъ дерзнове-
ніемъ ходатайствуетъ за весь міръ христіанскій. Для всѣхъ
Она все: для унывающихъ утѣшеніе, для праждающихъ
примиреніе, для безнадежныхъ надежда, для болящихъ исцѣ-

Домик Петра Великого в С.-Петербурге

Нерукотворный образ Спасителя в домике Петра Великого
в С.- Петербурге

Бб 2547

Антирелигиозное отделение
Гос. Публичной Библиот. в Л.-д.

ИССЫКЪ-КУЛЬСКІЙ
ПРАВОСЛАВНЫЙ
МИССИОНЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ
ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

Составилъ
Димитрій Булгаковскій

зала 18
шкафъ 260
полка 8
№ 158

АКОВСКИИ.

Нижегородскія Легенды.

Какъ начинался Нижний-
Новгородъ.
Дятловы горы.
Коромыслова башня.
Проклятіе Н.-Новгорода.
Кума чародѣйна.
Царская невѣста.
Убойное дѣло.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашкина и К^о. Фонтанка, 93.
1896.

за № 34
никак
полна
№ 16

Д. Г. БУЛГАКОВСКИЙ.

АЛФАВИТНЫЙ

КАЗАТЕЛЬ

КНИГЪ И СТАТЕЙ
ПРОТИВЪ ПЬЯНСТВА

ВЪ НОВАЯШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕ-
РАТУРЪ И ПАМЯТНИКОВЪ
ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ПИСЬМЕН-
НОСТИ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.
Киево-рождана А. Д. СТУПИНА.

СПБ

ДОПУЩЕНО въ учительскій библиотекъ низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя
библиотеки и читальни. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. Нотрѣ 1898 г.).

Д-р Вилхелм Брандт

ТѢЛСТВО И

ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ

ВЪ РИСУНКАХЪ.

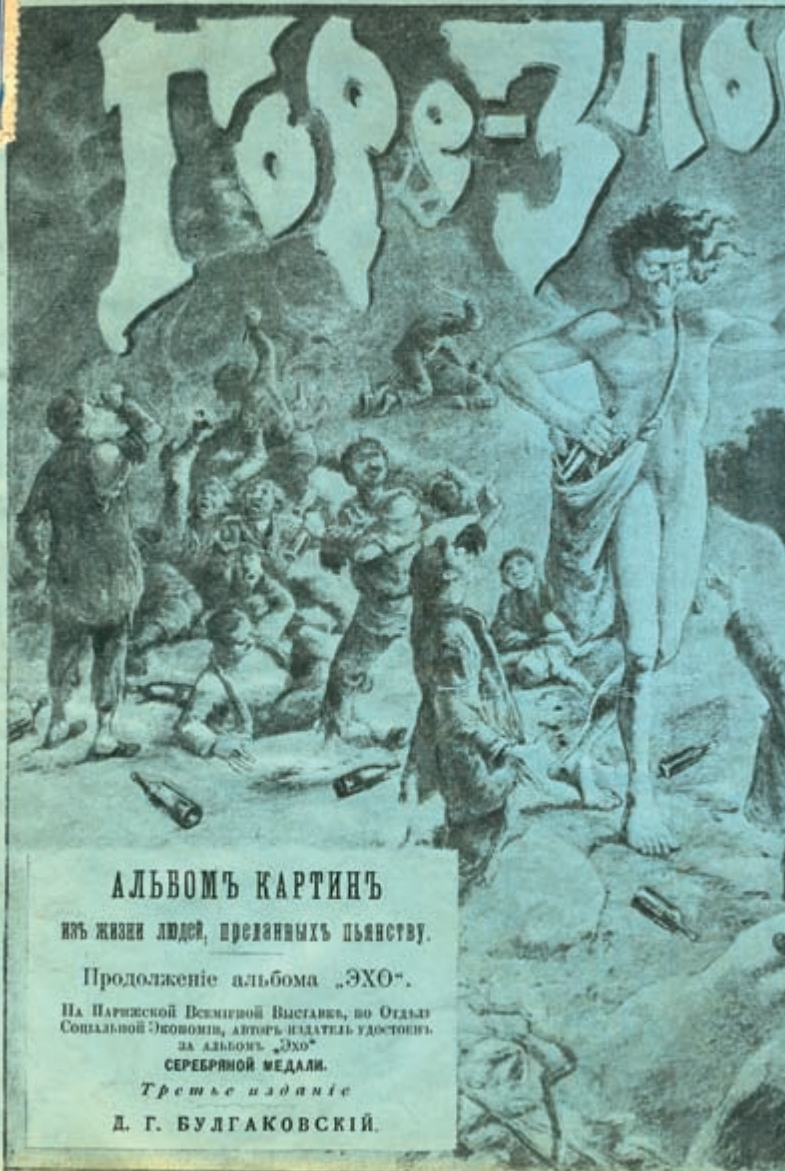

Въ Радунину пришли люди на кладбище помолиться о своихъ родныхъ. Добрый и благочестивый обычай! Многие переносятся душой къ прошлому, и воспоминавша о немъ вызываютъ на лицахъ грусть, печаль, а у некоторыхъ и слезы. Слышится неумолкаемое печальное пѣваніе „Вѣчная память“; въ воздухѣ носится кадильный дымъ. И среди этой торжественной обстановки, среди крестовъ и могильныхъ памятниковъ, при звукахъ трогательныхъ церковныхъ пѣснопѣій, на некоторыхъ могилкахъ — на этихъ мѣстахъ вѣчнаго упокоенія — идетъ попопка, — попопка въ

такихъ разбѣрахъ, что некоторые заснули, а другіе близи къ этому. Мало того; посмотрите — вотъ отецъ до того обезумѣлъ отъ усерднаго поминанія, для котораго онъ принесъ сюда ибѣлую четверть подки, что началъ угощать виномъ свою сенилѣтнюю дочь, не сознавая, что онъ отравляетъ ибѣлшій организмъ мл�тутки. И это безобразіе, этотъ пьянствѣнный разгулъ происходитъ при молитвенномъ воспоминаніи о тѣхъ, изъ которыхъ многие, быть можетъ, мучаются въ загробномъ мірѣ за свою пьянствѣнную земную жизнь.

Иллюстрации из альбома «Эхо»

38
24
2
40

ГОРЕ-ЗЛО

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ

изъ жизни людей, предавшихся пьянству.

Продолженіе альбома „ЭХО“.

На Парижской Всемирной Выставкѣ, во Отдѣлѣ
Соціальной Экономіи, авторъ издатель удостоенъ
за альбомъ „ЭХО“

СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛИ.

Третье изданіе

Д. Г. БУЛГАКОВСКИЙ.

Счастье

зала 20
шкафъ 58
полка 6
№ 236

Д. Булгаковский

КАРТИНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ

Дополненіе къ альбому „Эхо“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1900.

За ковшъ, такъ и за ножъ.

Поднялся шумъ, заговорили всѣ, послышались попреки, еще родню задѣли, пошли другъ друга укорять.

— Да брось, Иванъ,—зачѣмъ это?—вмѣшалось нѣсколько не совсѣмъ еще пьяныхъ мужиковъ.—Давай-ка, наливай, попотчуй лучше, што тутъ ссориться!

Но Иванъ не унимался.

— Хочу дѣлиться! не буду вмѣстѣ жить. Чтобъ я стерпѣлъ обиду,—горячился онъ и стучалъ по столу кулакомъ.

— Ишь ты расходился, смотри, уйдеши отъ насъ, совсѣмъ соньешься,—замѣтилъ ему съ усмѣшкой Андрей.

Иванъ затрясся, поблѣднѣлъ, схватилъ лежавшій на столѣ ножъ и замахнулся имъ на брата.

— Молчать! убью! Я за тебя работалъ, а ты молокососъ учишь меня, не доведи до смертоубійства, шутить я не люблю!

Еще громче всѣ закричали и завизжали пуще бабы, и уже нельзя было разобрать: кто за кого кричалъ. Вино всѣмъ головы вскружило.

Р О Л Ъ
ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА
ВЪ БОРЬБѢ СЪ НАРОДНЫМЪ ПЬЯНСТВОМЪ.

Священника Д. Г. Вултаковского.

(Докладъ Коммисіи по вопросу объ алкоголизмѣ 6-го октября 1899 г.).

З. 34
Ш. 53
П. 4
№ 540

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. П. Соѣкина, Стрѣнная, 12.

1900.

491

Д. Г. Булгаковскій.

зала 38
шкафъ
полка
№

62
2
45

РОМАНЪ

въ двухъ частяхъ.

БЛИЗНЕЦЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія В. В. Комарова. Невскій, 136.
1903.

З. 34

III. 50

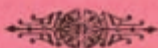
П. 7

№ 916

Д. И. Булаковский.

НА КРЕСТИНАХЪ.

РАЗСКАЗЪ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна 5 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Отечественная типографія. Подольская, 34.
1909.

Всероссійскій Вѣстникъ Трезвости

№ 1.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЬ
ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

1911 ГОДЪ.

Даръ Императорской Пуб-
личной Библиотеки и ред-
Д. Т. Булгаковскій.

Статьи изъ сборника
о великомъ прошломъ
Великое былое.

Воспоминанія *27 Сентября*
объ Отечественной войнѣ, *1911 г.*
по поводу ея столѣтней годовщины.

СБОРНИКЪ

иллюстрированъ 113 народными картинками и
рисунками лучшихъ художниковъ.

зада 37.
шкафъ 33.
полка 9.
№ 54

Цена 60 коп.

Посвящается простому народу и шинельникамъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія С.-Петербургской тюрьмы, Арсенальная наб., д. № 5.

1912 г.

зала 18

шкафъ

полка

№

294.

4.

257

И. И. Булгаковский.

Отголоски старины оъ Отечественной войнѣ.

Разказы очевидцевъ.

Воспоминанія современниковъ и старожилонъ.

Писма. Дневники.

Записки. Анекдоты.

Съ 39 рисунками.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С.-Петербургской одиночной тюрьмы.

1912.

ДИМИТРИЙ ГАВРИЛОВИЧЪ
БУЛГАКОВСКИЙ.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНИЯ
ПО БОРЬБѢ СЪ АЛКОГОЛИЗМОМЪ
И ДРУГИМЪ.

14. февраля 1908г.

№

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Большая Звонница, 9.

Почт. Дир. Булгакова
Дорожна Писемника
Ярославск. губ.

Благороднейшій
Сергей Александровичъ

Письмо Ваше, отъ 5 февраля

получено мною 13го того же мѣсяца.

Удивляюсь, какъ Вы могли въ
точности извѣдать мое душевное со-
стояние. Дѣйствительно, по сущности
того Вашего письма, я стану даже
себѣ труднее думать, что праседа моя,
какъ чрезвычайно безразличная,
вопреки, оказалась неисполненной,
особенно въ настоящее время.

Отвѣтъ же Вашъ къ моему ин-
тересу въ отношеніи моего сло-
ва и интересовъ, не и образованъ въ

Ваше письмо старинна дѣла въ Вашемъ сердцѣ
самыя глубокіе признаки. Число:
въ настоящее время, подѣл вынужденъ по-
литическимъ событіямъ, и особенно при-

Письмо Д.Г. Булгаковского к С.А. Белокурову
(РГИА. Ф. 1628 (Голубинский Е.). Оп. 1. Д. 534.)

ратности судьбы нашей России, и столь по-
риятелъ вѣру въ существование добра и ве-
стности людей, и этакая тоска замирает
меня. Письмо Ваше показало, что все
еще на старой дорожке и истинные люди...

Дай бог Вамъ еще много, много летъ
здоровствовать и оставаться такимъ же ве-
рнымъ и хорошимъ, какъ и въ рѣшитель-
ные Ваши критическія моменты жизни.

Спасибо Вамъ за все, дорогие и ми-
лый Сергей Александровичъ.

Въ известіяхъ изъ Петербурга узналъ
и искренно благодаренъ за Ваши
вѣсточки С. Булгаковичъ.

34. 104. 6. 118.

ХРАМЪ БОЖІЙ
и
ЕГО СВЯЩЕННАЯ ВАЖНОСТЬ
ДЛЯ ХРИСТІАНЪ.

Храмъ Мой храмъ мѣтвы наречётся (Иер. 31, 31).

БѢЛЫЯ СЪЧІИ МОИ ГЛ

И сердце Моё по всѣмъ днѣмъ (Г. Царств. 6, 7).

Вниду въ домъ твой, поклонюсь во храмъ стѣнамъ Твоимъ
(Псал. 65, 1).

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе И. Л. ТУЗОВА. Гостиный дворъ, 45.
1916.

Цѣна 10 коп.

«Арсений Суханов» в 2-х частях (М., 1891–1893); «О библиотеке московских государей в XVI столетии» (1898–1899, 2-е изд.); «Юрий Крижанич в России (по новым документам)» (1902).

Ученый откликнулся на письмо престарелого писателя, и это подвигло последнего обратиться к нему с просьбой.

«Сердечно благодарю за Ваш ответ, который меня обрадовал, – писал в начале января 1918 года растроганный Булгаковский. – Дай Бог Вам здоровья и долголетия еще на многие, многие годы. То светлое и приятное впечатление, которое я, познакомившись с Вами несколько лет назад, вынес, так живо и так глубоко запало в мою душу, что как будто бы я имел удовольствие видеть Вас несколько месяцев назад. Как Вы были 20 лет тому назад хороши. Думаю, что Вы и до сего дня остались тем же. Вот почему я теперь решаюсь беспокоить Вас моею усерднейшею просьбою помочь мне в моих давнишних трудах, – я не только за это буду душевно благодарен, но и в предисловии моего издания, если разрешите, поблагодарю. Кто Вам сейчас пишет и просит, Вы, вероятно, припомните, если уделите свободную минутку на прочтение моей повести: “В стороне от жизни”, – в ней я о себе писал»⁴³⁸.

Булгаковский сообщал, что хочет окончить свой многолетний труд, так как годы его «приближаются к исходу из сей юдоли плачевной». Предполагаемое издание он планировал приблизительно озаглавить «Собранный материал и его источники для обновления истории Валаамского монастыря». Оглавление его должно было состоять из отделов: 1) Поселение преподобных Сергия и Германа на острове Валаам и их происхождение; 2) Время основания Валаамского монастыря; 3) Преставление преподобных Сергия и Германа; 4) Обретение мощей их и причтение к лику святых; 5) Духовная жизнь на Валааме и бытовой уклад иноков в первое время по основании монастыря; 6) Набеги шведов на Валаам. Перенесение мощей. Бедствия иноков. Запустение монастыря; 7) Дальнейшая

⁴³⁸ РГИА. Ф. 1628 (Голубинский Е.). Оп. 1. Д. 534. Л. 1.

судьба монастыря; 8) Топографическое положение острова Валаам и мнения о происхождении его названия.

Булгаковский перечислил также и источники, на основании которых составлял исследование: I) рукописи; II) богослужебные книги; III) издания светской и духовной литературы, печатные книги; IV) повременные издания – журналы и газеты; V) деловые (официальные) бумаги; VI) письма и дневники. Он подчеркивал, что «не без цели изложил эти подробности», а в надежде, что ученый выскажет свое мнение. Булгаковский указывал, что весь материал предполагает дать дословно, поэтому его сборник «отнюдь не систематическая история монастыря».

«Вы, Сергей Алексеевич, – писал он, – когда-то сказали мне, что встречали у Бантыша-Каменского в «Обзоре внешних сношений» кое-что о Сергии и Германе или о Валааме. Я пробовал искать, но, к сожалению, ничего не нашел, хотя должен сознаться не особенно много времени уделил на это, а ведь Обзор в 3-х книгах»⁴³⁹. Он спрашивал Белокурова, не укажет ли он других источников, относящихся к его исследованию, припоминая, что, как ему кажется, года три тому назад нашли какие-то новые рукописи и книги в Москве.

Затем Булгаковский высказался, что хотел бы пересмотреть и сделать дословную выписку из ряда рукописей, представив в письме подробный список с названиями, местом нахождения и нужными страницами.

«Все это мне крайне нужно и не прочесть только, но выписать дословно (такого рода мой труд), – писал он. – Поехать бы мне к Вам в Москву на несколько дней, в Казань и в Поречье (усадьбу Уваровых. – *Г.Щ.*), да, к сожалению, не могу тронуться за 100 верст по жизненным обстоятельствам, а благоприятное время пропустил. Выписать бы это для временного пользования – никто не вышлет, не поверят частному лицу, – залога не в состоянии представить. Вам бы, дорогой Сергей Алексеевич, возможно все это просить и Вам

⁴³⁹ РГИА. Ф. 1628 (Голубинский Е.). Оп. 1. Д. 534. Л. 1 об.

не откажут. Затем поручите особому переписчику все списать для меня, и я уплатил бы ему за труды, если не особенно дорого он возьмет. Мне бы можно прислать оригиналы, да едва ли могу я надеяться на такое доверие и просить об этом. Будьте добры, бюю Вам челом, подумайте о моей просьбе, и сделайте что можно – умоляет Вас литератор, хотя и небольшой, но старый, трудам которого в будущем году исполнится 50 лет.

Положим, труд мой не интересен, и быть может, никому не нужен, возможно, что я сделал ошибку, что избрал предмет малоценный, стал заниматься какою-то дребеденью или безалаберщиной, но согласитесь сами, как мне больно все, что я собрал за 20 с лишком лет, бросить в печь. Надо непременно кончить, чтобы другие не делали таких ошибок, как я»⁴⁴⁰.

Написав, что с нетерпением будет ждать «утешительного ответа», Булгаковский обрисовал свое незавидное положение: «Живу теперь в какой-то деревне Пищалине, где от мародеров крестьян приходится не только пицать, но прямо стонать: десяток яиц 4 руб., бутылка молока 35 к., масло коровье 7 руб. фунт, мяса совсем нет, даже чернил и перьев нет, – видите ли какими чернилами пишу к Вам – трудно будет Вам читать, – поистине медвежьи углы. А главное – хлеб очень дорог – 1 р. 20 коп. фунт и тот трудно достать. Газет никаких, читать нечего. Просто можно с ума сойти. Господи, когда же эти страдания кончатся, и нет никакого просвета. Впрочем, Вам все это лучше известно. Простите, Сергей Алексеевич, что письмо мое длинное кончаю нытьем или даже воплем. Лучше пожелать Вам лучших благ и многих, многих лет»⁴⁴¹.

Трудно было рассчитывать, что кто-то в беспокойное время гражданской войны, разрухи откликнется на просьбу 75-летнего старика. Однако Белокуров откликнулся.

Получив от него 13 февраля письмо, Булгаковский уже на следующий день писал: «Удивляюсь, как Вы могли в точности

⁴⁴⁰ Там же. Л. 3–3 об.

⁴⁴¹ Там же. Л. 3 об.

угадать мое душевное состояние. Действительно, по случаю долгого Вашего молчания, я стал было с тревогой думать, что просьба моя, как чрезвычайно обременительная, вероятно, оказалась неисполненной, особенно в настоящее время.

Ответ же Ваш не только меня успокоил в отношении моих личных интересов, когда я почувствовал, как Вы широко открыли двери в Вашем сердце, но и обрадовал по более глубоким причинам. Именно: в последнее время, под влиянием политических событий, и особенно превратностей судьбы нашей Родины, я стал терять веру в существование добрых и честных людей, и оттого тоска замучила меня. Письмо Ваше показало, что есть еще на свете добрые и честные люди...

Дай Бог Вам еще много, много лет здоровья и оставаться тем же добрым и хорошим, как я впервые увидел Вас несколько лет тому назад.

Спасибо Вам за все, дорогой и милый Сергей Алексеевич.

С чувством глубочайшего уважения и искренней преданности к Вам остаюсь Д. Булгаковский»⁴⁴².

Неизвестна дальнейшая судьба этой переписки. Не известно, удалось ли завершить Булгаковскому свое исследование о Валаамском монастыре. Но, кажется, что труд этот так и не увидел свет. Жизнь в стране становилась все труднее и труднее. И уже было не до ученых изданий, тем более о монастырях.

В Петрограде в 1918 году вышло шестое издание книги «Домик Петра Великого и его святыня в С.-Петербурге». И это, кажется, было последнее прижизненное издание Д.Г. Булгаковского.

К сожалению, дальнейшая судьба Дмитрия Гавриловича нам неизвестна. Неизвестно, когда он умер. Если он окончил свои дни в Пищалино, то похоронен, видимо, был там же на деревенском кладбище, и едва ли можно надеяться, что сохранилось место его погребения.

⁴⁴² РГИА. Ф. 1628 (Голубинский Е.). Оп. 1. Д. 534. Л. 4–4 об.

Безвестность кончины писателя, тем не менее, не стала причиной его безвестности для будущих поколений. Память о нем сохранялась, как мы уже видели, и в Белоруссии, и в России. Многие труды Д.Г. Булгаковского не утратили своей актуальности и по сегодняшний день, а некоторые из них продолжают переиздаваться. Наибольшим интересом пользуется его сборник «Явления умерших из загробного мира. От глубокой древности до наших дней», переизданный в Москве в 1992, 1999 и 2001 годах⁴⁴³. Православным Свято-Тихоновским Богословским институтом переиздана книга «Молись за умерших»⁴⁴⁴, правда, Булгаковский по ошибке назван протоиереем.

Современный исследователь А.Н. Маюров, составивший список знаменитых трезвых людей планеты разных времен и народов, поместил в него и незабвенное имя Дмитрия Гавриловича⁴⁴⁵.

⁴⁴³ Булгаковский Д.Г. Явления умерших из загробного мира. От глубокой древности до наших дней [репр. изд. – СПб., 1900]. – М.: Машмир, 1992; М.: Елеон, 1999; М., 2001. – 173 с.

⁴⁴⁴ Булгаковский Д.Г., протоиерей. Молись за умерших. Сказания древние и новые. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1997.

⁴⁴⁵ Маюров А.Н. Знаменитые трезвые люди планеты. [Электронный ресурс]. – http://www.tvreza.info/society/history/persons_ru.html. – Дата доступа 26.11.2008.

Послесловие

Дмитрий Гаврилович Булгаковский прожил большую и плодотворную жизнь, на всяком месте умея проявить себя деятельным человеком. В священстве он зарекомендовал себя добросовестным и энергичным пастырем, о чем имеем добрые свидетельства. И после сложения сана сохранил глубокую преданность Церкви и дух деятельной любви, продолжая отдавать свои силы на служение ближним.

Отказ от священства, конечно, не был простым шагом. Насколько он оказался оправдан и необходим, судить трудно. Но стоит ли порицать его за этот поступок? Думается, нет. Это был личный – принципиальный – выбор, совершенный в определенное время, в определенных условиях и при определенных обстоятельствах. Как уже говорилось, снятие сана не было следствием религиозного разочарования, а стало результатом желания реализовать себя более полно в ином качестве, после долгих лет бездействия как священника. Поступок этот был совершен не под влиянием кратковременных эмоций, порыва, а был обдуманным шагом зрелого человека, христианина.

Окидывая взором литературное наследие Д.Г. Булгаковского, можно видеть, что при всем его разнообразии ему присуща одна общая черта, красной нитью проходящая через все творчество писателя, – это любовь к простому народу и правде. Как мы уже видели, любовь и интерес к народной жизни пробудились в нем довольно рано. Вместе с тем несоответствие реалий общественного уклада Евангельским идеалам, темнота и забитость простого люда, вопиющая социальная несправедливость отзывались в его душе жгучей скорбью, вызывая желание потрудиться на пользу народа и его блага. Именно из этого мироощущения и рождалось своеобразное церковное «народничество» Булгаковского, а отсюда неустанная забота о религиозно-нравственном просвещении народа,

его образовании, призыв к «разумной и трезвой жизни». Это мировоззрение писателя наиболее ярко выразилось в его повести «В стороне от жизни».

Однако нелегко, видимо, бывало в жизни Булгаковскому, так же, как и герою его повести, священнику Павлу Воскресенскому, с его идеалами и правдоискательством. Такие люди, как правило, считаются «беспокойными», «неуживчивыми», «сложными». И особенно нелегко было такому человеку, облеченному духовным саном, в условиях своего времени – со сложившимся укладом и психологией сословной жизни и государственно-церковных отношений, когда «политика вошла в Церковь и значительно угасила горение духа, связала, сковала свободу ее жизни»⁴⁴⁶. Высоко ценивший свободу Церкви и свободу в Церкви митрополит Евлогий (Георгиевский) писал: «В рамках церковных догматов и канонов свобода Церкви есть основная стихия, голос Божий, звучащий в ней: можно ли его связывать, заглушать? Внешняя связанность и подавление этого голоса ведет к духовному рабству». И он же констатировал, что в Русской Церкви до революции наблюдались боязнь свободы слова, мысли, духовного творчества, наблюдался уклон к фарисейскому законничеству, к культу формы и буквы. Все это, по мнению митрополита, было признаками «увядшей церковной свободы, рабства»⁴⁴⁷. Между тем Булгаковский был одним из тех, кто вопреки сложившимся условиям старался сохранять в себе творческое начало, внутреннюю свободу, находил смелость говорить правду. Он не был крикливым демагогом, но там, где считал нужным, спокойно и твердо возвышал свой голос – голос церковного интеллигента.

Булгаковский близко к сердцу принимал и живо откликался на различные явления общественной жизни. Вместе с тем остро и глубоко переживал начавшийся в народе упадок веры и религиозности, сопутствуемый умножением

⁴⁴⁶ *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. – М.: Моск. рабочий; ВПМД, 1994. – С. 596.

⁴⁴⁷ Там же. – С. 597.

общественного порока, о чем не раз говорил печатно. Развитие в обществе отрицательных явлений, особенно в последнее предреволюционное десятилетие, заставляло иногда писателя сомневаться в плодах своей просветительской деятельности и, в частности, в борьбе с пьянством. Но деятельность его, без сомнения, не была бесплодной. Мы не знаем, скольких людей, погрузившихся в «пьянственный омут», Булгаковский вернул к нормальной человеческой жизни, скольких предостерег от зла и помог вовремя сойти с неверной дороги. И если даже его издания, как писал профессор А.А. Бронзов, хотя бы лишь несколько человек «заставили призадуматься и навели бы их на правый путь», то и в этом случае работа его была бы далеко не бесплодной. Но мы вместе с профессором надеемся, что круг таких лиц в действительности был гораздо шире.

В то же время, к сожалению, сбылись многие опасения писателя, о которых он предостерегал современников в своих публикациях. К великому своему огорчению, ему довелось увидеть распад старой России, сопровождаемый ужасами гражданской войны, разрухи, голода. Вырвавшиеся наружу во время общественной смуты темные и низменные стороны народной души порождали совершенно дикие и безобразные явления. И эти явления сильно затемняли то доброе, что насаждалось в народе в предшествующее время, оставляя гнетущее впечатление в душе стороннего наблюдателя. Тяжело, видимо, было Булгаковскому пережить и постыдный Брестский мир с его унизительно-кабальными условиями для России. Можно представить, какой скорбью отозвалось это событие в душе писателя, каким унижением стало для его высоких патриотических чувств. Вот та атмосфера, в которой Д.Г. Булгаковский завершал свой жизненный путь.

Безвестность кончины и последующее забвение этого поистине незаурядного человека как раз и объясняется царившей в России смутой и условиями нового времени.

Между тем следует признать, что Д.Г. Булгаковский внес большой вклад как в белорусскую, так и в российскую

культуры, взаимно обогатив их и сблизив. Интерес к его литературному наследию красноречиво подтверждает это.

Как уже говорилось, некоторые произведения писателя были переизданы в наше время. Однако с уверенностью можно сказать, что список их может быть гораздо шире. Так, весьма актуальными остаются некоторые труды Д.Г. Булгаковского, связанные с проблемой алкоголизма. Сегодня, когда явление это вновь приобретает угрожающие масштабы и вопрос борьбы с пьянством встает со всей остротой, очень важно прикоснуться к опыту прошлого, вспомнить о деятелях, боровшихся за народное отрезвление.

Будем надеяться, что настоящая книга о Д.Г. Булгаковском — этом замечательном подвижнике трезвости, вызовет интерес современных деятелей и будет полезной им в их благородном деле.

В заключение еще раз хочется сказать о Дмитрие Гавриловиче, что всю свою жизнь он — в сани и без сана — вдохновляемый возвышенными идеалами и верой, в непростых условиях, вопреки различным жизненным трудностям и неблагоприятным обстоятельствам, преодолевая порой отчуждение, непонимание и давление, отдавал свои силы, энергию, способности на служение людям. Его искренне заботило народное благо. Он хотел, чтобы простой русский человек жил лучше, чище, нравственнее, приобщаясь к неистощимым сокровищам Веры и Просвещения.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

1. Опубликованные

1.1. Печатные труды Д.Г. Булгаковского

1. Некролог. (Архимандрит Афанасий) // Виленский Вестник. – 1867. – № 140. – С. 542.
2. Белорусские песни. Волочebные (записаны в Борисовском уезде Д. Булгаковским) // Минские губернские ведомости. – 1868. – № 23. – С. 156–157.
3. Извлечение из «Журнала церковных служб», совершаемых причтом Пинского Феодоровского собора // Минские епархиальные ведомости. – 1870. – № 24 (часть неофициальная). – С. 597–599.
4. Практическое руководство к наглядному усвоению русского правописания. Для начальных школ и людей, не учивших грамматики / Сост. учитель, свящ. Д. Булгаковский. – СПб.: Тип. т-ва «Общества польза», 1873. – VI, 90 с.
Практическое руководство к наглядному усвоению русского правописания. Для начальных и полковых школ, приготовительных и низших классов средних учебных заведений и пособие для городских и уездных училищ. Изд. 2-е, с значительными переменами. – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. – 31 с.
5. Из Пинска Минской губернии: патриархальность администрации духовного училища // Современность. – 1874. – № 95. – С. 2.

6. По поводу проповеди священника Романа Москалевича // Минские епархиальные ведомости. – 1874. – № 17 (часть неофициальная). – С. 584–585.
7. Речь при первом служении в Борисовском соборе // Минские епархиальные ведомости. – 1875. – № 22 (часть неофициальная). – С. 641–642.
8. Жизнь и страдание св. великомученика Димитрия Мироточивого. Свящ. Д. Булгаковский. – Вильно: Скоропечатня О.С. Блюмовича, 1877. – 20 с.
 Жизнь и страдание св. великомученика Димитрия Мироточивого, Солунского чудотворца / Сост. свящ. Д. Булгаковский. Изд. 2-е. – М.: Отд. распространения духовно-нравственных книг, 1886. – 24 с.
 Изд. 3-е. – М.: Отд. распространения духовно-нравственных книг, 1890. – 24 с., с ил.
 Изд. 4-е. – М.: А.Д. Ступин, 1897. – 32 с., с фрон. (ил.), ил. (На обложке: Общедоступная библиотека Ступина).
9. Исторический очерк Волковыска, уездного города Гродненской губернии. – Вильно: Тип. М.Б. Жирмунского, 1882 [ценз.]. – 19 с.
10. Напутное молодому русскому солдату / Свящ. Петро-Павловской церкви в г. Волковыске Димитрия Булгаковского. – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. – 15 с. (С 3-го изд. общее заглавие: «Священная преданность царю и отечеству. Напутное молодому русскому солдату»)
 Изд. 2-е. – СПб.: В. Березовский, 1888.
 Изд. 3-е испр. – 1888.
 Изд. 4-е испр. – 1888.
 Изд. 5-е испр. – 1888.
 Изд. 6-е испр. – 1888.
 Изд. 7-е испр. – 1888.
 Изд. 8-е испр. – 1888.
 Изд. 9-е испр. – 1888.

- Изд. 10-е испр. – 1888.
 Изд. 11-е испр. – 1889.
 Изд. 12-е испр. – 1890.
 Изд. 13-е испр. – 1890.
 Изд. 14-е испр. – 1891.
 Изд. 15-е испр. – 1892.
 Изд. 16-е испр. – 1893.
 Изд. 17-е испр. – 1894.
 Изд. 18-е испр. – 1895.
 Изд. 19-е испр. – 1896.
 Изд. 20-е испр. – 1897.
 Изд. 21-е испр. – 1902.
 Изд. 22-е испр. – 1904.
11. На память христоробивым благотворителям Лужецкой Рождества-Богородицкой церкви по случаю возобновления и освящения ее / Свящ. Димитрия Булгаковского. – СПб.: Тип. Е.А. Поздняковой, 1886. – 24 с.
 12. Храм Божий и его священная важность для христиан / Д. Булгаковского. – М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1887. – 58 с.
 Изд. 2-е испр. – Ченстохов: Типо-лит. В. Кона и Одерфельда, 1890. – 20 с.
 Изд. 4-е. – СПб.: И.Л. Тузов, 1893. – 40 с.
 Изд. 5-е. – Пг.: И.Л. Тузов, 1916. – 40 с.
 13. Молитва – царица добродетелей / Свящ. Димитрия Булгаковского. – Вильно: Тип. А.Г. Сыркина, 1888. – 43 с.
 Изд. 2-е испр. – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1889. – 31 с., с ил.
 Изд. 4-е. – СПб.: И.Л. Тузов, 1893. – 40 с.
 Изд. 5-е. – СПб.: И.Л. Тузов, 1909. – 31 с.
 14. Поучение, сказанное 4-го ноября в день двадцатипятилетнего юбилея 37-й Артиллерийской бригады, расположен-

- ной в Селищенских казармах. – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1888. – 8 с.
15. Поучение священника Д. Булгаковского // Литовские епархиальные ведомости. – 1888. – № 33 (часть неофициальная). – С. 281.
 16. За Веру, Царя и Отечество. [Доброе слово по случаю приведения молодых солдат к присяге на верность службы, по окончании ими установленного курса обучения]. – СПб.: Тип. Артил. журн., 1889. – [2], 24 с.
 Изд. 2-е испр. – Ченстохов: Типо-лит. В. Кона и Одерфельда, 1890. – 23 с.
 Изд. 3-е испр. – 1890.
 Изд. 4-е испр. – СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1891. – 22 с.
 Изд. 5-е испр. – 1891.
 Изд. 7-е испр. – СПб.: Тип. Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1891. – [2], 16 с.
 Изд. 8-е испр. – 1891. – 16 с.
 Изд. 11-е испр. 1892. – [2], 16 с.
 Изд. 13-е испр. – СПб.: Тип. Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1892. – 16 с.
 Изд. 14-е испр. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1893.
 Изд. 15-е испр. – 1894. – 15 с.
 Изд. 16-е испр. – СПб.: Тип. Н.В. Васильева, 1901. – 16 с.
 17. Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь. Собрал в Пинском уезде Минской губ. Д.Г. Булгаковский. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1890. – [2], VI, 201 с.
 18. Знамение Божией Матери. С изображением знамения Божией Матери / Свящ. Д. Булгаковского. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1890. – 16 с.; 1 л. ил.

- Изд. 2-е. – СПб.: И.Л. Тузов, 1893. – 16 с., с ил.
19. Полезные советы нижним чинам, увольняемым в запас армии / С[вященника] Д. Булгаковского. – Ченстохов: Типо-лит. В. Кона и Одерфельда, 1890. – 20 с.
Изд. 2-е. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1890. – 31 с.
Изд. 3-е. – СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедняков, 1891. – 32 с.
Изд. 6-е. – СПб.: Тип. Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1892. – 15 с.
Изд. 7-е. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1894. – 15 с.
Изд. 8-е. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1896. – 15 с.
20. Царица добродетелей. Беседа о молитве. Изд. 3-е испр. – Ченстохов: Типо-лит. В. Кона и Одерфельда, 1890. – [2], 30 с. (Вышла также под заглавием: «Молитва – царица добродетелей».)
21. Раба Божия Ксения или Юродивый Андрей Федорович. Погребена на Смоленском кладбище в С.-Петербурге / С[вященника] Д. Булгаковского. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1890.
Изд. 2-е. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. – 16 с.
Изд. 3-е. – СПб., 1891.
Изд. 4-е. – СПб., 1891.
Изд. 5-е. – СПб., 1892.
Изд. 7-е доп. – СПб., 1893.
Изд. 8-е доп. – СПб., 1893.
Изд. 9-е доп. – СПб., 1895.
Изд. 10-е доп. – СПб., 1896.
Изд. 11-е доп. – СПб.: Сенатская тип., 1901. – 15 с.
Изд. 12-е доп., исправл. – СПб., 1901.
Изд. 13-е доп. – СПб., 1902.
Изд. 14-е доп. – СПб.: Тип. Артели печатного дела, 1904.

22. Странник Александр Михайлович Крайнев. Погребен на Митрофаньевском кладбище в С.-Петербурге / Свящ. Димитрия Булгаковского. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. – 16 с.
Изд. 3-е. – СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1893. – 16 с.
Изд. 4-е. – СПб.: А.А. Холмушин, 1895. – 32 с.
Изд. 5-е. – СПб.: А.А. Холмушин, 1903. – 32 с.
Изд. 6-е. – СПб.: А.А. Холмушин, 1903. – 32 с.
Странник Алексей Михайлович Крайнев на Сенной. †10 дек. 1889 г. Изд. 7-е испр. – СПб.: Т.Ф. Кузина, [1901] [ценз.]. – 32 с.
Странник Алексей Михайлович Крайнев на Сенной. †10 дек. 1889 г. Изд. 8-е испр. – СПб.: Т.Ф. Кузин, [1902] [ценз.]. – 32 с.
Странник Алексей Михайлович Крайнев на Сенной. †10 дек. 1889 г. Изд. 9-е испр. – СПб.: Т.Ф. Кузин, [1903] [ценз.]. – 32 с.
23. Домик Петра Великого и его святыня в С.-Петербурге. Историч. исследование, основанное на офиц. Документах / Свящ. Д. Булгаковского. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. – 32 с., 6 л. ил.
Изд. 2-е, протоиерея Вознесенской церкви в С.-Петербурге Василия Михайловского. – СПб.: Тип. Е.А. Поздняковой, 1894. – 32 с., 6 л. ил.
Изд. 3-е без перемен, переведенного в 1898 г. на франц. яз., протоиерея Вознесенской церкви в С.-Петербурге Василия Михайловского. – СПб., 1898. – 43 с., с ил.
Изд. 4-е без перемен, пер. в 1898 г. на франц. яз. – СПб.: Тип. И. Генералова, 1911. – 42 с., с ил., 1 л. план.
Изд. 5-е. – СПб., 1914. – 42 с.
Изд. 6-е без перемен, пер. в 1898 г. на франц. яз. – Пг.: Тип. И. Генералова, 1918. – 42, [1] с., с ил., портр., план.

- La maisonnette de Pierre le Grand et son image sainte a St.-Petersbourg: Etude hist. basée sur les doc. officiels / Par. D. Boulgakowsky. — 3 ed. sans changements. — СПб.: Тип. Общественная польза, 1898. — 42 с., [1] л. ил.
24. Так ли мы живем, как Бог велит? / Свящ. Д. Булгаковского. Вып. 1. — СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. — 15 с.
Изд. 2-е. — СПб.: И.Л. Тузов, 1893. — 16 с.
Изд. 3-е. — СПб.: И.Л. Тузов, 1905. — 16 с.
 25. О готовности к смерти. Поучение, сказанное 14-го марта 1891 г. при погребении глав. д-ра Александровской больницы Н.П. Васильева. — СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891 [ценз.]. — 4 с.
 26. Память о покойниках / Свящ. Д. Булгаковского. — СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. — 16 с.
Изд. 2-е. — СПб.: И.Л. Тузов, 1893. — 16 с.
 27. Храм Божий — дом Божий. — СПб., 1891.
 28. Храм Божий — училище веры и благочестия. — СПб., 1891.
 29. Как мы должны молиться Богу? — [Б.г., б.м].
 30. Первые шаги молодого солдата / Д. Булгаковского. — СПб.: Тип. А. Бенке, 1892. — 16 с.
Изд. 3-е. — СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1893. — 15 с.
Изд. 4-е. — СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1894. — 15 с.
Изд. 5-е. — СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1896. — 15 с.
 31. Русский солдат на войне. — СПб.: Тип. А. Бенке, 1892. — 20 с.
Изд. 3-е. — СПб.: Тип. А. Бенке, 1893. — 20 с.
Изд. 4-е. — СПб.: Тип. А. Бенке, 1894. — [2], 20 с.
Изд. 6-е. — СПб.: Тип. А. Бенке, 1894. — 20 с.
Изд. 8-е. — СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса жанд., 1904. — 24 с.
 32. Могила рабы Божией Ксении на Смоленском кладбище. Очерк Д. Булгаковского. — СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1892. — 16 с.

- Изд. 2-е. – СПб.: Тип. Артели печатного дела, 1904. – 16 с.
33. Нерукотворный образ Спасителя в домике Петра Великого в С.-Петербурге. – СПб.: Тип. Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1892. – 16 с., с ил.
Изд. 2-е испр. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1893. – 16 с., с ил.
Изд. 3-е. – СПб.: В. Михайловский, 1894.
Изд. 4-е испр. – 1898.
Изд. 5-е. – СПб.: протоиерей Вознесенской церкви в СПб. В. Михайловский, 1900. – 15 с., с ил.
34. На случай войны. Что должен помнить и делать русский народ? / Д. Булгаковского. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1893. – 16 с.
Изд. 2-е испр. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1896. – 15 с.
Изд. 3-е. – СПб.: Тип. Артели печатного дела, 1904. – 15 с.
35. Из загробного мира. Явления умерших от глубокой древности до наших дней. – СПб.: Синод. тип., 1894. – [4], 174, II с.
Изд. – СПб., 1900. – Вышло под названием «Явления умерших из загробного мира. От глубокой древности до наших дней».
Изд. 2-е доп. – М.: А.Д. Ступин, 1902. – [4], 212 с.
Изд. 3-е. – М.: А.Д. Ступин, 1914. – III, 172 с., ил.
Репринтные издания 1900 г. – М.: Машмир, 1992. – 174 с.; М.: Елеон, 1999; М., 2001. – 173 с.
36. Из области таинственного. Рассказы о необыкновенных случаях. – СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1895. – 63 с.
37. Исык-Кульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии / Свящ. Димитрий Булгаковский. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1896. – 40 с.; 1 л. карт.

38. Казанская чудотворная икона Божией Матери и бывшие от нее чудеса / Свящ. Димитрий Булгаковский. – СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1896. – 39 с., с ил.
Изд. – Казань: Типо-лит. Окр. штаба, 1914. – 40 с.
39. Нижегородские легенды. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1896. – 48 с.
Изд. 2-е. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1896. – 48 с.
40. Поразительные случаи явления умерших. Пятнадцать рассказов. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1896. – 64 с.
41. У Бога все возможно. Замечательные события в жизни двух семейств. (Из недавнего прошлого) / Свящ. Дмитрий Булгаковский. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1896. – 16 с.
42. Фома Кемпийский, 1379–1471. На пользу души. – СПб., 1896.
43. Народный детский праздник в имении Г.Д. Нарышкина Новых Жагорах / Д. Булгаковский. – СПб.: Скоропечатня «Надежда», 1897. – 12 с.
44. Богатство и счастье. Рассказ из древних времен. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1898. – 40 с.
45. Эхо. Пьянство и его последствия в рисунках. Ил. альбом с бытовыми сценами из жизни людей, преданных пьянству. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1898. – [2], II, 6 с., 19 л. с ил.
Изд. 2-е доп. – М.: А.Д. Ступин, 1902. – 10 с., 25 л. с ил.
Изд. 3-е. – М.: А.Д. Ступин, [1913]. – 10 с., 25 л. с ил.
46. Алфавитный указатель книг и статей против пьянства в новейшей русской литературе и памятников древне-русской письменности / Сост. Д.Г. Булгаковский. – СПб.: Тип. В.С. Балашев и К°, 1898. – 64 с.
Изд. 2-е. – М.: А.Д. Ступин, 1902. – 64 с.

47. Как отстать от вина? – [СПб.]: Тип. В.С. Балашева и К°, [1898] [ценз.].
Изд. 5-е. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1900. – 16 с., с ил.
Изд. 6-е. – СПб.: Сенатская тип., 1901. – 16 с.
Изд. 7-е. – СПб.: Тип. «Рассвет», 1903. – 16 с.
48. Велико зло русской земли. Исторический очерк пьянства с его ужаснейшими последствиями и практические советы, как избавиться от него (световые картины против пьянства и чтения к ним). – СПб., 1898.
49. Пьянство. Изречения о пьянстве, заимствованные из Священного писания, и мнения о нем древнего и нового времени. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1898. – 40 с.
Изд. 2-е. – М.: А.Д. Ступин, 1904. – 32 с.
50. Святая мученица Антонина. Память ее 1 марта / Свящ. Д. Булгаковский. – СПб.: Скоропечатня «Надежда», 1898. – 21 с.
51. Горе горемычное. Старые и новые речи против пьянства и его ужаснейших последствий и добрые советы, как избавиться от него. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1899. – 76 с.
Изд. 2-е. – СПб.: Сенатская тип., 1902. – 76 с.
Изд. 3-е. – М.: А.Д. Ступин, 1911. – 80 с. с ил.
52. Добрые советы (Из соч. Д. Булгаковского «Горе горемычное») // Вестник трезвости. – 1899. – № 53 (январь). – С. 16–23.
53. Против пьянства. Чтение для нижних чинов с световыми (туманными) картинами. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1899. – 36 с.
54. Что такое пьянство и как избавиться от него? Чтение для народа с световыми картинами. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1899. – 32 с.
Изд. 5-е. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1900. – 28 с.

- Изд. 6-е. – СПб.: Сенатская тип., 1902. – 28 с.
 Изд. 7-е. – СПб.: кн. маг. «Возрождение», 1910. – 31 с.
55. Роль православного духовенства в борьбе с народным пьянством / Свящ. Д.Г. Булгаковского. (Доклад Комиссии по вопросу об алкоголизме 6-го окт. 1899 г.). – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900. – [2], 20 с. – (Извл. из «Журн. Рус. общ. охр. нар. здр.», за июнь 1900 г.).
56. Что такое пьянство и как избавиться от него? Беседа с нижними чинами. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1899. – 24 с.
 Изд. 6-е. – СПб., 1901.
57. До чего доводит пьянство. Картины из жизни. (Дополнение к альбому «Эхо»). – СПб.: Тип. В.С. Балашев и К°, 1900. – 23 с., с ил.
 Изд. 2-е. – СПб.: Сенатская тип., 1902. – 23 с., с ил.
 Изд. 3-е. – М.: А.Д. Ступин, 1903. – 23 с., с ил.
 Изд. 4-е. – М.: А.Д. Ступин, 1912. – 23 с., с ил.
58. К пьющим и непьющим. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1900 [ценз.]. – 1 л. (В конце текста авт.: свящ. Д. Булгаковский, член-соревнователь С.-Петербургского попечительства о народной трезвости).
 Изд. – СПб., 1901.
 Изд. 2-е. – 1903 [ценз.].
59. Наставление как перестать пить. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1900. – 8 с.
60. Как перестать пить. Изд. 2-е. – СПб.: В.В. Комарова, 1900. – 8 с.
 Изд. 3-е. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1901. – 8 с.
 Изд. – М.: Обитель Введения во храм Пресвятой Богородицы, 1908. – 7 с.
 Изд. 4-е. – СПб.: кн. маг. «Возрождение», 1911. – 8 с.
 Изд. – Одесса: Обитель Введения во храм Пресвятой Богородицы, 1913. – 7 с.

Новая русская хрестоматия с подбором статей о вредном влиянии спиртных напитков на здоровье, материальное благосостояние и нравственность. Для школ в борьбе с народным пьянством. – СПб.: Сенатская тип., 1901. – 165 с., с ил. (В последующих изданиях заглавие: «Первая русская хрестоматия...»).

61. Первая русская хрестоматия с подбором статей о вредном влиянии спиртных напитков на здоровье, материальное благосостояние и нравственность. Для школ в борьбе с народным пьянством. Изд. 3-е. – М.: М.В. Ключин, [1903]. – 160 с., с ил.
Изд. 4-е, печ. с 3 изд. – М.: изд. кн. склада М.В. Ключина, 1914. – 160 с., с ил.
62. На помощь. Сборник статей о вредном влиянии спиртных напитков на здоровье, материальное благосостояние и нравственность. Для народа. – СПб., 1901. – 207 с., с ил. (Из предисловия: «Настоящая книжка почти целиком перепечатана с моей же книги «Новая русская хрестоматия для школ в борьбе с народным пьянством...»).
- Изд. 3-е. – М.: М.В. Ключин, [1903]. – 202 с., с ил.
63. С хмелем спознался – с честью расстался. Народное чтение с световыми картинами. – СПб.: Д.Г. Булгаковский, 1901. – 24 с.
Изд. 2-е. – СПб.: Тип. «Рассвет», [1915]. – 24 с.
Изд. 3-е. – Пг.: кн. маг. «Возрождение», [1915]. – 23 с.
64. Две доли. Народное чтение с световыми картинами. – СПб.: Сенатская тип., 1902. – 42 с.
65. Вино пить, беде быть. Чтение для народа с световыми картинами. – СПб.: Сенатская тип., 1902. – 24 с.
66. Вино на Руси по памятникам народного творчества литературным и художественным. – СПб.: Сенатская тип., 1902. – 58 с.
Изд. 2-е. – СПб.: кн. маг. «Возрождение», 1910. – 24 с.

67. Вино в пословицах. – СПб., 1902. – 20 с., ил.
68. Первые учителя винопития. Народное чтение с световыми картинами. – СПб.: Сенатская тип., 1902. – 16 с.
69. Что такое храм Божий. – СПб.: Сенатская тип., 1903. – [3], 22 с.
70. Тайны загробной жизни. – М., 1903.
71. Что такое карточные азартные игры? – СПб.: Сенатская тип., 1903. – 36 с.
72. Сила Всевышнего. Собрание рассказов о чудесах и знамениях Божиих, явленных в разное время в жизни праведных и грешных людей и душеполезные размышления о путях Провидения Божия. – СПб., – 1903.
73. Близнецы. Роман в 2-х ч. – СПб.: Типо-лит. В.В. Комарова, 1903.
74. Во время войны. Что должен помнить и делать русский народ? (Изд. также под загл.: «На случай войны. Что должен делать и помнить русский народ?») – Изд. 3-е. – СПб.: Тип. Артели печатного дела, 1904. – 15 с.
Изд. 6-е. – СПб.: Тип. Артели печатного дела, 1904. – 16 с.
75. Молись за умерших. – СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1906. – 24 с.
76. Как я перестал пить. – СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1906. – 24 с.
77. Горе-злосчастье. Альбом картин из жизни людей, преданных пьянству. Продолжение альбома «Эхо». – СПб.: Тип. СПб. акц. о-ва печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 1906. – [2], 2 с.; 19 л. ил.
Изд. 2-е. – СПб.: Отечественная тип., 1908. – [2], 2 с.; 18 л. ил.
Изд. 3-е. – СПб.: Отечественная тип., 1908. – [2], 2 с.; 18 л. ил.
Изд. 5-е. – СПб., 1911.

78. Горькая правда о пьянстве. (Из ил. альбома «Горезлосчастье»). – СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1906. – 23 с.
Изд. – СПб.: Тип. Училища глухонемых (М. Аленовой), 1909. – 12 с.
Изд. 4-е. – СПб., 1912.
79. Будем ли мы жить после смерти. – СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1906. – 30 с.
80. Отчего молитвы наши не всегда доходят до Бога? – СПб.: Тип. Попечительства Имп. Человеколюб. общ., 1906. – 24 с.
81. Терзание одно (рассказ) // Трезвые Вскходы. – 1908. – № 3. – С. 1–9 и отдельно. – СПб.: Отечественная тип., 1909. – 8 с.
Изд. 2-е. – СПб.: Отечественная тип., 1909. – 8 с.
Изд. 4-е. – СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1915. – 8 с.
82. Жалость взяла (рассказ) // Трезвые Вскходы. – 1908. – № 4. – С. 23–39 и отдельно. – СПб.: Отечественная тип., 1909. – 20 с.
Изд. 2-е. – СПб.: Тип. «Энергия», 1909. – 20 с.
Изд. 3-е. – СПб., 1909.
Изд. 5-е. – СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1915. – 15 с.
83. Кассьяновы выселки (рассказ) // Трезвые Вскходы. – 1908. – № 5. – С. 62–74.
84. Накануне праздника Рождества Христова. Рассказ. – СПб., 1908.
Без вина одно горе, а с вином старое одно, да новых два. Изд. 2-е. – СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1909. – 15 с., с ил.
Изд. 3-е. – СПб.: Отечественная тип., 1909. – 15 с., с ил.
Изд. 4-е. – СПб., 1910. – 15 с.

- Изд. 5-е. – СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1915. – 11 с.
85. В стороне от жизни. Повесть из жизни современного духовенства. В 2-х ч. – СПб.: Тип. «Народная Польза», 1909. – 114 с.
86. Что говорит и думает народ о вине. – СПб.: Тип. Училища глухонемых (М. Аленовой), 1909. – 8 с.
Изд. 3-е. – СПб., 1911.
Изд. 5-е. – СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1915. – 8 с.
87. Без поры – без времени. Рассказ. – СПб.: Отечественная тип., 1909. – 7 с.
Изд. 2-е. – СПб.: Отечественная тип., 1909. – 7 с., с ил.
Изд. 3-е. – СПб., 1909. – 7 с., с ил.
Изд. 4-е. – СПб.: Типо-лит. С.-Петербург. одиночной тюрьмы, 1912. – 7 с., с ил.
88. Беседа двух друзей, старого и юного, о погибельном пьянстве и пользе трезвости. – СПб.: Александро-Невское Общество Трезвости. – 1909. – 24 с.
89. Водка сильна, но сильнее воля своя. – СПб.: Отечественная тип., 1909. – 19 с.
Изд. 2-е. – СПб.: Отечественная тип., 1909. – 18 с.
Изд. 8-е. – Пг.: Тип. Петроград. градоначальства, 1915. – 16 с.
90. Рушилась семья. Рассказ. – СПб.: Отечественная тип., 1909. – 12 с., с ил.
Изд. 2-е. – СПб.: Отечественная тип., 1909. – 12 с., с ил.
Изд. 3-е. – СПб., 1909. – 12 с., с ил.
Изд. 4-е. – СПб., 1912. – 12 с., с ил.
Изд. 5-е. – СПб.: Тип. Училища глухонемых (М. Аленовой), 1913. – 8 с., с ил.
91. Дружеские советы, как отстать от окаянного пьянства. – СПб., Отечественная тип., 1909. – 8 с.

- Изд. 2-е. – СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1909. – 8 с.
 Изд. 3-е. – СПб., 1909. – 8 с.
 Изд. 5-е. – СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1915. – 8 с.
92. Как отстать от спиртных напитков. – СПб., Отечественная тип., 1909. – 20 с.
 Изд. 2-е. – СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1909. – 20 с.
 Изд. 3-е. – СПб., 1909. – 20 с.
 Изд. 4-е. – СПб.: Типо-лит. одиночной тюрьмы, 1912. – 20 с.
 Изд. 5-е. – СПб., 1912.
93. Сумасшедшая. Рассказ. – СПб., 1909.
 Изд. 2-е. – СПб., 1909.
94. Как привыкают к вину. Изд. 3-е. – СПб.: Тип. Училища глухонемых (М. Аленовой), 1909. – 8 с., с ил.
 Изд. 5-е. – СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1915. – 4 с.
95. На крестинах. Рассказ. Изд. 2-е. – СПб., Отечественная тип., 1909. – 8 с.
 Изд. 3-е. – СПб.: Отечественная тип., 1909. – 8 с.
 Изд. 6-е. – СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1915. – 4 с.
96. Позднее раскаяние. Изд. 4-е. – СПб.: Тип. Училища глухонемых (М. Аленовой), 1909. – [2], 6 с., с ил.
 Изд. 4-е. – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 8 с., с ил.
97. Разными дорогами. Рассказ, направленный против пьянства. – СПб.: Отечественная тип., 1909. – 12 с.
 Изд. 2-е. – СПб.: Отечественная тип., 1909. – 12 с.
 Изд. 3-е. – СПб., 1909. – 12 с.
 Изд. 5-е. – СПб.: Типо-лит. СПб. тюрьмы, 1912. – 12 с.
 Изд. 7-е. – СПб.: Тип. Петроградского градоначальства, 1915. – 8 с.

98. Берегись водки. Для нижних чинов. Чтения с световыми картинами. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – 16 с.
Берегитесь водки. Изд. 2-е. – СПб., 1910. – 16 с.
99. Водка до всего доведет. Для нижних чинов. Чтение с световыми картинами. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – 20 с.
100. Душа всякого дела. Чтения с световыми картинами. – СПб., Отечественная тип., 1910. – 32 с., с ил.
101. Жизнь Кассьяна. Чтение с световыми картинами. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – 30 с.
Изд. 5-е. – СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1915. – 24 с.
102. Море слез. Картины из жизни людей, преданных пьянству. Продолжение альбома «Эхо». Изд. 4-е. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – 31 с., с ил.
103. Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за все время их существования (1895–1909 гг.). В 2-х ч. Сост. по официальным источникам. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – 240 с.
104. Путь к свету. Из летописи народного образования в разных странах и в России. С рисунком. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – 32 с.
105. Раскаяние при вступлении в Общество трезвости. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – 15 с., с ил.
Изд. 3-е. – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 8 с., с ил.
106. Водка до всего доведет. Чтение с световыми картинами. Изд. 2-е. – СПб., 1910.
Изд. 6-е. – СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1915. – 16 с.
107. Стоны земли русской. Чтение с световыми картинами. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – 24 с.
Изд. 2-е. – СПб., 1910. – 24 с.

108. Тьма народная. Чтение с световыми картинами. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – 19 с.
Изд. 2-е. – СПб., 1911.
109. Художник-Врач. – СПб., 1910.
110. Совет да любовь. К крестьянским женам. – СПб., 1910.
111. Первая наставница. К крестьянским матерям. – СПб., 1910.
112. Что может сделать школа в борьбе с народным пьянством. К сельским учителям. – СПб., 1910.
113. Не пробуйте вина. К крестьянским детям. – СПб., 1910.
114. Порадейте. К сельским властям. – СПб., 1910.
115. Пропавший человек. Рассказ // Народная Трезвость. – 1911. – № 1. – С. 5–24.
116. Не беда ли? (О карточных азартных играх) // Народная Трезвость. – 1911. – № 2. – С. 7–25 и отдельно СПб., 1912.
117. Порождения ехиднины (О тайной продаже спиртных напитков) // Трезвые Выходы. – 1911. – № 2. – С. 66–73 и отдельно СПб., 1912.
118. Подумай о себе. Письма к пьянице // Народная Трезвость. – 1911. – № 3. – С. 1–15.
119. Горькая правда о пьянстве // Рязанские епархиальные ведомости. – 1911. – № 4. – С. 150–157. (См. выше самостоятельные издания).
120. Обязанности священника-духовника духовенства при совершении таинства покаяния. СПб. 1911 г. (Библиографическая заметка) // Приходский священник. – 1911. – № 11. – С. 18.
121. Снятие сана // Приходский священник. – 1911. – № 12. – С. 5–8.
122. Думы и картины на фоне народного пьянства. – СПб., 19011.

123. Две доли. Народное чтение со световыми картинами. – СПб.: кн. маг. «Возрождение», 1911. – 42 с.
124. Это ли жизнь?! Картины из жизни людей, преданных пьянству. Продолжение альбома «Эхо». – СПб., 1911.
125. Закрыли. К крестьянским женам. Народное чтение с световыми картинами. – СПб., Отечественная тип., 1911. – 16 с.
126. Какие корни – такие плоды. К крестьянским матерям. Народное чтение с световыми картинами. – СПб.: Отечественная тип., 1911. – 16 с.
127. Первые учителя винопития. Народное чтение с световыми картинами. – СПб.: Тип. «Рассвет», [1911]. – 16 с.
128. Сын бобыля. Где энергия – там и успех. Народное чтение с световыми картинами. – СПб.: Отечественная тип., 1911. – 15 с.
129. От редакции // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 1. – С. 1–4.
130. Деятель на поприще борьбы с алкоголизмом // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 1. – С. 5–6.
131. В поисках лучшего. (К истории алкоголизма) // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 1. – С. 14–18.
132. «Пощадите Россию!». Правда о кабаке, высказанная самим народом по поводу закона о мерах борьбы с пьянством. Изд. члена Государственной Думы М.Д. Ченышева. Самара. 1911 г. (Библиографическая заметка) // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 1. – С. 36–37.
133. Как люди берегут свое здоровье // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 2. – С. 69–75.
134. Не странно ли? // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1912. – № 1. – С. 10.
135. Крокодиловы слезы // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1912. – № 1. – С. 19–21.

136. Мать // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1912. – № 2. – С. 46–50 и отдельно – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 8 с.
Изд. 3-е. – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 8 с.
Изд. 5-е. – СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1915. – 8 с.
137. Под белым крестом. Рассказ для школьников // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1912. – № 3. – С. 66–70 и отдельно – СПб., 1912.
138. Великое былое. Воспоминания об Отечественной войне, по поводу ее столетней годовщины. Сборник иллюстрирован 113 народными картинками и рис. лучших художников. – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 286 с., с ил.
139. Поэтические произведения, вышедшие в Двенадцатом году и в позднейшее время. С подробной характеристикой. – СПб.: Тип. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 83 с.
140. Отголоски старины об Отечественной войне. [Рассказы очевидцев. Воспоминания современников и старожил. Письма. Дневники. Записки. Анекдоты]. – СПб.: Тип. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 84 с., с ил.
141. Народные карикатуры-картинки, вышедшие в Отечественную войну. С их общей характеристикой. – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 25 с., с ил.
142. Наши ополченцы и партизаны в Отечественную войну. С 23 нар. картинками прошлого столетия. – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 31 с., с ил.
143. Двадцать восемь портретов главнейших русских полководцев Отечественной войны. С общ. характеристикой и с кратким описанием их действий на театре войны. – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 52 с., с портр.

144. С нами Бог. Религиозные чувства русского народа в Отечественную войну. – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 8 с.
145. Величие духа русского народа в Отечественную войну. – СПб., 1812.
146. Незабвенная память о заслугах Православного духовенства в Отечественную войну. – СПб., 1812.
147. Ломоносов. (Энергия – душа всякого дела). Чтение со световыми картинами. Изд. 3-е. – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 32 с., с ил.
148. Перестал пить. – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 20 с.
Изд. 4-е. – СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1915. – 20 с.
149. Пожалей себя. (Письма к пьянице). – СПб.: Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1912. – 16 с.
150. О дурных привычках. Слово старого педагога. – СПб., 1912.
151. Свет во тьме светится. – СПб., 1912.
152. Лучи трезвости. Сборник для взрослых и детей. С 25 рисунками. – СПб., 1913.
153. Живем ли мы по-христиански. Апология христианства по поводу 1600-летнего торжества христианской веры. – СПб.: Тип. М. Пивоварский и А. Типограф, 1913. – 24 с.
154. Объяснение световых картин к брошюре: «Живем ли мы по-христиански». – СПб.: Сенатская тип., 1913. – 20 с.
155. Здоровье (Из сборника «На помощь»). – М.: М.В. Клюкин, 1913. – 32 с., с ил.
156. Трехсотлетие царствования дома Романовых. [Объяснительный текст к световым картинам, относящимся к 300-летию юбилею царствования дома Романовых]. – СПб.: Тип. «Двигатель», 1913. – 32 с.

157. Помните, к чему готовитесь. Первое чтение по борьбе за трезвость. Посвящается учащимся разных учебных заведений. – СПб.: Тип. М. Пивоварского и А. Типографа, 1914. – 24 с.
158. Народные издания по борьбе с алкоголизмом. [Перспект]. – СПб.: Сенатская тип., 1914. – [8] с.
159. Война 1914 года. Объяснение световых картин, относящихся к войне 1914 года. Вып. 1–5. – Пг.: Тип. Петроград. градоначальства, 1914.
160. Во время войны, что должен делать и помнить русский народ. – СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1914. – 8 с.
Изд. 2-е. – Пг.: Тип. «Т-ва газ. Свет», 1916. – 8 с.
Изд. 3-е. – Пг.: Тип. Общ. распр. рел.-нравств. просв. в духе правосл. церкви, 1916. – 8 с.
161. С нами Бог. (Посвящается Всероссийскому доблестному воинству и народу, по случаю войны 1914 года). – Пг.: Тип. Петроград. градоначальства, 1914. – 8 с.
162. Главное для здоровья. Изд. 2-е. – Пг.: Тип. Петроград. градоначальства, 1915. – 15 с., с ил.
163. Зеленый змий. Народное чтение по борьбе с пьянством. (Переработ. из альбомов того же автора: «Море слез», «Горе-злосчастье» и «Это ли жизнь»). – СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1915. – 56 с., с ил.
164. Народное здравие. – Пг.: Тип. Петроград. градоначальства, 1915. – 15 с., с ил.
165. Правда о хмеле. – СПб.: Тип. Петроград. градоначальства, 1915. – 15 с.
166. Русский солдат на войне в прежнее время и теперь в 1914, 1915 и 1916 гг. – Пг.: Тип. «Т-ва газ. Свет», 1916. – 51 с.
Изд. 2-е. – Пг.: Гос. тип., 1916. – [2], 48 с.
167. Не падайте духом. По поводу войны в 1914, 1915, 1916 годах. – Пг.: Тип. О-ва распр. рел.-нравств. просв. в духе правосл. церкви, 1916. – 7 с.

- Изд. 2-е. – Пг.: [Д.Г. Булгаковский], 1916. – 8 с.
168. Великая война в 1914, 1915, 1916 годах. Выдающиеся события на пути защиты России в ее целостности, чести и достоинстве. – Пг.: Тип. О-ва распр. рел.-нравств. просв. в духе правосл. церкви, 1916. – 58 с.
Изд. 2-е. – Пг.: Гос. тип., 1916. – [2], 52 с.
169. Что Россию заставило воевать. – Пг., 1916.
170. Странник Александр Михайлович Крайнев / Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков (с портретами). Декабрь. Ч. 1. – М.: Издание Введенской Оптиной пустыни, 1994. – С. 172–182.

1.2. Отзывы на труды Д.Г. Булгаковского

171. Библиографическая заметка // Тюремный вестник. – 1899. – № 6. – С. 267.
172. Библиографические новости (отзыв на брошюры Д. Булгаковского: 1) Первые шаги молодого солдата, 2) Русский солдат на войне, 3) Полезные советы нижним чинам, увольняемым в запас, 4) За Веру, Царя и Отечество) // Новое Время. – 1893. – № 6095. – С. 4.
173. Библиография (отзыв на брошюры Д. Булгаковского: «За Веру, Царя и Отечество», «Первые шаги молодого солдата», «Русский солдат на войне», «Полезные советы нижним чинам, увольняемым в запас») // Свет. – 1893. – № 38. – С. 2.
174. *Б[орис] Г[линский]*. Отзыв на книгу «В стороне от жизни». Повесть из жизни современного духовенства в 2-х частях. Д.Г. Булгаковского. СПб. 1909 г. // Исторический Вестник. – 1909. – № 6. – С. 1068.
175. *Бронзов А.*, профессор. Библиография. Борьба с пьянством // Русский Паломник. – 1902. – № 8. – С. 138–139.

176. *Бронзов А.*, профессор. Библиография. Брошюры Д. Булгаковского // Русский Паломник. – 1904. – № 14. – С. 246.
177. *Бычков А.Ф.* Отзыв о труде священника Д. Булгаковского: «Пинчуки. Этнографический сборник» / Приложения к отчету императорского Русского географического общества за 1887. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1888. – С. 33–34.
178. *Довнар-Запольский М.* Д.Г. Булгаковский. Пинчуки. Этнографический сборник. 1890 г. (рецензия) / Этнографическое обозрение. – М., 1891. – Кн. XI. – № 4. – С. 207–210.
179. Новые издания по вопросу об алкоголизме // Торгово-промышленная газета. – 1899. – № 9. – С. 3.
180. Новые книги. Молитва – царица добродетелей. Свящ. Димитрия Булгаковского. – Вильна. 1888 г. // Благовест. – 1888. – № 14. – С. 16.
181. *Петрушевский П.* Отзыв на книгу «Молитва – царица добродетелей». Священника Димитрия Булгаковского. Вильна. 1888 // Церковно-приходская школа. – 1888. – Кн. 5. – С. 60–61.
182. *Фаресов А.* Отзыв на книгу Д.Г. Булгаковского «Очерк деятельности попечительств о народной трезвости». СПб. 1910 // Исторический Вестник. – 1911. – № 1. – С. 337–340.

1.3. Делопроизводственная документация

183. Действия правительства // Литовские епархиальные ведомости. – 1888. – № 18 (часть официальная). – С. 137.
184. Из отчета архиепископа Михаила в св. правительствующий синод о состоянии минской епархии за 1867 год //

- Минские епархиальные ведомости. – 1868. – № 13 (часть неофициальная). – С. 329–330.
185. Корнилов И. Русское дело в Северо-Западной крае. Вып. 1. – Изд. 2-е, проверенное и дополненное (посмертное). – СПб., 1908. – 531 с.
 186. Местные известия // Литовские епархиальные ведомости. – 1886. – № 8 (часть официальная). – С. 59.
 187. Местные известия. Пожертвование // Литовские епархиальные ведомости. – 1887. – № 16 (часть официальная). – С. 127.
 188. Местные распоряжения // Литовские епархиальные ведомости. – 1885. – № 28 (часть официальная). – С. 277.
 189. Местные распоряжения // Литовские епархиальные ведомости. – 1888. – № 43 (часть официальная). – С. 362.
 190. Местные распоряжения // Минские епархиальные ведомости. – 1875. – № 17 (часть официальная). – С. 247.
 191. Минские епархиальные ведомости. – 1869. – № 20 (часть официальная). – С. 267–268.
 192. Минские епархиальные ведомости. – 1870. – № 13 (часть официальная). – С. 164.
 193. Минские епархиальные ведомости. – 1876. – № 15 (часть официальная). – С. 304.
 194. Награды Русского географического общества // Литовские епархиальные ведомости. – 1888. – № 4 (часть официальная). – С. 25.
 195. Наличный состав городского и сельского духовенства Минской епархии в конце 1870 года. Пинский уезд // Минские епархиальные ведомости. – 1871. – № 1 (часть официальная). – С. 3–4; № 2 (часть официальная). – С. 11–13.
 196. Наличный состав духовно-учебных заведений Минской епархии // Минские епархиальные ведомости. – 1871. – № 3 (часть официальная). – С. 19–21.

197. О заведении при церквах Минской епархии особых журналов на записку совершаемых церковных служб // Минские епархиальные ведомости. – 1870. – № 19 (часть официальная). – С. 257–258.
198. Определения особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1898. – Ноябрь. – С. 35.
199. Определения особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1900. – Август. – С. 133.
200. Определения особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1902. – Июнь. – С. 121, 125.
201. Определения особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1912. – Апрель. – С. 119, 125.
202. От Учебного комитета при Святейшем Синоде // Церковные Ведомости. – 1912. – № 11. – С. 68.
203. От Учебного отдела. Реестр книг и учебных пособий, одобренных Учебным комитетом Министерства путей сообщения в заседаниях 8 октября и 2 ноября сего года // Вестник путей сообщения. – 1913. – № 49. – С. 851–852.
204. От Училищного совета при Святейшем Синоде // Церковные Ведомости. – 1912. – № 10. – С. 62.
205. Отчет императорского Русского географического общества за 1887. – СПб.: Тип. А.С. Суворина. – 1888.
206. Отчет о деятельности Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1898 г. – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1899.

207. Отчет по С.-Петербургскому городскому попечительству о народной трезвости за 1898 год. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1899. – 28 с.
208. Отчет по С.-Петербургскому городскому попечительству о народной трезвости за 1899 год. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1900. – 32 с.
209. Отчет по С.-Петербургскому городскому попечительству о народной трезвости за 1904 год. – СПб.: Типо-лит. Р.С. Вольпина, 1906. – 46 с.
210. Постановления Пинского духовно-училищного съезда, бывшего 8 и 9 июля 1871 года // Минские епархиальные ведомости. – 1871. – № 44 (часть официальная). – С. 346–348.
211. Постановления Пинского духовно-училищного съезда, бывшего 31-го октября и 1 и 2 ноября 1872 года // Минские епархиальные ведомости. – 1872. – № 52 (часть официальная). – С. 432–436.
212. Постановления Пинского окружного духовно-учебного съезда, бывшего 21 и 22 августа 1874 года // Минские епархиальные ведомости. – 1874. – № 20 (часть официальная). – С. 329–333.
213. Постановления Пинского окружного духовно-учебного училищного съезда, бывшего 24–26 апреля 1874 года // Минские епархиальные ведомости. – 1874. – № 11 (часть официальная). – С. 186–195.
214. Правительственный Вестник. – 1895. – № 11.
215. Приветствия, полученные от разных учреждений и лиц, по случаю исполнившегося 13 апреля 1893 года столетия существования Минской Духовной Семинарии // Минские епархиальные ведомости. – 1893. – № 17 (часть неофициальная). – С. 433–461.
216. Разрядный список воспитанниц Виленского женского училища духовного ведомства за 1886/7 учебный год

- // Литовские епархиальные ведомости. – 1887. – № 23 (часть официальная). – С. 191–192.
217. Разрядный список учеников Жировичского духовного училища // Литовские епархиальные ведомости. – 1886. – № 30–31 (часть официальная). – С. 281–282.
218. Труды комиссии по вопросу об алкоголизме, мерах борьбы с ним и для выработки нормального устава заведений для алкоголиков / Под. ред. М.Н. Нижегородцева. Вып. V. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900.
219. Указ Св. Синода, от 22 мая 1873 года за № 19, об устройстве приготовительных классов при духовных училищах // Минские епархиальные ведомости. – 1873. – № 19 (часть официальная). – С. 317–335.
220. Циркуляры Главного Морского Штаба: 1895. – № 33; 1910. – № 32.
221. Циркуляры Главного Штаба: 1889. – № 277 (4 декабря); 1891. – № 4 (9 января) и № 18; 1892. – № 248 (18 декабря); 1893. – № 276 (13 декабря); 1895. – № 21 (23 января); 1898. – № 269.

2. Архивные материалы

222. Архив Рождества-Богородицкой церкви деревни Лужки Шарковщинского района Витебской области.
223. Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 4. Д. 77.
224. Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф. 72 (Б.Б. Глинского). Д. 63.
225. Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф. 377 (С.А. Венгерова). Оп. 7. Д. 651.
226. Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф. 540. Оп. 2. Д. 1271.

- 227. Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф. 569 (М.Ф. Де-Пуле). Д. 151.
- 228. Литовский государственный исторический архив. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1185.
- 229. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 33011, 33319, 34456, 34764, 35092, 40922, 40926.
- 230. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 120 (Бычковы). Д. 958.
- 231. Российский государственный исторический архив. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2106. Л. 4–5.
- 232. Российский государственный исторический архив. Ф. 472. Оп. 44 (225/2195). Д. 78. Л. 88–89, 94.
- 233. Российский государственный исторический архив. Ф. 484. Оп. 1. Д. 824.
- 234. Российский государственный исторический архив. Ф. 777. Оп. 17. Д. 184.
- 235. Российский государственный исторический архив. Ф. 777. Оп. 19 (раздел II). Д. 16.
- 236. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 155. Д. 721.
- 237. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 183. Д. 643.
- 238. Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 72. III от. 4 ст. Д. 196.
- 239. Российский государственный исторический архив. Ф. 1628 (Голубинский Е.). Оп. 1. Д. 534.
- 240. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 706. Оп. 1. Д. 567.

3. Периодические издания

- 241. В борьбе за трезвость (журнал). – М., 1911–1916.
- 242. Вестник Трезвости (журнал). – СПб. (Пг.), 1894–1917.

- 243. Всероссийский Вестник Трезвости (журнал). – СПб., 1911–1912.
- 244. Народная Трезвость (бесплатное прил. к журналу «Трезвые всходы»). – СПб., 1911.
- 245. Приходский священник (журнал). – СПб., 1911–1913.
- 246. Трезвые Всходы (журнал). – СПб., 1908–1914.
- 247. Трезвая жизнь (журнал). – СПб., 1905–1914. (позже «Родная жизнь». – Пг., 1914–1917).
- 248. Сила трезвости (журнал). – Пг., 1916.

ЛИТЕРАТУРА

249. *Бандарчык В.К.* Булгакоўскі Дзмітрый Гаўрылавіч / Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. Т. 2 (Афіны – Ведрыч). – Мінск, 1970. – С. 463.
250. *Бандарчык В.К.* Булгакоўскі Дзмітрый Гаўрылавіч / Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Белраусі. Т. 1 (А капелла – Габелен). – Мінск: Выд. «Беларуская савецкая энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1984. – С. 513–514.
251. *Белодубровский Е.Б.* Булгаковский Дмитрий Гаврилович / Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – С. 347.
252. Беседа священника о. Д.Г. Булгаковского о пьянстве и его последствиях // Петербургская газета. – 1898. – № 280. – С. 2.
253. *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни: Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период. – М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2004. – 664 с.
254. *Бобровский П.* Гродненская губерния / Сост. чл. Имп. Рус. геогр. о-ва Ген. штаба подполк. П. Бобровский. – СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1863.
255. Булгаковский Дмитрий Гаврилович / Большая Энциклопедия (в 62-х томах). Т. 7. – Москва: «ТЕРРА», 2006. – С. 439.
256. Булгаковский Дмитрий Гаврилович / Республика Беларусь: Энциклопедия: В 6 т. Т. 2 / Редкол.: Г.П. Пашков и др. – Минск: БелЭн, 2006. – С. 555.
257. Булгаковский Дмитрий Гаврилович / Энциклопедический словарь. Доп. том I «Аа – Вяхирь». [Репринт. воспр. изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. 1905 г.]. – «ТЕРРА»-«TERRA», 1994. – С. 330.

-
258. *Быков Д.Л.* Блаженный Булгаковский / Блуд труда [Электронный ресурс]. – http://www.belousenko.com/books/new_names/bykov_blud_truda.htm. – Дата доступа 28.07.2008.
259. *Вержболович М.* История Минской Духовной Семинарии. Третий период ее существования (1840–1874 гг.) // Минские епархиальные ведомости. – 1901. – № 1 (часть неофициальная). – С. 8–15.
260. *Весь Петербург.* Адресная и справочная книга. – СПб., 1894–1914.
261. *Весь Петроград.* Адресная и справочная книга г. Петрограда. – Пг., 1915–1917.
262. Внутренние известия (о докладе священника Д. Булгаковского) // Русские Ведомости. – 1899. – № 279. – С. 2.
263. В церковных кругах перед революцией (Из писем архиепископа Антония Волынского к митрополиту Киевскому Флавиану) // Красный архив. – 1928. – № 6.
264. *Галкин Михаил, священник.* Трагедия пастырства // Приходский священник. – 1911. – № 39. – С. 3–4.
265. *Глазунов А.* Лев Толстой, великое единение народов и международный язык [Электронный ресурс]. – <http://miresperanto.narod.ru/historio/tolstoj/01.htm>. – Дата доступа 28.07.2008.
266. *Гончаров И.А.* Очерки. Литературная критика. Письма. Воспоминания современников / Сост., вступ. ст., прим. Т.В. Громовой. – М.: Правда, 1986. – 592 с., ил.
267. *Горчаков М.И., протоиерей.* История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Том первый. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода (1721–1725 гг.). Сочинение С.Г. Рункевича. СПб. 1900. Стр. 429+II / Отчет о сорок третьем присуждении наград графа Уварова // Записки Императорской Академии Наук. – СПб., 1902. – С. 15–62.

268. Государственная Дума и Государственный Совет // Приходский священник. – 1911. – № 21. – С. 13.
269. *Гурскі А.І.* Булгакоўскі Дзмітрый Гаўрылавіч / Беларуская Энцыклапедыя. Т. 3. – Мінск: «Беларуская Энцыклапедыя». 1996. – С. 330.
270. *Гурскі А.І.* З любоўю да народа: З жыцця і фальклорна-этнаграфічнай дзейнасці Д.Г. Булгакоўскага і П.П. Дземідовіча. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – 65 с.
271. Два слова о докладе свящ. Д. Булгаковского: «Роль православного духовенства в борьбе с народным пьянством» // Вестник трезвости. – 1899. – № 58–59. – С. 48.
272. Дело трезвости в 1911 году // Трезвые Восток. – 1912. – № 1. – С. 7–11.
273. *Довнар-Запольский М.* Женская доля в песнях пинчуков // Этнографическое обозрение. – М., 1891. – Кн. IX. – № 2. – С. 42–58.
274. *Дружиловский Феликс, священник.* Из церковной летописи Купятицкой Свято-Николаевской церкви // Минские епархиальные ведомости. – 1874. – № 9 (часть неофициальная). – С. 283–289.
275. *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. – М.: Моск. рабочий; ВПМД, 1994. – 621 с.
276. Еще по поводу доклада 6 октября в Комиссии по вопросу о борьбе с алкоголизмом // С.-Петербургский Духовный Вестник. – 1899. – № 44. – С. 522.
277. Из провинции. Гришино-Горское Витебской губ. // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 1. – С. 35.
278. Из провинции. Из м. Желудок Виленской губ. // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 2. – С. 77.
279. Из провинции. Письмо С. Яновского // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 2. – С. 77–78.
280. *Карпинский М.* Говор пинчуков // Русский Филологический Вестник. Т. XIX. – Варшава, 1888. – С. 45–54.

-
281. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. I–II. – СПб.: Изд. Олега Абышко, 2004; «Библиополис», 2004.
282. К борьбе с пагубным пороком // Церковный Вестник. – 1899. – № 41. – С. 1468–1469.
283. Корень деревенского пьянства. (Письмо крестьянина из Слонимского уезда) // Литовские епархиальные ведомости. – 1887. – № 30 (часть неофициальная). – С. 255.
284. *Маюров А.Н.* Знаменитые трезвые люди планеты. [Электронный ресурс]. – http://www.tvreza.info/sobriety/history/persons_ru.html. – Дата доступа 26.11.2008.
285. *Миштовт В.* Открытое письмо // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1912. – № 3. – С. 82–83.
286. Мнения и отзывы. (К вопросу о борьбе с народным пороком пьянства) // Церковный Вестник. – 1899. – № 46. – С. 1628–1633.
287. Мнения и отзывы. (К вопросу о борьбе с народным пьянством. Участии духовенства в этой борьбе) // Церковный Вестник. – 1899. – № 50. – С. 1787–1790.
288. *Мордвинов И.* Трезвенный музей // Трезвая Жизнь. – 1913. – № 7–8. – С. 130–135; № 11. – С. 560–571; № 12. – С. 682–691; 1914. – № 2. – С. 242–251; № 6. – С. 733–752.
289. *Москалевич Р., священник.* 19 февраля 1874 года в м. Гайне // Минские епархиальные ведомости. – 1874. – № 7 (часть неофициальная). – С. 237–238.
290. Не-алкоголик. В опровержение публичной клеветы на духовенство. (Реферат Д. Булгаковского в собрании Комиссии по вопросу о борьбе с алкоголизмом) // С.-Петербургский Духовный Вестник. – 1899. – № 43. – С. 506–510.
291. Особое мнение протоиерея М.И. Горчакова, по докладу особой комиссии Государственного Совета, относительно проекта Государственной Думы об отмене ограничений

- политических и гражданских, соединенных с лишением или добровольным снятием сана или звания. – СПб.: Тип. МВД, 1910. – 27 с.
292. От редакции. Ответ С. Яновскому // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1911. – № 2. – С. 80.
 293. Отрывки из писем С.А. Рачинского // Трезвость и Бережливость. – 1903. – № 2. – С. 29–30.
 294. *Папков А.* Несправедливый законопроект. (По поводу закона о последствиях лишения духовного сана) // Приходский священник. – 1911. – № 17. – С. 4–6.
 295. Петербургская хроника. Пастырское собрание 19 ноября // С.-Петербургский Духовный Вестник. – 1899. – № 48. – С. 567–568.
 296. Петербургская хроника. Собрание комиссии по вопросу об алкоголизме // С.-Петербургский Духовный Вестник. – 1899. – № 45. – С. 531–532.
 297. *Писаревский Н., священник.* Тяжкое обвинение против духовенства. (Письмо в Редакцию) // Церковный Вестник. – 1899. – № 43. – С. 1518–1521.
 298. Пьянство и его вредные последствия // Петербургская газета. – 1898. – № 289. – С. 3.
 299. *Рачинский С.А.* Письма к духовному юношеству о трезвости. – М., 1899.
 300. *Рункевич С.Г.* Из истории Русской Церкви в царствование Петра Великого // Христианское чтение. – 1900.
 301. *Сапунов А.П.* Исторический очерк Витебской Белоруссии. – Витебск: Типо-лит. Наслед. М.Б. Неймана, 1911. – 66 с.
 302. Священник из Сибири. Снятие сана // Приходский священник. – 1911. – № 18. – С. 8.
 303. *Севастьянов А.Н.* Разочарование (стих) // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1912. – № 3. – С. 96.

-
304. *Семенов Борис*. Странник Александр Крайнев // Горница. – 1995. – № 3.
305. *С[оллертин]ский С., протоиерей*. Духовенство и народная трезвость // Церковный Вестник. – 1900. – № 44. – С. 638–644.
306. *С[оллертин]ский С., протоиерей*. К обсуждению доклада о. Д. Булгаковского // Церковный Вестник. – 1899. – № 44. – С. 1572–1574; № 45. – С. 1607–1610.
307. *Ставицкая Н.* К 180-летию Зосимовой пустыни [Электронный ресурс]. – http://www.meparh.ru/publications/periodicals/mev/2006_9_10/6.htm. – Дата доступа 07.10.2008.
308. Указатель русской противоалкогольной литературы, вышедшей из печати в 1911 г. (Бесплатное приложение к журналу «Трезвая Жизнь» за 1912 г.). – СПб.: Тип. Александро-Невского Общества Трезвости, 1912. – 55 с.
309. Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных [Электронный ресурс]. – <http://www.frip.ru/newfrip/cnt/news/history/01/014/4>. – Дата доступа 14.11.2008.
310. *Фирсов С.Л.* Церковь в Империи. – СПб.: Изд. «Сатисъ», 2008. – 460 с.
311. Храмы России [Электронный ресурс]. – [http://www.temples.ru/main.php?op=page&name=06102004092237\(4of15\)](http://www.temples.ru/main.php?op=page&name=06102004092237(4of15)). – Дата доступа 23.07.2009.
312. Хроника. Чтения, устраиваемые Всероссийским Трудовым Союзом христиан трезвенников // Всероссийский Вестник Трезвости. – 1912. – № 1. – С. 27.
313. *Черепица В.Н.* Не потерять связующую нить: история Гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии) [Электронный ресурс]. – <http://trezv.org/trezvost/tag/borba-za-trezvost>. – Дата доступа 26.11.2008.

314. Читателям // Трезвые Выходы. – 1911. – № 10–12. – С. 141–144.
315. *Шавельский Георгий, протопресвитер*. Русская Церковь пред революцией. – М.: Изд. «Артос-Медиа», 2005. – 510 с.
316. *Щеглов Г.Э.* Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924). Жизнь и служение на переломе эпох. – Минск: ВРАТА, 2008. – 436 с., ил.
317. *Эремич И.* Очерки белорусского Полесья // Вестник Западной России. – Вильна, 1868. – Кн. 8. – С. 107–133; кн. 9. – С. 201–222; кн. 10. – С. 1–20; кн. 11. – С. 95–117.
318. *Янчук Н.А.* По Минской губернии, заметки из поездки в 1886 г. // Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. IX. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. – Вып. 1. – 1889. – С. 57–112.
319. 25 лет назад. Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. – 1930. – № 4–5.
320. *Bykowski P.* Pieśni obrzędowe ludu ruskiego z okolic Pińska // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. – Kraków, 1878. – Т. 2.
321. *Zieńkiewicz R.* Piosnki gminne ludu Pińskiego. – Kowno, 1851. – VII, I, 65 с.

Оглавление

Предисловие	7
I. Детство и годы учебы	15
II. На ниве приходского служения	24
III. Расширение литературной деятельности	82
IV. Борьба за народную трезвость	102
V. В новом звании.....	142
VI. В стороне от жизни	161
VII. С новыми силами.....	172
VIII. Народные чтения	206
IX. На закате... ..	220
Послесловие	230
БИБЛИОГРАФИЯ	234

Духовно-просветительное издание

Щеглов Гордей Эдуардович

ПЕЧАЛЬНИК О БЛАГЕ НАРОДНОМ
Жизнь и литературные труды
Дмитрия Гавриловича Булгаковского

Научный редактор

В.А. Теплова

Художественное оформление

XXXXXXXXXXXXXXXXXX

Обработка фотоматериалов

Е.В. Шабад

Верстка

А.Е. Шабад

Корректор

Л.В. Сулягина

Подписано в печать XX.XX.2009. Формат 60х84/16
Бумага офсетная. Гарнитура "Times New Roman". Печать офсетная.
Усл.печ.л. X.XX. Тираж XXX экз. Заказ №
Издательство XXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX